

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА **3** *2023*

POLITICAL SCIENCE (RU)

**Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Армении (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Коргунок** – д-р полит. наук, и.о. завотделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: д-р полит. наук *М.В. Ильин*, д-р филол. наук *С.Т. Золян*

Литературный редактор: *Д.О. Растегаев*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*, *П.С. Копьлова*

Ответственный за номер: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77-36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2023.03.00

© ИНИОН РАН, 2023

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, National Academy of Armenia (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD (Pol. Sci.), Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ**

СОДЕРЖАНИЕ

Ильин М.В., Золян С.Т. Представляем номер..... 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Ильин М.В.</i> Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности	11
<i>Авдонин В.С.</i> Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации	38
<i>Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л.</i> Взаимосвязь означающего и означаемого политических знаков: проблемы и перспективы исследований	60
<i>Подшибякина Т.А.</i> Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке.....	81

РАКУРСЫ

<i>Золян С.Т.</i> Слово и дело: перформативы в политических практиках и дискурсах	98
<i>Казаков И.В., Фомин И.В.</i> Прагматические аспекты семиозиса в политическом дискурсе: споры о фактах	132
<i>Тулчинский Г.Л.</i> Смыслообразование и власть, или Политическая прагмасемантика	151
<i>Пробст Н.А.</i> Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории	170

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Бабаян В.В.</i> От права до получения услуги: как дистанционное голосование трансформирует электоральные процессы?	190
<i>Инишаков И.А.</i> Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса.....	213
<i>Шилина А.Н.</i> Аффект или идеология: влияние политической поляризации на восприятие интернет-троллинга	230

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

<i>Ефременко Д.В.</i> Гарольд Госнелл и чикагская школа политологии.....	252
<i>Госнелл Г.Ф.</i> Статистики и политические ученые (Перевод)	266

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Гаврилова М.В.</i> Лексикографическое описание языка политики в конце XX – начале XXI в.	282
<i>Остапенко Г.И.</i> Язык изменений этнокультурных пространств (Рецензия)	307

**THEME OF THE ISSUE:
LINGUISTIC TURNS IN POLITICAL
AND SOCIAL SCIENCES**

CONTENTS

Ilyin M.V., Zolyan S.T. Introducing the issue 9

STATE OF THE DISCIPLINE

Ilyin M. Linguistic turns: chances lost and affordances regained 11

Avdonin V.S. Discourse and legitimacy: to a functional interpretation of discursive aspects of political legitimation 38

Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. The relationship of the signifier and the signified of political signs: problems and prospects of research 60

Podshibyakina T.A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science 81

PROSPECTS

Zolyan S.T. Words and deeds: performatives in political practices and discourses 98

Kazakov I.V., Fomin I.V. Pragmatic aspects of semiosis in political discourse: disputes about facts 132

Tulchinskii G.L. Power and making of meaning, or political pragmasemantics 151

Probst N.A. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture 170

FIRST DEGREE

<i>Babayan V.V.</i> From entitlement to service: how is absentee voting transforming electoral processes?.....	190
<i>Inshakov I.A.</i> Interrelation of Scientific and Utopian Elements in the Political Thinking of Karl Marx.....	213
<i>Shilina A.N.</i> Affect or Ideology: the impact of political polarization on perceptions of internet trolling.....	230

REREADING THE CLASSICS

<i>Efremenko D.V.</i> Harold Gosnell and the Chicago school of political science	252
<i>Gosnell H.F.</i> Statisticians and political scientists (Translation)	266

FROM THE BOOKSHELF

<i>Gavrilova M.V.</i> Lexicographic description of the language of politics in the late XX – early XXI centuries.....	282
<i>Ostapenko G.I.</i> The Language of evolution of ethno-cultural spaces (Review).....	307

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Тема поворотов в науке крайне модна. О лингвистическом повороте заговорили полвека назад, а то и чуть раньше. Очень скоро выяснилось, что это не один поворот, а целая череда. И действительно, все большее число политологов в своей профессиональной работе обращаются к возможностям языка и речи, а также к достижениям лингвистики. В политической науке появляется все больше лингвистических, семиотических, нарративных, риторических и прочих новаций.

Панорамный обзор наиболее важных новаций за полтора столетия дан в статье М.В. Ильина. Более сфокусированная интерпретация дана в других статьях рубрики «Состояние дисциплины». О возможностях использования анализа дискурсов для развития функциональных трактовок политической легитимации пишет В.С. Авдонин. Проблеме изучения взаимосвязи между означаемым и означаемым посвятили свою статью Ю.Д. Артамоновой и А.Л. Демчук. Обзор полезных для коллег работ по когнитивной нарратологии подготовила Т.А. Подшибякина.

Рубрика «Ракурс» сфокусирована на новом прагмасемантическом повороте. Ее открывает статья лидера этого научного направления С.Т. Золяна «Слово и дело. Перформативы в политических практиках и дискурсах». Тему развивают И.В. Фомин с И.А. Казаковым. Они пишут о связи прагматических аспектов семиозиса с такой актуальной для политической науки проблемой, как оспаривание фактов, освещая при этом более широкий круг политических явлений. Статья Г.Л. Тульчинского посвящена актуальной для политической науки проблеме смыслового подкрепления власти и властных отношений. Исследование прагмасеманти-

ческой деформации отечественной политической идентичности так называемыми родноверами представлено в статье Н.А. Пробста.

Традиционная рубрика журнала «Первая степень» включает статьи наших молодых коллег В.В. Бабаян, И.А. Иншакова и А.Н. Шилиной.

В рубрике «Перечитывая классику» Д.В. Ефременко представляет творчество известного представителя чикагской школы политической науки Гарольда Госнелла и публикует перевод его статьи «Статистики и политические ученые».

Завершает выпуск журнала рубрика «С книжной полки». М.В. Гаврилова дает обзор отечественных словарей языка политики последних трех десятилетий. Г.И. Остапенко предлагает рецензию на публикации наших псковских коллег, касающиеся различных способов представления этнокультурных процессов на пограничьях.

*М.В. Ильин,
С.Т. Золян¹*

¹ **Ильин Михаил Васильевич**, д-р полит. наук, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); профессор-исследователь факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com ; **Золян Сурен Тигранович**, д-р филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: surenzolyan@gmail.com

Mikhail Ilyin, INION RAN (Moscow, Russia); Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com ; **Zolyan Suren**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: surenzolyan@gmail.com

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

М.В. ИЛЬИН*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ: УПУЩЕННЫЕ ШАНСЫ И НАЛИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

Аннотация. В статье повороты трактуются как великие, крупные, меньшие и совсем крохотные переключения на использование возможностей прагматической, структуралистской и интерпретативной научно-исследовательских программ (Лакатос), а также тяготеющих к ним теорий и концепций. Обсуждаются ранние прецеденты, включая политическую компаративистику Э. Фримана и Чикагскую школу Ч. Мерриам. Затем рассматривается большой «лингвистический» поворот середины прошлого века, отмеченный новациями Л. Витгенштейна и Дж. Остина, исследованиями лингвистических и логических модальностей. Очередная волна отметилась подъемом изучения политических дискурсов и концептов, созданием типологий речевых актов и импликатур, развитием критической и структурной функциональной лингвистики и возникновением социальной семиотики. На этом фоне происходит деградация структуралистской традиции через постструктурализм к постмодернистским упражнениям сугубо индивидуального искусства чистой игры с произвольными формами. По-

* **Ильин Михаил Васильевич**, д-р полит. наук, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); профессор-исследователь факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 22-18-00591) «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта

лучает дальнейшее развитие изучение когнитивных аспектов коммуникации и взаимодействия в политике, перформативов, нарративов, логономических систем и правил, мультимодального социального семиозиса, прагматики и прагмасемантики. Наконец, раскрывается результативность новаций, обсуждается, какие из них уже освоены, а какие нуждаются в дальнейшей разработке.

Ключевые слова: прагматика; речевые акты; модальности; дискурс-анализ; социальная семиотика; прагмасемантика.

Для цитирования: Ильин М.В. Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 11–37. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01>

Последние десятилетия стало модным говорить о разного рода поворотах в науке вообще и в политической – в частности. Все началось с больших философских претензий Николая Гартманна и Мартина Хайдеггера на радикальное возвращение к основаниям [см.: Савчук, 2013]. Речь шла не о перемене подхода или направления исследований, а именно о полном развороте, не о *die Wende* (turn, поворот в каком-либо направлении), а о *die Kehre* (U-turn, полный разворот обратно). Затем поворотов становилось все больше и больше, а их радикализм все ослабевал и ослабевал, часто оборачиваясь «поворотами со скрипом» [Венедиктова, 2022]. Во всех случаях внимание фокусировалось на использовании политологами в своей профессиональной работе возможностей языка и речи, а также на достижениях лингвистики. Сейчас уже привычно говорят о большом лингвистическом повороте, начавшемся в середине прошлого века, и о множестве малых поворотов, дополнивших его: лингвистических, семиотических, нарративных, риторических и прочих новаций – от принципиальных подходов до конъюнктурных новшеств.

Дальнейшее построение обзора таково. Кратко рассматриваются ранние прецеденты. Затем обсуждается большой «лингвистический» поворот середины прошлого века, творческий импульс которому дали Людвиг Витгенштейн и Джон Остин, а имя – сборник под редакцией Ричарда Рорти.

Первая волна этого поворота повлекла целую серию разномасштабных и разнородных научных переориентаций прагматического характера. Они включали перформативную теорию речевых актов (*speech act theory*) и анализ обыденного языка (*ordinary language analysis*), исследования как лингвистических, так и логических модальностей, возможных миров, контрфактуальности.

С 70-х годов XX в. начинается новая волна. Она отмечена подъемом изучения политических дискурсов и концептов, созданием типологий речевых актов и импликатур, развитием критической и структурной функциональной лингвистики и возникновением социальной семиотики.

Последующее развитие дает все больше дробные и специфические результаты. Они связаны с изучением когнитивных аспектов коммуникации и взаимодействия в политике, перформативов, нарративов, логономических систем и правил, мультимодального социального семиозиса, прагматики и прагмасемантики.

Предпринимаемый обзор дает материал и ориентиры, чтобы оценить полученные результаты, понять, какие подходы уже дали творческие «выходы», какие обернулись всего лишь «отходами», а какие все еще не реализовали свой потенциал и нуждаются в развитии. Помочь в такой оценке, разобраться в соотношении великих, крупных, меньших и совсем крохотных поворотов помогают три альтернативных органа, прежде всего семиотика, а также три научно-исследовательские программы – прагматическая, структуралистская (синтаксическая) и интерпретативная (семантическая, герменевтическая).

Альтернативные органы и программы

Основой обзора служат концепции научных революций Томаса Куна, научно-исследовательских программ Имре Лакатоса и трансдисциплинарных органов-интеграторов Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований.

Повороты в этом случае удобно трактовать как изменения, которые не столько радикальны как научные революции, сколько способны внести существенные модификации за счет пересмотра не только больших теорий или концепций, но и не использовавшихся до этого внешних возможностей (*affordances*). Иными словами, повороты – это переключения на использование возможностей иных научно-исследовательских программ помимо привычных, а также тяготеющих к ним теорий, концепций и даже частных исследовательских начинаний. Впрочем, такие переключения зачастую сочетаются с изменением соотношения между тремя трансдисциплинарными органами-интеграторами: метретикой, морфетикой и

семиотикой. Степень фокусировки на общих подходах или частных начинаниях и радикализм совершаемых при этом изменений определяют масштаб поворотов от великих до мельчайших.

Повороты предполагают разную степень и характер смещения акцентов на методологические и предметные ориентиры исследований. Большой поворот связан с возникновением новой научно-исследовательской программы за счет переосмысления и интеграции наследия различных интеллектуальных традиций и научных начинаний. Он также может обернуться пересмотром оснований длительной традиции или традиций, а главное – переходом из одной научно-исследовательской программы в другую. Зачастую происходит своего рода возвращение к истокам, но уже иной традиции или программы.

Малый поворот предполагает переориентацию в рамках все той же традиции или ограниченное дополнение привычного подхода принципиально новыми методологическими или предметными новациями. Он, безусловно, не столь основателен, как большой поворот, но может быть связан со сменой научной парадигмы и появлением новых методологий, научных школ и исследовательских проектов.

Сравнительно-исторический поворот был слишком ранним и преждевременным. Фактически он так и остался преждевременным – возможно, в силу того, что сама политическая наука во второй половине позапрошлого века только формировалась как самостоятельная отрасль, хотя, как сфера мысли, знания и экспертизы, безусловно, существовала с древнейших времен. Связан этот несостоявшийся поворот с усилиями Эдварда Фримена (1823–1892), известного оксфордского историка, который еще на рубеже 60-х и 70-х годов позапрошлого века задумал амбициозный проект сравнительного изучения политики по образцу сравнительно-исторического изучения языков. В 1873 г. он издал книгу «Сравнительная политика» (*Comparative politics*), в которую вошли лекции, прочитанные в Королевском институте. Эта инициатива, увы, не получила серьезного развития. Очень медленно за два-три десятилетия начала складываться сравнительная политология, но усвоение достижений сравнительно-исторического языкознания оказалось слишком трудной задачей. Фактически инструментами сравнения стали заимствованные в философии, этике и юриспруденции нормативные схемы и категории.

Сходную инициативу чуть позднее предпринял М.М. Ковалевский, опубликовавший целую серию работ: «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880), «Современный обычай и древний закон» (1886), «Первобытное право» (1886). В первой из них Ковалевский прямо декларировал необходимость изучения институтов политики и права по образцу сравнительно-исторического языкознания и лингвистических реконструкций эволюции индоевропейских языков, однако практических результатов получить не сумел. Эта задача остается актуальной для нынешней политической науки и даже, скорее, для политической науки ближайших десятилетий. Когда соответствующая научно-исследовательская программа будет намечена хотя бы в общих чертах, она станет ценнейшим лингвистическим поворотом.

Ранний прагматический поворот предвосхитил Вильгельм фон Гумбольдт, писавший, что язык не сотворенное дело (Werk, Ergon), а деятельность (Thätigkeit, Energia) [Humboldt, 1836, S. 41]. Оба восходящих еще к Аристотелю термина произошли от глагола ἔργω – «работаю, вершу», родственного нашему глаголу «вершить». Таким образом, энергея – это вершение, а эргон – свершенное. На русском данное различие естественнее передается словами «дѣлание» и «дело». В греческом есть почти точная эквивалентная пара πρᾶξις и ἐργασία от глагола πράσσω – «я делаю, практикую». Собственно, само наше слово «практика» от практиκή («опыт дѣлания») происходит от того же глагола πράσσω.

После этой подводки смысл выражения «прагматический» поворот становится яснее. Обычно его связывают с философской школой прагматизма. Отчасти это верно, однако сама школа получила название от того, что ее основатели Чарльз Пирс, Джон Дьюи и Уильям Джеймс нашли в греческих словах πρᾶξις и практиκή наиболее точное выражение своему основополагающему принципу исходной фундаментальности человеческого действия, дѣлания как источника смысла всего нашего существования. Пирс выразил это в виде знаменитой прагматической максимы: «Задумайтесь (consider), какие следствия (effects), могущие предположительно иметь практические значения (practical bearings), мы считаем присущими предмету нашего понимания (we conceive the object of our conception to have). Тогда ваше понимание (conception – дословно “схватывание”) этих следствий и

есть все целое (the whole) нашего понимания предмета» [Peirce, 1878, p. 293]¹.

Это длинное отступление понадобилось для подтверждения не просто актуальности, а фундаментальности и значимости прагматического поворота для политологов. Задумаемся вслед за Пирсом о предмете ваших занятий. Это целедостижение (Парсонс) или деятельность по самостоятельному руководству (Вебер). Именно в этом прагматическом разрезе политика только и приобретает смысл, а слова, лозунги и символы перестают быть чем-то внешним. Они становятся самим действием, дѣланием.

Семиозис и семиотика Чарльза Пирса создают основу для любой работы со всяким смыслом. Что мы ни делаем – танцуем, шутим с друзьями, разглядываем картинки, принимаем решения, голосуем, выходим на митинг – все это возникает с нашими действиями и только благодаря им, а не существует заранее уже где-то там. Совокупно всю эту замечательную практику (!!!) Пирс назвал на греческий лад семиозисом (σημείωσις), используя упоминавшееся Галеном название искусства ставить диагноз по внешним приметам.

Изучение семиозиса и работы со знаками Пирс назвал семиотикой (semiotics) в соответствии с привычной номенклатурой научных дисциплин, когда физику (physics) изучает физика, а математику (mathematics) – математика. Очень скоро произошла несчастливая редукция: научная дисциплина в лице последователей Пирса подменила предмет своего изучения – семиозис, или смыслообразование – усеченным со всех сторон и формализованным исследованием лишь внешних примет смыслов – знаков.

Впрочем, Пирс и сам отчасти подсказал такой путь упрощения. Большая часть его семиотических сочинений посвящена обсуждению различных типов знаков. Гэри Сэндерс насчитал их шестьдесят шесть [Sanders, 1970]. Каждая такая модель включает три

¹ Первоначальный набросок был написан Пирсом в 1877 г. по-французски и опубликован впоследствии в «Философском обозрении Франции и заграницы» (*Revue philosophique de la France et de l'étranger*) в следующей формулировке: «Рассматривать, каковы практические следствия, которые мы считаем предмет нашего размышления способным произвести. Представление обо всех этих следствиях и является целостным представлением об этом предмете» (*Considérer quels sont les effets pratiques que nous pensons pouvoir être produits par l'objet de notre conception. La conception de tous ces effets est la conception complète de l'objet*) [Peirce, 1879, p. 48].

опорные точки, или инстанции: служащая для обозначения инстанция (representamen, репрезентамен), подлежащая обозначению инстанция (объект), устанавливающая смысл инстанция (интерпретант). У Пирса каждая модель разворачивается в трехшаговом движении и превращается в семиозис. У его последователей – редуцируется в статичные треугольники. Деятельный семиозис исчезает. Остается умозрительная семиотика формальных схем.

Семиотика Чарльза Морриса дает нам простую и довольно эффективную адаптацию пирсовской семиотики. Утраты там минимальны, а возможности сохранены, хотя и для Морриса предметом семиотики стала, увы, семиотика. Моррис выделяет три типа знаков, так называемых носителей знаков (sign vehicles), фактически примет или меток своего рода. Это маркеры чего-то внешнего, условных «вещей». Они образуют семантику. К ним можно добавить маркеры для обозначения отношений между знаками. Они образуют синтактику. И уже поверх этих двух уровней или измерений семиотики надстраивается третий, где маркеры указывают на отношения между людьми и вообще инстанциями, использующими первые два типа знаков. Этот третий уровень Моррис именуется прагматикой и, за счет использования его, если и не возвращается к семиозису, то фактически приближается к нему.

Семиотика Чарльза Морриса претендовала на то, чтобы стать своего рода универсальной наукой. Для этого и, конкретнее, для ее экспорта в другие науки были все основания. Однако было, видимо, слишком рано рассчитывать на это. Впрочем, его семиотическое построение было оригинальным образом переосмыслено и, можно сказать, переоткрыто в политике коллегами Морриса по Чикагскому университету.

Символический поворот. В своих работах Чарльз Мерриам, Гарольд Лассуэлл и другие участники чикагской школы политической науки много внимания уделяли символической стороне политики и работали в целом в русле прагматизма. Им удалось получить ценные результаты в трех близких областях, которые могли бы вылиться в лингвистические повороты – политическая трактовка моррисовской семиотики, прагматика коммуникации по поводу власти и коммуникативная интерпретация развертывания политических курсов (policies).

Уже в 30-е годы XX в. Чарльз Мерриам в своей известной книге о политической власти выделяет символы, или знаки власти,

которые он называет миранда (*miranda*), т.е. «то, что призвано восхищать», и хорренда (*horrenda*), «то, что заставляет ужасаться». На языке Чарльза Морриса – это семантические знаки. Мерриам выделяет затем широкие комплексы, включающие миранда и хорренда. Эти комплексы он называет креденда (*credenda*), или «то, во что надлежит верить». Их он оценивает следующим образом: «Креденда власти... содержит причины (*reasons*), которые заставляют интеллект санкционировать (*to give assent*) сохранение авторитета» [Merriam, 1934, p. 113]. В терминах Морриса – это уже целые семиотические высказывания или еще большие образования, которые включают и семантические знаки типа миранда и хорренда, и синтаксические маркеры, и обобщающее прагматическое оформление, которое, собственно, и устанавливает отношения между участниками политического процесса. Однако в книге о власти Мерриам не раскрывает знакового устройства креденды, а обсуждает только ее обобщенный смысл и функциональность.

Это было сделано уже в следующем десятилетии Гарольдом Лассуэллом. Он прямо ссылается на Чарльза Морриса [Lasswell, 1949, p. 8–9]. Впрочем, Лассуэлл дополняет его построение тем, что он называет мифом (*myth*). Его он трактует как «фундаментальное исходное мнение» (*fundamental assumption*). Затем он выделяет в мифе «символы чувства и идентификации» и вслед за Мерриамом называет их миранда. К ним он добавляет политическую формулу, которая представляет собой «часть политического мифа, описывающую и предписывающую в деталях социальную структуру». Рационализированный таким образом изнутри миф превращается в креденда, которые в совокупности и целостности Лассуэлл предпочитает называть политической доктриной (*doctrine*) [Lasswell, 1949, p. 9–14].

Важная новация Лассуэлла заключалась в том, что он показал особую роль семиотической прагматики как начального момента семиозиса в виде мифа. Далее от него происходит переход к семантике, затем к синтактике и, наконец, венчается вся конструкция прагматическим завершением в виде доктрины. Ее Лассуэлл прямо связывает с кредендой Мерриам [Lasswell, 1949, p. 10]. А раз так, то доктрина как креденда совпадает с мифом – уже не предпосылкой, а результатом семиозиса. Тем самым предложена кольцевая, т.е. рекурсивная модель семиозиса. Это достижение не вполне освоено даже в современной семиотике.

Политическую значимость прагматических аспектов коммуникации Лассуэлл представил также еще между войнами и сделал ее семиотическую формулу названием «Политика: кто получает что, когда и как» (Politics: Who gets what, when, how) [Lasswell, 1936]. Общим местом стал интерпретирующий перевод этого названия в терминах коммуникации: «Кто (говорит), что (кому), по какому каналу, и с каким эффектом».

К сожалению, дальнейшего развития лингвистический поворот чикагцев не получил. Не получила семиотического развития и инициатива по формированию коммуникативного изучения политических курсов (policy studies) при всем ее потенциале [Dunn, 2019; 2022]. Обе инициативы весьма актуальны, они могут получить продолжение с учетом, разумеется, накопленного политической наукой за последние семь десятилетий опыта.

Ранний структуралистский поворот во многих отношениях был зеркальной противоположностью прагматического. Именно это обычно и подчеркивается. Однако в самом существенном они сходились. Это обычно ускользает от внимания. Общее в четком определении своих основополагающих принципов и в едином исходном моменте. Этот момент – семиотическая форма дела и дѣлания. Фердинанд де Соссюр, например, недвусмысленно утверждал в соответствии с трактовкой компиляторов его знаменитого Курса Альбера Сеше и Шарля Балли, что это языковые структуры и формы, а сам язык – это социальный факт (le langage est un fait social) [Saussure, 1971, p. 20; Соссюр, 1977]. Исходное латинское слово факт (factus) созвучно акт (āctus), а оба причастия происходят от близких по смыслу глаголов faciō – «я делаю» и agō – «я действую», которые передают разные моменты единого дѣлания: нечто сделанное и некое действие. Так что язык (langage)¹ фактически совпадает с практикой прагматистов. Де Соссюр подчеркивает, что практика эта социальная, не языковая.

Получается, что де Соссюр вполне готов принять прагматическую максиму: следствия (effects) использования языка в силу

¹ Обычно вопреки практике французского языка этот соссюровский термин на русский неудачно переводят как «языковая деятельность», чтобы отличить от термина *langue*, который передают русским словом «язык». Я систематически пользуюсь более удачным выбором, перевожу *le langage* как язык, а новообразование *la langue* передаю новообразованием же *яз*.

своей практической значимости (practical bearing) присущи языку и составляют все целое (the whole) нашего понимания (conception) языка. Возразить нечего. Это бесспорно так, но изучать это целое, этот необъятный и ускользающий предмет жизненной практики де Соссюр не может и не хочет как раз в силу его всеохватности и изменчивости. Так что приходится делать прямо противоположное – обращаться к тому конкретному и неизменному, которое поддается точному анализу и изучению. И для этого нового предмета изучения он находит и точное название – *яз* (*la langue*). Более того, весь смысл своей программы, программы в лакатосовском смысле, он афористично обобщает в заключительной фразе всего своего знаменитого Курса: «... единственным и истинным объектом лингвистики является *яз* (*langue*)¹, рассмотренный в самом себе и для себя» («... la linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même») [Saussure, 1971, p. 374].

Честность, радикализм и отчетливость провозглашенной Фердинандом де Соссюром научно-исследовательской программы позволяет рассматривать его как создателя этой программы, хотя изучение чистых форм и структур началось со времен незапамятных. В разработке основ формального и структурного анализа крайне важна роль Московского лингвистического кружка и ОПОЯЗа (1915–1925); впрочем, сами основы подхода были заложены еще Московской (фортунаатовской) формальной школой (с 1870-х годов до середины XX в.). Продолжателями структуралистского направления стали Пражский лингвистический кружок (1926–1939), фактически созданный выходцами из московского, а главное, Копенгагенский лингвистический кружок (с 1931 г.).

Структурализм был воспринят политической наукой поздно, однобоко и поверхностно. Так что о структуралистском повороте говорить не приходится, хотя некоторые начинания давали для этого основания. Это, например, формальный морфологический анализ сюжетов В.Я. Проппа, а главное – новации Луиса Ельмслева, прежде всего различение плана содержания и плана выражения, а также выделение фигуры и дóмысли (*mening, purport*)².

¹ Курсивом выделено мое исправление. – М. И.

² В русском переводе «Пролегоменов» с английского Ю.К. Лекомцев использует слово *материал*.

Планы выражения и содержания Луиса Ельмслева стали важнейшим усовершенствованием формального подхода и структуралистской научно-исследовательской программы. Одна из трудностей структурализма заключалась в том, что различие формы и субстанции, при всем своем интеллектуальном великолепии и аналитической значимости, осложнено тем, что фактически на практике они неразрывны. На эту практическую неразрывность сделала ставку зеркальная по отношению к структурализму программа прагматистов, трактуя практическую деятельность людей в том числе как процессы формализации субстанции и субстанциализации формы. Пирсовский семиозис как раз эту задачу решает. Структуралисты делают форму не просто автономной, а самоценной и самодостаточной. Завершающий тезис курса Соссюра, напомним, настаивает, что предмет структуралистских занятий – это *яз* (*langue*), рассмотренный в самом себе и для себя, т.е. без субстанции, а значит – содержания. Но как тогда изучать речь (*parole*) и язык в целом (*langage*)? А нужно учесть еще и целостные эпизоды общения, некие «малые» языки, включающие свои «малые» речь и *яз*, как показал Эрик Бюиссанс, назвавший этот предмет лингвистических исследований дискурсом (*discourss*) [Бюиссанс, 2016].

Для решения этой проблемы Ельмслев выделяет в языке, речи и дискурсах большие комплексные предметы изучения с доминированием либо формальных, структурных характеристик, либо субстанциональных, содержательных. Их он называет уже не формой и субстанцией, а планом выражения (*expression plane*) и планом содержания (*content plane*). И при этом, дабы разрешить аналитические трудности, не отказывает в существовании или субстанции в каждом из планов, но напротив, даже настаивает в необходимости структурировать каждый из планов и работать с соответствующими структурами. Получается своего рода структуралистская экспансия, открывающая возможность структуралистского изучения как формального выражения языковых явлений, так и их смыслового содержания.

Фигура и *дóмысль* стали следующим ключевым достижением Луиса Ельмслева. Соотнесение планов содержания вполне ожидается показывает, что они подобны друг другу. Однако есть в них нечто, что не соответствует другому плану. Как лингвист Ельмслев прежде всего обратил внимание на то, что в плане выражения есть своего рода довески, названные им фигурами. У них есть

структурные характеристики, конфигурации, но этим структурам нет соответствий в плане содержания. Это касается, например, звуковой стороны дела. Не он первый это заметил. Еще де Соссюр утверждал, будто знаки, точнее их звучание, не имеют никого лингвистического смысла, точнее функциональности, а потому якобы произвольны (*arbitraire*). Оставляю в стороне проблему произвольности, мотивированности и конвенциональности знаков (по де Соссюру), или носителей знаков (*sign vehicles*) в более точных и изощренных трактовках. Это одна из ключевых проблем лингвистики. Важно другое: наши исследовательские задачи позволяют исключать (точнее – не замечать) несущественные для нас субстанции или формы.

Точно так же Ельмслеву как лингвисту пришлось исключить из предмета своего изучения и анализа то, что происходит в психике людей при общении, речи. Точнее, он отказался это изучать профессионально, но не мог совершенно игнорировать когнитивную и психологическую сторону мышления. Он признал, что все это существует и даже крайне важно, но для него – опять подчеркну: как для лингвиста – не структурировано. И это внеязыковое, и для него тем самым «бесформенное», мыслительное образование он назвал сначала в исходном датском тексте своих «Прологоменов» просто смыслом (*mening*). Получалось, что в языке есть структурированная мысль, а в психике неструктурированная, но слово используется одно. В английском переводе, авторизованном самим Ельмслевом, было найдено другое решение. Внешний по отношению к языку смысл был назван *purport*. Первым русским соответствием было бы «намерение». Да, верно, это как раз такой смысл, который стремится оформиться в языке. Но в сознании и в нейропроцессах он уже оформлен нелингвистически. Для психолога, а тем более нейробиолога важно как раз лингвистическое оформление исключить для адекватного, точного и профессионального изучения соответствующих явлений.

В этой статье я предпринимаю попытку перевести ельмслевские термины *mening* и *purport* русским новообразованием *дóмысль*, соединив два смысловых оттенка – во-первых домысел, догадку, а во-вторых, нечто предшествующее лингвистически оформленной мысли. Это позволит в самом тексте русского перевода «Прологоменов» различать языковой и внеязыковой смысл.

Теперь обратимся к большому лингвистическому повороту, оставив в стороне для другого случая важные для политологов ранние трактовки дискурса Э. Бюиссансом и Э. Бенвенистом, морфологию сюжетосложения В.Я. Проппа, научные находки Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона.

Большой «лингвистический» поворот

Большой лингвистический, а по сути, семиотический поворот готовился загодя. Все, о чем уже шла речь, было прямой или косвенной подготовкой. Велик личный вклад Бертрانا Рассела и его ученика Людвиг Витгенштейна. Важными ориентирами для большого лингвистического поворота стали формы жизни (Lebensformen, forms of life) и языковые игры (Sprachspiele, language-games) Витгенштейна. Формы жизни – это вся целостность совместной практической деятельности различных групп людей, а также используемые в ходе этой деятельности образцы, обычаи и привычные формы (отсюда и название), которые делают взаимодействие и понимание друг друга возможным. Данные формы являются опорными моментами языковых игр, которые включают «язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн, 1994, с. 83]. И далее Витгенштейн уточняет, что «термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [с. 90]. Тем самым языковые игры придают смысл практической деятельности людей, а их речи – столь же практическую действенность. Тут очевидна перекличка с прагматиками и Пирсом, но одновременно предвосхищение манифеста большого лингвистического поворота – книги Джона Остина «Как творить дела словами» (How to do things with words) [Austin, 1962].

Выражение «лингвистический поворот» было пущено в оборот Густавом Бергманном. Он связал этот поворот с деятельностью Джорджа Мура, Бертрانا Рассела, Людвиг Витгенштейна и современного ему круга логических позитивистов, которые «принимают лингвистический поворот, начатый Витгенштейном в “Трактате”». Суть же поворота состоит в том, что «все считают язык инструментом», а логические позитивисты «используют его иначе». Они «философствуют посредством него... их характерный вклад –

это метод» [Bergmann, 1953, p. 453]. В своей книге 1964 г. Бергманн развивает эту мысль: «Все лингвистические философы говорят о мире, имея в виду язык; это и есть лингвистический поворот, фундаментальный первый шаг, метод, разделяемый философами идеального и повседневного языка» [Bergmann, 1964, p. 177].

Как мы видим, Бергманн и другие авторы сборника «Лингвистический поворот» под редакцией Ричарда Рорти¹ [Rorty, 1967] критически важным моментом считают новации Джона Остина.

«Как творить дела словами» (How to do things with words). В этой удачно названной книге Остин выступает прежде всего как посредник между лингвистикой и даже, скорее, сильно прагматизированной семиотикой и различными сферами практической деятельности людей, включая политику. Он не пытается присвоить достижения лингвистики. Да и к достижениям отношение у него сдержанное. Остин нередко показывает узость лингвистических схем и обновляет свой собственный аналитический аппарат – за счет восполнения замеченных пробелов.

Наиболее известные его новации связаны с выделением комплексных речевых актов (speech acts), которые включают не только и не столько языковые аспекты, сколько деятельностные, причем и обыденные, и специализированные, – например политические. Характерно, что именно прагматика обыденного общения и взаимодействия людей служит отправным моментом и даже дает свое имя сформировавшимся направлениям исследований – перформативной теории речевых актов (speech act theory) и анализу обыденного языка (ordinary language analysis).

Метафоричность названий не должна обманывать. Изучается не речь и язык лингвистов в какой бы то ни было традиции – сосюрровской, гумбольдтианской или какой-либо еще, а вся целостность поведения и жизни людей, проникнутая привычками и обычаями взаимодействия. И как раз это остается в целом неосвоенным и даже непонятым большей частью политологов или представителей других дисциплин. Они по-прежнему видят свой предмет изучения как некие институты, очерченные в терминах философских или юридических описаний, которые дополнены процессами, представленными

¹ Сам Рорти использовал выражение *лингвистический поворот* уже в своей более ранней публикации [Rorty, 1962].

ми в терминах исторических нарративов. Их они пытаются чисто внешним образом дополнить интерпретациями в терминах лингвистики. Если это и поворот, то исключительно поверхностный и внешний к чему-то иному, тогда как Остин предлагает совершить возвращение к себе с углублением и расширением понимания своего предмета как кооперативного взаимодействия. Такое углубление с расширением для каждого дисциплинарного специалиста неизбежно будет своим. Для политологов оно проникнуто фокусировкой, например, на целедостижении в терминах Парсонса (goal-attainment) или на самостоятельном руководстве (die selbständig leitende Tätigkeit) в терминах Вебера. Грубо говоря, при адекватной реакции политологи должны были бы совершить разворот остиновской перформативной теории речевых актов, анализа обыденного языка, категорий локутивных, иллюкутивных и перлокутивных сил к своей теории актов целедостижения и к анализу самостоятельного руководства.

Предлагаемое Остином возвращение к себе через перформативно-локутивное обновление – сам он обновлял в основном философию и этику – фактически вылилось в целых два пусть взаимно связанных, но вполне самостоятельных поворота – прагматического (перформативного) и герменевтического (интерпретационного). О них речь пойдет чуть дальше. Пока же отметим, что альтернативой Большому «лингвистическому» повороту стал другой не менее великий и столь же «лингвистический» поворот, а фактически целый поток разнородных усилий и результатов, известных под лейблами структурализм и постструктурализм. В данной статье он оставляется практически без серьезного внимания по двум основным причинам.

Первая заключается в том, что, хотя численно куда большее число новаций, выдумок и ухищрений, претендующих на статус достижений, пришлось как раз на структуралистский поток творчества, большая часть из них обернулась довольно ограниченными и поверхностными упражнениями на злобу дня и на требования моды. Пусть даже и яркие находки плохо проходили проверку временем. Пожалуй, заметным исключением стало лишь творчество Альгирдаса Греймаса, существенно обогатившего лингвистику, литературоведение и семиотику. Он разработал так называемый семиотический квадрат и несколько других эффективных инструментов типа транспозиции, актантной схемы и т.п. Впрочем, Греймас структуралистским правоверием не отличался и немало

сделал в области генеративной и трансформационной семиотики, а также семиотики действия (*sémiotique de l'action*), отчетливо устремленной в сторону прагматизма.

Вторая причина связана с тем, что структуралистская мода затронула в основном занятия антропологией, культурой, мифологией, литературой и искусством. К политике структуралисты обращались неохотно. А если и обращались, то наскоком и поверхностно. Пожалуй, редким исключением был Мишель Фуко, да и тот, подобно Греймасу, структуралистским правоверием не отличался.

В целом вполне отчетливо прослеживается эрозия и даже деградация структуралистской традиции через постструктурализм к постмодернистским упражнениям сугубо индивидуального искусства чистой игры с произвольными формами.

Вернемся, однако, к изучению речевых актов и обыденного языка в рамках двух самостоятельных поворотов – прагматического (перформативного) и герменевтического (интерпретационного).

Прагматический, или перформативный, поворот. Ключевой фигурой этого поворота является, бесспорно, Ричард Рорти. О его роли в этом повороте существует обширная литература, особенно о книге «Философия и зеркало природы» [Rorty, 1979]. Так что у читателя много возможностей познакомиться с сочинениями и Рорти, и его последователей и комментаторов, включая дружественных оппонентов типа Юргена Хабермаса [Habermas, 2000]. На этом фоне хотелось бы обратить внимание на крайне значимый вклад Кеннета Бёрка. Этот выдающийся литературовед фактически предвосхитил прагматический поворот в своих книгах по грамматике и риторике мотивов, а затем в полной мере развернул в «Языке как символическом действии» [Burke, 1966].

Одним из многочисленных достижений Бёрка было обнаружение феномена терминистических экранов (*terministic screens*) и разработка соответствующего понятия¹ сначала в статье [Burke, 1965], а

¹Прежде всего обращает на себя внимание многозначность и даже двусмысленность этого комплексного понятия. Двусмысленно английское слово *screen*. Оно означает не только экран, то, где появляется нечто зримое, но и ширму, которая нечто зримое скрывает. Второе касается формы прилагательного – не *terminological*, т.е. касающееся терминов, но «касающийся ограничений (исходное значение на латыни) и связей (базовое юридическое значение, например, условия договора)». Иными словами, это своего рода экран-ширма, которая разделяет и связывает людей с помощью слов.

затем в книге [Burke, 1966]. Он начинает ее третью главу о терминистических экранах (на стр. 44–62) с обсуждения различий и сходств между сциентистическими (scientific) и драматистическими (dramatistic) трактовками языка – примерно в том же духе, как в начале этой статьи различались формальные / структуральные схематизации языка и его деятельностные / прагматические истолкования. Соответственно, scientific-трактовка языка Бёрком не столько научная, сциентистская, сколько формально схематизированная, сциентистическая, а драматистическая – не столько связана с театральным действием, сколько с жизненной, прагматичной деятельностью¹. Прямо в соответствии с лозунгом на фронтоне шекспировского «Глобуса» – весь мир лицедействует (Totus mundus fiat histrionem).

Бёрк отмечает, что «любая номенклатура обязательно направляет наше внимание в один канал, а не в другой» [Burke, 1966, p. 45]. Это ведет к тому, что «мы должны (must, выделение Бёрка. – М. И.) использовать терминистические экраны, поскольку мы ничего не можем сказать без использования терминов; какие бы термины мы ни использовали, они обязательно образуют соответствующий вид экрана; и любой такой экран обязательно направляет внимание на одну область (field), а не на другую, в рамках этой области могут существовать различные экраны, каждый со своими способами направления внимания и формирования диапазона наблюдений, предопределяемого (implicit) данной терминологией» [Burke, 1966, p. 50]. Терминистические экраны обращают людей к действию, основанному на интерпретации термина [Burke, 1966, p. 45]. С их помощью люди могут строить свои действия за счет обращения к терминам или отказа от них [Burke, 1966, p. 49].

Далее Бёрк развивает понятие экранирования (screening) – процессов и результатов действия экранов в череде разворачивания, смещения и взаимоналожения (unfolding, moving, and intersecting). Бёрк выделяет два функционально различных типа терминов, т.е. соединителей и разделителей – «термины, которые связывают вещи воедино, и термины, которые разбирают вещи на части» (terms

¹ Собственно исходный греческий и индоевропейский этимон для драмы и игры **dreh₂-* означал «делать быстро, бежать». Соответственно это коренное значение ясно выражено в греческом *δραστήριος* – «действенный» и в английском *drastic* – «решительный, определяющий».

that put things together, and terms that take things apart). Одни «подчеркивают принцип непрерывности, некоторые – принцип прерывистости» [Burke, 1966, p. 49]. В результате мир становится миром композиции (composition) и разделения (division) [Burke, 1966, p. 50].

Герменевтический, или интерпретационный поворот произошёл параллельно с перформативным. Он нашел свое выражение в целой серии очень близких друг другу начинаний по изучению разного рода концептов. Среди них политологам наиболее известно изучение концептных натяжек, начало которому положил Джованни Сартори в его великолепной статье о деформации концептов в сравнительной политологии [Sartori, 1970]. Однако только к натяжкам дело не сводилось. Изучались процессы концептуализации в целом, включая и истории отдельных концептов или их кластеров. Весьма показательны сборник «Вавилонская башня. Об определении и анализе концептов и социальных науках» [Sartori, Riggs, Teune, 1975] и коллективная монография о социальных понятиях [Sartori, 1984]. Был создан комитет по концептному и терминологическому анализу (СОСТА), ядро которого составляли такие известные компаративисты, как Джованни Сартори, Фред Риггз и Генри Тьюне.

Более основательной была инициатива выдающегося историка Райнхарда Козеллека под названием история понятий (*Begriffsgeschichte*). Основным проектом этого научного направления стало 8-томное в 9 книгах издание «Исторические понятия. Исторический лексикон политико-социального языка в Германии» [Brunner, Conze, Koselleck, 1972–1997]. Название не должно обманывать. Хотя в центре именно немецкий язык так называемого *седловинного времени* (*Sattelzeit*)¹ рубежа XVIII и XIX вв., фактически анализ начинается с зарождения понятий и появления соответствующих слов, нередко уже в Античности, а продолжается после седловинного времени вплоть до времени написания статей. Более того, немецкий материал анализируется в сравнении другими европейскими традициями. Это монументальное издание включает 122 статьи примерно от 20 до 60 страниц убористого двухколонника.

¹ Это выделенная и осмысленная Козеллеком пора перехода от партикуляризованных понятий типа «хорошего общества», «ородского общества», «купеческого общества» к генерализованному понятию общества как обобщенной категории [на русском языке см.: Ильин, 1997, с. 32–33].

Оно важно не только как собрание замечательных трудов, но и как коллективный труд, установивший качественно крайне высокие стандарты описания и интерпретации понятий.

Не менее важным достижением стала деятельность так называемой кембриджской школы истории понятий, а фактически – целого созвездия начинаний и трудов самого разного свойства англоязычных исследователей разных профилей и местопребываний, объединенных научной повесткой, намеченной кембриджским профессором Квентином Скиннером – одним из четверки вполне автономных кембриджцев, включавшей Питера Ласслета и Джона Данна, а также Джона Покока, обосновавшегося в Балтиморе в Университете Джона Хопкинса. Общая для этих четырех исследователей повестка представляла собой дальнейший шаг в условно «остиновской» интерпретации исторической деятельности (дел) сквозь трансформацию и превращения отдельных понятий (слов). На ее основе как раз и сформировалась поистине мировая исследовательская сеть, получившая название кембриджской школы.

В России наиболее последовательное и плодотворное изучение истории политических понятий в духе кембриджской школы, или интерфейса понятий и практик [Волков, Хархордин, 2008] осуществляется О.В. Хархordiным [Kharkhordin, 2001; Colas D., Kharkhordin, 2009; Хархордин, 2011; 2020; 2023] и созданным им в Санкт-Петербурге исследовательским центром Res Publica. Кроме того, проблематику истории понятий осваивают и другие отечественные исследователи. Среди них – В.Л. Цымбурский, В.М. Сергеев, Е.Н. Роцин, В.Г. Ледеяев, К.Ф. Завершинский и М.В. Ильин.

Последующая нюансировка малых поворотов

Не решусь давать обобщенных оценок и выделять четкие тренды развития, а только отмечу в режиме простого наблюдения, что начавшаяся на структуралистском фланге в 50-е годы, усугубившаяся в 60-е и возобладавшая в 70-е годы XX в. эрозия традиции и измельчание отдельных исследований с задержкой на два-три десятилетия стала распространяться на иные традиции вплоть до прагматической.

Другая особенность. Прежняя поляризация ярко и отчетливо противостоящих подходов снижается, а пространство между ними заполняется множеством дробных начинаний зачастую комплексного или даже эклектичного толка с размытыми и неясными принципами и ориентациями. Нередко эти новые начинания в чем-то пересекаются друг с другом, а в чем-то расходятся.

В связи с этим дальнейший обзор мельком и в самых общих чертах затронет некоторые наиболее интересные инициативы, которые вылились в некое подобие малых поворотов. Они по своей сути – высказывались ли претензии на роль поворотов или нет – оказывались фактически своего рода научными подходами, или направлениями.

Изучение дискурсов является ныне, пожалуй, самым массовым проявлением так называемых качественных политических и социальных исследований. Они заметно активизировались с начала 1970-х годов. Оно отнюдь не отличалось единым подходом, а было пестрым сочетанием самых разнородных исследований. Этот конгломерат объединял лишь предмет исследования. Неожиданно и парадоксально слово *дискурс* – т.е. *разбегание* от латинского *dis-cursus* – очень хорошо отражает характер и облик потока набравших популярность изысканий разного рода.

При всей своей пестроте исследовательская практика изучения дискурсов тяготеет к двум большим типам интеллектуальной работы. Это восходящий к формальным и структуралистским традициям анализ и связанная с прагматическими и герменевтическими традициям интерпретация политических процессов.

В строгом смысле рамка для структуралистского анализа дискурсов была предложена американским лингвистом Зеллигом Харрисом [Harris, 1952]. Ему же принадлежит и честь создателя термина *дискурс-анализ* (*discourse analysis*), но не дискурса, как ошибочно утверждают Википедия и некоторые американские авторы. Сам лингвистический термин *дискурс* (*discours*) был впервые предложен на целое десятилетие раньше, в начале 1940-х годов, выдающимся бельгийским лингвистом Эриком Бюиссансом [Бюиссанс, 2016]. Он обозначил этим словом отсутствующую в жесткой схеме Фердинанда де Соссюра связку и посредника между язом (*langue*) и речью (*parole*).

Как бы то ни было, дискурс по самому удачному и, главное, доходчивому определению Ю.С. Степанова – это «маленький

язык», т.е. сфокусированный на сфере практического использования сосюрговский *langage*. Тут Степанов развивает понимание дискурса своим учителем Эмилем Бенвенистом [Benveniste, 1970], который не только подхватил идеи Бюиссанса, но и дополнил их еще одним двойственным понятием – *высказывание (l'énoncé)* и *осуществление высказываний (l'énonciation)*. Читатель уже безусловно догадался, что тут прямая связь с речевыми актами Джона Остина, их собственно лингвистическая проработка.

При подобной трактовке дискурс становится удобно и логично понимать и как связку между язом (*langue*) и речью (*parole*), и как одновременно охватывающую их рамку, и как кодирующий высказывания двойник яза, и как «маленький» двойник речи, точнее эпизода общения. Соответственно, в работе с одновременно вполне конкретным по сфере деятельности, но подвижным и зыбким по функциональности (и связка, и рамка, и событие) предметом возникает проблема. Исследователи неизбежно переносят внимание либо на результат, речь, дискурс-продукт, либо на знаковую систему кодировки, либо на конвертацию знаковой системой в практику общения, а ее – обратно в знаковую систему. В результате приходится иметь дело с тремя ипостасями дискурса – продуктом, порождающей системой и конвертором одного в другое. По сути дела, за всем этим стоят усилия участников дискурса систематизировать свою практику или практически воплотить системы – в политике это убеждения, идеологии, институционализованные привычки. Таким образом, открывается возможность направленно изучать три теснейшим образом связанных, но разных феномена.

После этого введения понятно, почему изучение дискурсов не может не быть крайне разнородным и даже противоречивым занятием. Все большая дифференциация видна на следующем простом примере. Первый из справочников по дискурсивному анализу [van Dijk, 1985], общее число которых достигло числа нескольких десятков, создавался уже в первой половине 1980-х годов Тёном ван Дейком. А уже через два десятилетия он же выступает редактором пятитомника, который назвался иначе и куда адекватнее – «Изучение дискурсов» (Discourse Studies) [van Dijk, 2007].

На этом фоне по меньшей мере наивными выглядят попытки большинства коллег-политологов без малейшей подготовки – хотя бы и самообразовательной – обращаться к пресловутому «методу дискурс-анализа». Разумеется, на деле есть множество разных и

очень отличающихся друг от друга методов и техник анализа и не меньше – интерпретации. На практике серьезным исследователям под каждый свой проект приходится складывать, а фактически *ad hoc* создавать весьма изощренные инструментальные наборы (*tool kits*) методов, методик, процедур и прочих исследовательских инструментов и возможностей (*affordances*).

В огромном и разнородном ландшафте изучения дискурсов происходит разжижение подходов и принципов, образование прихотливых рельефов со множеством рукавов со своими практиками. Однако при этом в сознании коллег-политологов продолжает довлеть своего рода мода на анализ (сравнительная аналитическая философия) и системную теорию, что и пытаются сделать козырем, но на практике это больше имитация и фасад. На деле редко кто из «дискурсологов» дотягивает даже до простейшей аналитики, а тем более до структурной лингвистики в духе Зеллига Харриса и его действительного дискурс-анализа. В основной массе публикаций, объявляющих себя дискурс-анализом, преобладают обычные интерпретации от относительно адекватных до весьма произвольных и никак методологически не оформленных.

Разнообразные компьютерные программы обработки текстов в лучшем случае могут служить лишь подспорьем для первичной и очень грубой обработки материала, да и они требуют, как правило, ручной и по большей части интуитивной кодировки, а значит, исследовательского искусства. Приходится признать, что в мировой науке при всем обилии справочников и публикаций собственно методологическими основаниями исследований по-прежнему служат пресловутые подходы, направления и традиции. Единственная разница в том, что доминирующий еще со времен первого справочника подход (*approach*) критического дискурс-анализа дополнился более дробными подходами – историческим, концептным, этнографическим и т.п.

Критический подход. Наиболее продуктивным обновлением исследовательского поля, заслуживающим хотя бы беглого упоминания, стал критический подход к коммуникативным и речевым практикам. Уже упоминавшийся критический анализ дискурсов стал заметной частью этого крайне широкого и разнородного потока. Под углом зрения лингвистического поворота ядро, или, скорее, стрежень потока в 1970–1980-е годы XX в. образовала компактное, но влиятельное и очень заметное направление критической

лингвистики. Наиболее заметными его представителями были Тревор Патнем, Роджер Фаулер, Гюнтер Кресс, Боб Ходж, Тони Трю и Поль Чилтон. Их внимание прежде всего привлекали проблемы политической манипуляции, роль речевых и коммуникационных практик, образования и других способов индоктринации, функции языковых и символических форм. В центре их внимания были орвеллианский язык и ньюспик, выявленный Майклом Халлидеем феномен антиязыка (*anti-language*) [Halliday, 1976], и предложенная Полем Чилтоном его концепция.

Эта компактная, но влиятельная группировка стала своего рода связкой с системной функциональной лингвистикой Майкла Халлидея. Этот выдающийся лингвист был идейно и научно близок к критическим лингвистам, был наставником многих из них, включая Гюнтера Кресса и Боба Ходжа. Общей теоретико-методологической рамкой был социально ориентированный системный функционализм. Важными достижениями Халлидея стала разработка метафункций языка, связавшая его со всей социальной жизнью людей, различение доминантных языков и альтернативных им антиязыков, а главное – предложенная им идея социальной семиотики (*social semiotic*) как основополагающего начала человеческого существования.

Социальная семиотика. Гюнтер Кресс и Боб Ходж подхватили халлидейский принцип социальности общения и семиотики. На этой основе они разработали обобщенную концепцию социальной семиотики (*social semiotics*) как предмета научного изучения и комплексной дисциплины. Данное интегральное направление социальных исследований и предметно и методологически исходит из существования общих для всех человеческих практик правил, норм и установок, интегрирующих всю деятельность людей. Эти правила и установки образуют набор взаимосвязанных альтернативных систем, названных ими логономическими. Логономические системы не просты и однородны, а сложны и многосоставны, а главное, изменчивы. Они постоянно изменяются и эволюционируют. Логономические системы в высшей степени прагматичны в двух важных отношениях. Они связаны с практикой, однако также с диспозициями участников общения и взаимодействия.

В социальной семиотике противопоставление и конфликт языков и антиязыков дополняется взаимодействием различных альтернативных версий логономических систем. Это в том числе осуществля-

ется за счет дополнения лингвистических модальностей еще и модулями социального действия и поведения. Тут, разумеется, вновь оказывается критически важна семиотическая прагматика.

Важным направлением развития социальной семиотики стала разработка мультимодального анализа. Наконец, обновление на новом уровне семиотической прагматики и перформативного анализа дало начало прагмасемантике, которой посвящена целая рубрика этого номера журнала.

M.V. Ilyin*

Linguistic turns: chances lost and affordances regained¹

Abstract. The article interprets linguistic and other turns as great, large, smaller and very tiny switches to the use of the possibilities of pragmatic, structuralist and interpretive research programs (Lakatos), as well as theories and concepts gravitating to them. It notes early precedents are discussed, including the political comparative studies of E. Freeman and the Chicago School of Charles Merriam and Harold Lasswell. Then the paper considers the great «linguistic» turn of the middle of the last century, marked by the innovations of Ludwig Wittgenstein and John Austin. The next wave included the rise of the study of political discourses and concepts, the creation of typologies of speech acts and implicatures, the development of critical and structural functional linguistics and the emergence of social semiotics. Against this background, there is a degradation of the structuralist tradition through poststructuralism to current fashions of an art of pure play with arbitrary forms. The further advances embrace cognitive aspects of communication and interaction in politics, performatives, logonomic systems and rules, multimodal social semiosis, pragmatics and pragmasemantics. Finally, the article identifies effectiveness of innovations and discusses which of them have already been mastered, and which need further development.

Keywords: pragmatics; linguistic turn; speech acts; modalities; discourse analysis; social semiotics; logonomic system; pragmasemantics.

For citation: Ilyin M. Linguistic turns: chances lost and affordances regained. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 11–37. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01>

* **Mikhail Ilyin**, INION RAN (Moscow, Russia); Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation under grant No 22-18-00591

References

- Austin J.L. How to Do Things with Words. The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford: The Clarendon Press, 1962, 174 p.
- Benveniste É. L'appareil formel de l'énonciation. *Langages*. 1970, N 17, P. 12–18.
- Bergmann G. *Logic and reality*. Madison: Univ. of Wisconsin press, 1964, 355 p.
- Bergmann G. Logical positivism, language and the reconstruction of metaphysics. *Rivista critica di storia della filosofia*. 1953, Vol. 8, N 4, P. 453–481.
- Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.): *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. 8 Bände in 9. Klett-Cotta, Stuttgart 1972–1997
- Buissance E. Abstract and concrete in linguistic facts: speech – discourse – language. *Political Science (RU)*. 2016, N 3, P. 209–216 (In Russian)
- Burke K. *Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method*. London: Univ of California Press, 1966, 514 p.
- Burke K. Terministic screens. *Proceedings of the American Catholic philosophical association*. 1965, Vol. 39, P. 87–102.
- Colas D., Kharkhordin O. (eds). *The materiality of res publica: How to do things with publics*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009, 288 p.
- Dunn W.N. Improving Russian and East European studies by building on pragmatism and the lost legacy of the policy sciences. *Russian studies, political science, and the philosophy of technology*. Lanham: Lexington books, 2022, P. 255–274.
- Dunn W.N. *Pragmatism and the origins of the policy sciences: rediscovering Lasswell and the Chicago school*. Cambridge: Cambridge university press, 2019, 82 p.
- Fowler R. *Language in the news: discourse and ideology in the press*. N.Y.; L.: Routledge, 1991, 254 p.
- Fowler R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. *Language and Control*. N.Y.; L.: Routledge & Kegan Paul, 1979, 224 p.
- Fowler R., Kress G. Critical linguistics In: *Language and control*. N.Y.; L.: Routledge, 2018, P. 185–213.
- Habermas J. Richard Rorty's Pragmatic Turn. In: Brandom R.B. (ed.). *Rorty and his critics*. Oxford: Blackwell Publishing, 2000, P. 31–55.
- Halliday M.A. K. Anti-languages. *American anthropologist*. 1976, Vol. 78, N 3, P. 570–584.
- Kharkhordin O. *Main concepts of Russian Politics*. M.: NLO Publishers. 2011, 321 p. (In Russ.)
- Kharkhordin O. *Republic or Res Publica*. Saint Petersburg: European university publishers. 2020, 162 p. (In Russian)
- Kharkhordin O.V. How to combine monarchy with democracy. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2023, Vol. 7, N 1, P. 62–127. (In Russian)
- Kharkhordin O. What is the state? The Russian concept of Gosudarstvo in the European context. *History and theory*. 2001, Vol. 40, N 2, P. 206–240.
- Kharkhordin O. Why res publica is not a state: The stoic grammar and discursive practices in Cicero's conception. *History of political thought*. 2010, Vol. 31, N 2, P. 221–246.

- Kharkhordin O.V. Basic concepts of Russian politics. Moscow: UFO Publishing House, 2011, 321 p. (In Russian)
- Kharkhordin O.V. *The Republic, or Res Publica*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2020, 162 p. (In Russian)
- Lasswell H.D. *Language of politics: Studies in quantitative semantics*. N.Y.: G.W. Stewart, 1949, 398 p.
- Lasswell H.D. *Politics: Who gets what, when, how*. New York: Whittlesey House, 1936, ix, 264 p.
- Merriam Ch.E. *Political power: its composition and Incidence*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1934, 331 p.
- Pateman T. *Accountability, Values, Schooling*. eds Tony Becher and Stuart Maclure. Windsor: National Foundation for Educational Research, 1978, P. 61–94.
- Pateman T. *Language, truth and politics*. Sidmouth: J. Stroud and T. Pateman, 1975, 112 p.
- Pateman T. 'Linguistics as a Branch of Critical Theory'. *UEA Papers in Linguistics*. 1981, N 14/15, P. 1–29.
- Peirce C. How to Make our Ideas Clear. *Popular Science Monthly*. 2016, N 12, P. 286–302.
- Peirce C.S. How to make our ideas clear. *Popular science monthly*. 1878, Vol. 12, P. 286–302.
- Peirce C.S. La logique de la science: deuxième partie: Comment rendre nos idées claires. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1879, P. 39–57.
- Rorty R. (ed.). *The linguistic turn: Essays in philosophical method*. Chicago: University of Chicago Press, 1967, 393 p.
- Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979, 401 p.
- Rorty R. Realism, Categories, and the "Linguistic Turn". *International philosophical quarterly*. 1962, Vol. 2, N 2, P. 307–322.
- Sanders G. Peirce's sixty-six signs? *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1970, P. 3–16.
- Sartori G. (ed.). *Social science concepts: a systematic analysis*. Beverly Hills, Calif.: Sage publications, 1984, 455 p.
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053.
- Sartori G., Riggs F.W., Teune H. (eds). *Tower of Babel: on the definition and analysis of concepts in the social sciences*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh press, 1975, 107 p.
- Saussure F. *Cours de linguistique générale (publication originale 1916)*. Paris: Payot. 1971, 408 p.
- Savchuk V.V. The phenomenon of turn in the culture of the XX century. *International Journal of Cultural Studies*. 2013, N 1 (10), P. 93–108. (In Russian)
- van Dijk T.A. *Discourse Studies*. New Delhi: Sage, 2007, 2128 p.
- van Dijk T.A. *Handbook of Discourse Analysis*. 4 vols. London: Academic Press, 1985. Vol 1: Disciplines of Discourse, 302 p.; Vol. 2: Dimensions of Discourse, 279 p.; Vol. 3: Discourse and Dialogue, 251 p.; Vol. 4: Discourse Analysis and Society, 228 p.
- Venediktova T.D. Pragmatic turn - with a creak. *New Literary Review*. 2022, N 6, P. 189–200.

- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Theory of practices*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2008, 298 p. (In Russian)
- von Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. B.: Druckerei der königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836, 511 s.
- Wittgenstein L. *Philosophical works, part 1*. Moscow: Gnosis. 1994. 612 p. (In Russ.)
- Zellig H. Discourse analysis. *Language*. 1952, Vol. 28, N 1, P. 1–30.

Литература на русском языке

- Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 209–216.
- Венедиктова Т.Д. Прагматический поворот — со скрипом // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 189–200.
- Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. 1. – М.: Гнозис. – 1994. – 612 с.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
- Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 93–108.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 162 с.
- Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. – М.: Издательство НЛЮ, 2011. – 321 с.
- Хархордин О.В. Как соединить монархию с демократией // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 62–127.

В.С. АВДОНИН*

**ДИСКУРС И ЛЕГИТИМНОСТЬ: К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ТРАКТОВКЕ ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ**

Аннотация. Проблема дискурса и легитимности освещается в статье сквозь призму системной или функциональной теории политической легитимности, получившей известность в европейской политологии в начале 2000-х годов. Автор рассматривает основные положения этой теории, первоначально разработанные немецким политологом Фрицем Шарпфом в связи с исследованием политики и политической легитимности в странах ЕС и на общеевропейском уровне. Позднее они были применены рядом авторов (в статье основное внимание уделено работам Марианны Кноер) в процессе исследования механизма легитимации власти в так называемых неоавтократических режимах (режимы «новой волны авторитаризма» начала XXI в.). Введение понятий легитимности на входе (в политическую систему) и на выходе, а также связанных с ними понятий «идентитарных нарративов», «режимной производительности» и «миссии», позволяет лучше понять механизм функционирования легитимности (согласия управляемых с властью) в неоавтократиях. В статье автор пытается применить этот подход к исследованию российского случая, анализируя легитимирующие аспекты дискурса российской власти.

Ключевые слова: политическая легитимность; дискурс; политическая система; адаптивность; функционализм; легитимность входа; легитимность выхода; идентитарная легитимность; авторитарный режим; идентитарные нарративы; режимная производительность; миссия; российский политический режим; политический дискурс российской власти.

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

Для цитирования: Авдонин В.С. Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 38–59. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.02>

Введение

Вопрос о связи дискурса и легитимности предполагается рассматривать преимущественно в структурно-функциональном аспекте. Такой взгляд позволяет лучше вписать ее в тематику политической науки и, в частности, в проблематику трансформации, стабилизации и адаптации политических систем и политических режимов. Этот подход к анализу дискурса и легитимности дает возможность выделять в этой проблеме разные аспекты (коммуникационные, властно-политические, ресурсные и др.), различать собственно дискурс и его контекст и проследживать влияние дискурса на формирование, проявление и воспроизводство властных отношений в социуме. Это обстоятельство открывает путь к исследованию роли дискурса, дискурсивных практик в процессе легитимации власти или их вклада в политическую легитимность.

Исторически легитимность власти связывалась с признанием ее «законности», «правильности» со стороны управляемых, что способствовало ее устойчивости и воспроизводству. В современных теориях легитимности этот компонент тоже присутствует, при этом легитимность обычно трактуется шире – и как признание (согласие) управляемых, и как необходимая полезность (эффективность) для общества, и как соответствие правовым нормам и процедурам. При этом теории легитимности часто различаются в зависимости от того, что они выдвигают на первый план: полезность (прагматические), согласие (политико- и социокультурные), правовые нормы и процедуры (нормативные, процедурные), а также смешанные [Kielmansegg, 1976; Mandt, 1995]¹. В социологии и политической науке в основном приняты социокультурные и смешанные трактовки легитимности, тогда как прагматические и нормативно-процедурные больше тяготеют соответственно к сфере экономических или правовых наук. Исходя из этого, вопрос о

¹ См. также: Political Legitimacy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/search/searcher.py?query=legitimacy> (accessed: 30.03.2023).

дискурсе в контексте легитимности может рассматриваться в политической науке преимущественно в русле ее политико-культурных и смешанных трактовок.

В этой статье мы намереваемся предложить вариант анализа легитимирующего влияния политического дискурса, исходя из смешанной или, в нашем случае, системной интерпретации легитимности, получившей определенное признание в современной политической науке. Еще одной особенностью будет рассмотрение этой темы в политическом контексте неоавторитаризма, т.е. в контексте дискурсивной легитимации современных автократий. Это тоже объяснимо, учитывая рост внимания политической науки к подъему автократий в начале XXI в. Всестороннее исследование процессов их становления и функционирования, их отличий от «старых» автократий XX в., их специфических признаков и тенденций призвано ликвидировать пробелы в их изучении. И проблема их политической легитимности и ее дискурсивных аспектов является здесь одной из наиболее важных, учитывая, что современные автократии сталкиваются с проблемой ограничения применения явного насилия, массового террора и репрессий. Наше рассмотрение включает знакомство с концепцией системного толкования политической легитимности, ее основных признаков и черт, в том числе и ее идейных и дискурсивно-риторических составляющих, а также опирающееся на эту концептуализацию исследование случая (здесь – становления и эволюции российского неоавторитарного режима в первые десятилетия XXI в. и его дискурсивных практик).

Системный подход в теории легитимности

Одним из ключевых событий в истории политической науки XX в. стало становление в ней системного подхода. Основные вехи этого процесса хорошо известны – от подготовительного этапа, связанного с попытками применения идей системного анализа к политике, до основополагающих работ Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, Н. Лумана, П. Бурдьё и других авторов, прочно утвердивших во второй половине XX в. место системного подхода и его вариаций в политической науке. Категории «политическая система» и связанная с ней «политический режим» стали одними из

главных в политологии, а их теоретическая разработка и применение в эмпирических исследованиях составляют едва ли не основную часть этой науки как таковой.

Историческая категория легитимности власти, или политической легитимности, также относится к ключевым категориям политической науки, но ее всестороннее включение в рамки системного анализа политики долгое время было ограниченным. Возможно, здесь играло роль то, что наиболее известная и распространенная в политологии трактовка легитимности власти была предложена Максом Вебером еще до появления системного подхода и была выражена, скорее, на языке, близком «понимающей социологии» Вебера. Его знаменитая типология легитимности власти (традиционная, харизматическая, рационально-легальная [Вебер, 1990]) базировалась на различении мотивов согласия управляемых, а не на общей логике функционирования политической системы. Существенное место занимала, конечно, и критика самого системного подхода, появившаяся после первого его успеха в политической науке и упрекавшая его, в частности, в чрезмерной абстрактности и привязке к относительно стабильным политическим системам западной демократии. Возможно, какую-то роль играло и то, что понятие легитимности разрабатывалось и за пределами политической науки – в социологии, философии, праве и др. И эти трактовки влияли на политологию, привнося туда свои аспекты, что затрудняло собственно политическое понимание легитимности как компонента политической системы.

Трактовка легитимности, четко ориентированная на системный подход к политике, появилась лишь в 90-е годы прошлого века на фоне нового подъема внимания в политологии к системному анализу. К этому времени системный подход приобрел заметную конкретизацию, а также впитал ряд критических соображений, которые предъявлялись к нему в предшествующий период, в частности, – упреки в недостаточном учете исторических характеристик развития политических систем и излишнем акценте на автоматизм действий функциональных элементов в системе. Системный подход был совмещен с изучением агентивности (автономии действий агентов), историко-институциональными исследованиями (историческим становлением и изменением систем правил действий), а также с эволюционным подходом, фиксирующим изменения в

системах на основе эволюционных алгоритмов (изменчивость, адаптация, отбор, сохранение).

В анализе политической легитимности системную трактовку предложил, в частности, Фриц Шарпф, подчеркнув ее связь со структурой и функциями политической системы [Scharpf, 1999; 2004]. Его функциональная трактовка легитимности исходила из общесистемных идей функциональной адаптивности системы к среде и их динамического равновесия. С этой точки зрения легитимность (добровольное согласие управляемых) выступает важным адаптивным свойством системы, позволяя существенно снизить ресурсы контроля на поддержание устойчивости.

Исходя из этого, Шарпф выделил в легитимности два типа, или измерения – легитимность входа (*input-legitimacy*) и легитимность выхода (*output-legitimacy*). Первый тип связан с функцией входа в систему и означает добровольное согласие с той политикой власти, цели которой формулируются и декларируются. Он носит субъективный характер приверженности управляемых и связан с их предпочтениями, которые могут иметь как рациональный, так и иррациональный характер. Второй тип связан с функцией выхода; он зависит прежде всего от содержания политики правящей власти и ее результатов. Со стороны управляемых он определяется рациональным интересом в некотором улучшении или хотя бы не ухудшении их жизни. И в этом смысле легитимность выхода обретает объективные характеристики и может оцениваться по объективным критериям результатов действий власти («вкладу в общее благо») [Scharpf, 2004, s. 8–9].

В целом такая трактовка видов легитимности позволяет лучше вписать ее в адаптивный механизм функционирования политической системы, расширить познавательные возможности и арсенал методов анализа.

Далее Шарпф показал, как различные измерения легитимности воплощаются в системе политических институтов. В демократических конституционных полициях они реализуются через парламенты, партии, ассоциации, конституционное и обычное судопроизводство, различные согласительные комиссии и комитеты, СМИ, гражданское общество. В рамках институциональных структур и процессов требования легитимности, ориентированной на вход и на выход, воплощаются, по Шарпфу: «а) в целях и задачах политики, которые должны определяться предпочтениями управляемых,

которые должны быть «просвещены» и проникнуты «общим здравым смыслом»; б) в способности правящих к эффективным политическим действиям, которые должны служить общему благу и исключать злоупотребления» [Scharpf, 2004, S. 10].

Исследуя легитимность и ее виды в демократических полициях, Шарпф указывает, что в их глубинной основе находится некое дополитическое коллективистское чувство сообщества, базирующееся на экзистенциальной общности его членов. С ним может быть связан еще один тип легитимности, который основан на общей идентичности, – идентитарный [Scharpf, 2004, S. 7–8]. В институционализированных демократических полициях он маргинален и реально включается в политику лишь тогда, когда подчинение решениям власти со стороны управляемых требует особенно высокой цены (т.е. влечет за собой причинение им некомпенсируемого ущерба). Но сам по себе этот тип легитимности (идентитарный, или «мы-легитимность») тоже существует и может иметь место в экстремальных обстоятельствах.

В исследованиях политики в странах ЕС он показал, что правительства в отдельных критических обстоятельствах пытаются опереться на этот тип легитимности, обращаясь к идентичности национальных сообществ. В этой связи он также рассматривал вопрос об условиях формирования подобного рода легитимности в рамках всей политической системы ЕС (общеевропейская идентитарная легитимность) и указывал на то, что пока такой легитимности не сложилось [Scharpf, 1999].

Дискурсивная легитимность в неавторитарных режимах

В дальнейшем системный подход к политической легитимности и типологию, предложенную Шарпфом, стали использовать политологи, занимающиеся изучением подъема автократий в начале XXI в., в том числе особенностей сферы легитимации власти в этих режимах [Kneuer 2013; 2017; Kailitz, 2013; Kneuer, Demmelhuber, 2015; и др.].

Марианна Кноер отмечала аналитические преимущества подхода и типологии Шарпфа по сравнению с теми аналитическими инструментами, которые применялись в исследовании автокра-

тий ранее [Kneuer, 2017, p. 189]. В частности, широко известная в политической науке типология политических режимов Хауна Линца важным отличием тоталитарных и авторитарных режимов считает степень их идеологизации. Если в тоталитарных автократиях роль идеологии в политике чрезвычайно высока, то в авторитарных – существенно ниже. То, что используется в идейно-политической сфере авторитарных режимов, Линц назвал «менталитетом», указав на его отличия от «идеологии», характерной для тоталитаризмов [Linz, 1975]. Но, как отмечает Кноер, сказанного о менталитете все же недостаточно, чтобы эффективно анализировать способы и механизмы легитимации власти в современных авторитарных политах. Например, определение менталитета как некоего «способа мышления и чувствования» (Линц) оставляет неясным, как этот скорее политико-культурный феномен может влиять на политику, проявлять себя в политическом действии и, в частности, обеспечивать легитимность власти [Kneuer, 2017, p. 189]. На этом фоне функциональная трактовка Шарпфа, выделяющая роль предпочтений, управляемых в целеполагании политики «на входе», и их оценок результатов политики власти «на выходе» представляется аналитически более эффективной.

Здесь важным аспектом подхода к анализу легитимности, присущего и Шарпфу, и многим другим авторам [Beetham, 2013; Kielmansegg, 1971], является учет действий субъекта, или так называемая агентивность. В случае с легитимацией речь идет о различении двух видов, или измерений действия: действий правителей, стремящихся легитимировать свое правление, и управляемых, соглашающихся быть управляемыми. Акцент на том или ином измерении действия обладает в анализе своей спецификой, различая, например, активные действия правителей и пассивное согласие управляемых. В отношении последнего часто подчеркивается роль структурных факторов (истории, традиций, религии, политической культуры и др.). А в отношении первых – стремление к сохранению власти и стабилизации политического режима. Вместе с тем учитывается их взаимодействие и взаимовлияние.

Авторитарное правление в этом отношении обладает рядом особенностей. Оно не нуждается в участии управляемых в политике и больше полагается само на себя (централизованная властная вертикаль). В то же время, учитывая системные требования к политике, оно нуждается в легитимации, т.е. пассивном согласии

управляемых, а в определенных рамках и в их активном одобрении. Как же решается эта проблема? С точки зрения институциональной теории демократии, в рамках авторитаризма эти решения могут быть лишь временными, или паллиативными и рано или поздно приведут к кризису авторитарной системы и ее переходу к новой модели автократии или к демократическому правлению. Но на практике авторитарные модели правления демонстрируют определенную устойчивость и даже некоторое оживление и претензии на распространение. Следовательно, отмеченная выше проблема ими как-то решается.

И здесь мы можем обратиться к типам легитимности Шарпфа, в которых различается легитимность целей политики (на входе) и ее результатов (на выходе). Чтобы обрести устойчивость, авторитарное правление нуждается и в том и в другом. Но, в отличие от демократии, ему не нужна сложная система институтов и процедур, «переплавляющая» многообразные предпочтения управляемых в более-менее определенные цели политики на входе. Оно предпочитает формулировать их само, на основе собственных предпочтений и интересов. В этом, в частности, отличие авторитаризма также и от тоталитаризма, в котором цели политики формулируются и легитимируются на основе той или иной идеологии. И здесь же заключен «секрет» преимущественно неприязненного отношения авторитаризма к идеологиям. Итак, власть предпочитает формировать политику на входе самостоятельно, без идеологий и институциональных демократических систем. Но как она добывается в этом случае ее легитимации (согласия управляемых)? Ответ заключается в том типе легитимности, на который указывал Шарпф, называя его идентитарной, или «мы-легитимностью». Если в демократических системах он присутствует в обычных условиях в качестве фоновой или маргинальной формы, то в условиях авторитаризма он выходит на первый план.

Кноер отмечает, что именно этот тип легитимации преимущественно используется современными авторитарными режимами. Он выстраивается ими вполне сознательно, с применением определенных стратегий, что может эмпирически проследиваться в дискурсивных и политических практиках этих режимов [Кнеуер, 2017, р. 191]. «Мы-идентичность» основывается на дополитических коллективистских чувствах сообщества, восходящих к историческим, этнокультурным, языковым, религиозным общностям,

которые в политическом анализе принято относить к структурным факторам, действующим относительно объективно. Но это не значит, что путем различных дискурсивных практик их нельзя «приспособить» для политического манипулирования «мы-идентичностью». Именно этим занимается авторитарная власть, стараясь сформировать идентитарную легитимность своей политики. Она обращается непосредственно к «мы-идентичности», дискурсивно аранжируя ее в духе лояльности и легитимации своей политики, одновременно подрывая и разрушая систему институтов и процедур (или не давая ей сформироваться), в рамках которой при отсутствии авторитарного давления могла бы формироваться политическая легитимность входа.

В качестве основных орудий формирования идентитарной легитимности авторитарная власть использует то, что получило название *идентитарных нарративов*. Прежде всего их отличает то, что они основываются не на интересах и не на более-менее отчетливых логически стройных комплексах идей, а на избирательных интерпретациях свойств и характеристик «мы-идентичностей» управляемых. Кроме того, как и всякие нарративы, они нацелены в основном на коммуникацию, а не на индоктринацию, апеллируя к определенным предпочтениям и чувствам самих управляемых.

В работах Кноер и других авторов идентитарные нарративы более конкретно определяются через их различие с идеологиями [Kneuer, 2017; Gerring, 1997]. В отличие от последних, они определяются как более гибкие и модульные, интуитивно понятные и несложные, апеллятивные, не универсальные, а ограниченные национальным или региональным масштабом, аффективные, ограниченно обязательные. С точки зрения роли в политике, идентитарные нарративы не претендуют на переделку общества в соответствии с некоей новой социальной моделью, а направлены на предупреждение подрывных движений в элите и обществе, а также включают обязательное признание компетентности действующей власти во внутренней и внешней политике [Kneuer, 2017, p. 188]. Все эти свойства идентитарных нарративов и позволяют активно использовать их в решении проблем легитимации авторитарного правления, добиваясь лояльности управляемых без их мобилизации и участия в политике.

Их гибкость, модульность, интуитивная понятность, коммуникативность и партикулярность облегчают авторитарной власти

решение и такой задачи, как их периодическая коррекция, перенастройка, смещение акцентов и установок в зависимости от возникающих у нее проблем, что особенно важно в условиях длительного поддержания авторитарного режима на фоне меняющихся обстоятельств.

Напомним, что сказанное выше об идентитарных нарративах в дискурсе авторитарных режимов относится к легитимности входа. Но, как мы знаем, в функциональном анализе легитимности важное место занимает и легитимность выхода, связанная с результатами политики. И в авторитарных режимах она также имеет большое значение. Исследование авторитарных правлений XX в. показывает, что в большинстве случаев они устанавливались с провозглашением определенных обязательств: «наведения порядка», «обеспечения безопасности», «решения социальных проблем», «экономического развития» и т.д., и их поддержка и устойчивость часто зависели от того, насколько эффективно им удавалось добиваться выполнения заявленных обязательств [Finer, 1976]. То же относится и к современным авторитарным режимам. Они обязательно содержат определенный пакет «производительных обязательств», реализация (или провал реализации) которых позволяет судить об эффективности или производительности правления. Исследования также показывают, что для автократий XXI в. этот компонент производительности становится особенно важным в обеспечении их легитимности. Кноер рассматривает его как важную составную часть так называемых *миссий* в современных автократиях, посредством которой обеспечивается легитимность выхода. Она также указывает на связь коммуникационной легитимности входа, построенной на идентитарных нарративах, и легитимности выхода, основанной на эффективности, или производительности правления (петля обратной связи в системе), которая прослеживается в эмпирических исследованиях траекторий становления и развития современных авторитарных режимов. Так что оба эти компонента могут быть включены в состав *миссий* [Kneuer, 2017, p. 184].

В общем плане эта связь означает, что ослабление (дефицит) легитимности на входе влечет за собой компенсирующие усилия по укреплению и расширению легитимности на выходе. И, наоборот, дефицит легитимности на выходе требует усиления легитимности на входе. Разумеется, эта общая схема функционирования миссий не может объяснить всех особенностей и деталей процесса,

но она позволяет понять его общую системную логику и направить исследование в более продуктивное и последовательное русло.

Ниже мы попытаемся применить этот подход к анализу основных компонентов дискурса российской власти последних двух десятилетий, рассматривая его в контексте становления и эволюции в российской политике авторитарного режима современного типа.

Российский случай

За исходный пункт рассмотрения российского случая можно взять тот политический режим, который сложился в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов. По меркам режимных теорий, он представлял собой гибридный режим, возникший на пути незавершенного перехода к демократии и включавший в себя как учрежденные, но не устоявшиеся демократические институты, так и авторитарные тенденции учрежденного суперпрезидентства, имевшего определенные ограничения. Описание этого режима как гибридного, начало которому было положено Лилией Шевцовой [Шевцова, 1999], имеет большую традицию и вплоть до недавнего времени вызывало дискуссии¹.

После прихода к власти В.В. Путина многие авторы отмечали рост авторитарных тенденций режима, связанных с выстраиванием «вертикали власти», усилением властного давления на демократические институты и ростом влияния во власти силовой составляющей [Федеральная реформа ... , 2005 ; Крыштановская, 2005 ; Гельман, Стародубцев, 2014 ; и др.]. В то же время какого-то отчетливого переустройства режима в первые два срока В.В. Путина не наблюдалось. Его гибридный характер менялся постепенно, дрейфуя в авторитарном направлении.

Для темы дискурсивных практик власти здесь важно отметить, что практически с самого начала правления в дискурсе президента возникло то, что можно идентифицировать как строительство идентитарного нарратива (легитимность на входе). В нем появились ссылки на «русскую идею» и исконные черты «русских» – «патриотизм, коллективизм, государственничество, соли-

¹ Подробнее об отечественных исследованиях российского авторитаризма см.: [Авдонин, 2018].

дарность, державность»¹. При этом они отделялись и в определенной мере противопоставлялись «ценностям Запада», «индивидуализму», «интересам», «правам человека», «слабому государству» и др. Заявлялось, что Россия должна перестать жить по «по чужим учебникам», так как иначе ей «не выжить»².

Идентитарный нарратив здесь определенно политизирован в духе великой державы и сильного государства; вместе с этим обозначена его направленность против правил функционирования той системы институтов, которая формировалась в российской политике в предшествующие годы. В дискурсе президента имелась негативная коннотация «1990-х годов» – как времени, идущего вразрез с традициями страны.

В дальнейшем Путин предпринял институциональные изменения, проведя федеральную реформу, изменив избирательное, партийное, муниципальное законодательство, создав партию «власти» и провластные общественные структуры. Все эти изменения так или иначе выхолащивали и ослабляли систему институтов представительства, встраивая ее во властную вертикаль.

В дискурсе Путина стали выделяться характерные ключевые слова: «сильное государство», «наведение порядка», «стабильность», «единство», «диктатура закона», «великая держава» и др., что можно идентифицировать как дискурс производительной легитимации режима. И практически все они, так или иначе, противопоставлялись тому, что имело место в 1990-е – «слабое государство», «нестабильность», «нарушение закона», «рост преступности» и т.д.³ В дальнейшем мем «лихие 90-е» прочно вошел не только во властный, но и общественный дискурс, и критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова, 2018].

Если в начале правления в качестве производительных обязательств режима В.В. Путин предлагал в основном «сильное государство», «порядок», «безопасность», «борьбу с терроризмом», то затем, когда цены на углеводороды пошли вверх и режим получил мощный приток экономических ресурсов, его программный

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. – Режим доступа: <https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4millenium.html> (дата посещения: 15.02.2023).

² Там же.

³ Обобщены материалы с портала «Президент России». – Режим доступа. – <http://kremlin.ru/> (даты посещения: 15.03–15.04.2023).

производительный месседж был расширен. В дискурсе власти появились «приоритетные национальные проекты» (2005), наиболее известными из которых были «Медицина», «Образование», «Жилье» и «Сельское хозяйство»; частично к ним были отнесены также «Наука» и «Культура», обсуждалось и дальнейшее расширение этих программ.

Увеличилось и присутствие в дискурсе власти темы региональной интеграции постсоветского пространства в новых форматах (Евразийское экономическое сообщество), отличных от прежних (СНГ). Возникла тема «мягкой силы» России, использующей в интеграции экономические, исторические, языковые, культурные факторы.

Уже в начале правления Путина в дискурсе власти можно проследить становление комбинаторики между идентитарными нарративами (легитимность входа) и дискурсом производительности (легитимность выхода). Например, дискурс о коллективизме и державничестве народа комбинируется с дискурсом сильного государства (укрепления «вертикали власти») и его величия. Или нарратив о Великой Победе, сплоченности и жертвах народа в ВОВ комбинируется с дискурсом статуса великой державы и престижа в текущей международной политике. В этом прослеживается становление «миссии» как способа легитимации авторитарной власти, о котором говорилось выше.

При таком подходе можно проследивать связи и «балансы» (и их нарушения) в легитимирующих дискурсах. С этой точки зрения в период второго срока В.В. Путина и президентского срока Д.А. Медведева можно отметить смещение «баланса» в сторону дискурса производительности. Власть, разумеется, не отказывалась от идентитарного дискурса, акцентируя единство народа вокруг «Великой Победы», включая в него религиозные и исторические компоненты. Была предложена даже некая концептуализация этой модели в виде концепции «суверенной демократии»¹, пытавшейся объединить дискурсы демократии, народного и государственного суверенитета, великой державы и национального лидера. В то же время окол властные публицисты в этот период предлагали

¹ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата посещения: 15.11.2022).

проекты новой идеологии – «российского консерватизма», «просвещенного консерватизма», «патриотического консерватизма»¹. В «партии власти» (Единая Россия) даже создавались партийные клубы с различными политико-идеологическими оттенками. Можно предположить, что власть экспериментировала с дискурсивной составляющей формирования политики на входе, рассчитывая заменить идентитарный нарратив идеологическим, но затем от этого отказалась.

С точки зрения функциональной теории легитимности оживление с поисками альтернативной идентитарному нарративу легитимации как раз и могло быть связано с тем, что приток ресурсов позволил власти перенести центр тяжести легитимации режима на производительный дискурс. Значимость входной легитимности для режима ослабла, и там стало возникать пространство для поиска альтернативной политизации дискурса. Сюда же можно добавить и то, что модель идентитарной легитимности на входе с переизбранием Путина на второй срок в 2004 г. с высоким результатом (71%) выполнила свою функцию, и фокус был перенесен на производительную легитимность выхода.

В период президентства Д.А. Медведева определенную роль играло и появление «тандема» в верховной власти. При всех договоренностях премьера и президента верховная власть была определенным образом распределена и менее консолидирована, что вызывало некую соревновательность в выполнении производительных обязательств и в целом повышало значимость производительной легитимности. В какой-то момент даже возник новый модернизационный дискурс президента Д.А. Медведева, направленный преимущественно на производительную легитимность².

В то же время контекст появления этого дискурса своеобразен. Он возник на фоне мирового экономического кризиса (2008–2009) и Пятидневной войны с Грузией (2008), что привело к сокращению притока ресурсов в российскую экономику и обострению отношений с Западом. В целом это сократило ресурсы режима и проблематизировало его производительность. Вместе с тем

¹ Подробнее см.: [Шаблинский, 2017].

² Медведев Д.А. Россия, вперед! // Интернет-издание «Газета. Ру». – 10 сентября. – Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата посещения: 15.06.2022).

конфликт актуализировал обращение к идентитарному дискурсу. На этом фоне отчаянная попытка Медведева выдвинуть модернизационный (производительный) дискурс выглядела проблематичной. В целом этот дискурс был воспринят в обществе и элитах со скепсисом, а затем маргинализован, хотя и внес определенную динамику в дискурсивные практики режима.

Важной вехой в эволюции российского авторитаризма и механизмов его легитимации стали события 2011–2012 гг., предшествовавшие возвращению В.В. Путина на президентский пост в третий раз. Российское суперпрезидентство было еще более усилено (продление срока до шести лет, разрешение занимать пост более двух раз) и приобрело во многом персоналистский характер. Но в плане легитимности режим столкнулся с проблемами, которые прежде всего относились к легитимности входа. Проявилось широкое недовольство фальсификацией результатов выборов в Государственную думу, вызвавшее массовые протесты. Их поддержали в основном городские слои, несистемная оппозиция и даже отдельные депутаты системных партий. Режим был вынужден реагировать. Уходящий президент Д.А. Медведев предложил ряд реформ в сфере институтов представительства.

Но в целом власть ответила мобилизацией своих сторонников, что повлекло интенсификацию идентитарного дискурса. И в предвыборных статьях и заявлениях, и в последующих выступлениях В.В. Путина в 2012–2013 гг. можно легко найти то, что может являться идентитарным нарративом. Они не только наполнены идейными образованиями, именуемыми «национальная идентичность», «национальный характер», «культурный код», «культурный и духовный код нации», «патриотическая идентичность», «патриотизм» и т.д., но и содержат резкую критику советской идеологии и идеологий как таковых, в основном за их «оторванность от жизни народа и государства», от практических целей и задач политики. Хотя в выступлениях В.В. Путина встречались упоминания некоторых идеологов консерватизма (К. Леонтьев, И. Ильин и др.), он нигде не высказывал одобрения этой идеологии, не говоря уже о какой-либо другой. В лучшем случае президент упоминал в качестве идеологии все тот же «патриотизм»¹.

¹ Подробнее см.: [Авдонин, 2021 а ; 2021 б].

Эту деидеологизацию дискурса В.В. Путина некоторые исследователи пытаются объяснить ретроспективизацией, поворотом к архаике и антимодерну, характерными для идейных схем российской политики XIX – начала XX в. [Hill, Gaddy, 2015], или идеологии славянофилов и евразийцев [Eltchaninoff, 2018], или даже к еще более архаичной «идеологии» Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев, 2020]. Ряд авторов выдвигают понятие «национально-государственной идентичности», помещающее идентичность в контекст государственной «политики идентичности», направленной на укрепление государства и его суверенитета, и анализируют возникающие в связи с этим проблемы [Малинова, 2010 ; Попова, 2020].

В то же время в дискурсе В.В. Путина в этот период активно присутствуют и темы, направленные на производительную легитимность режима: экономические, технологические, спортивные успехи, социальное благосостояние, региональная интеграция, суверенитет, международный престиж и влияние России как великой державы, сильная армия, так называемые «мегапроекты» (самый крупный из них – реконструкция района Сочи и подготовка к Сочинской олимпиаде).

С точки зрения подхода, представленного в начале статьи, именно этот период начала третьего срока В.В. Путина можно определить как отчетливое оформление миссии в режиме с авторитарными характеристиками. Ее особенности заключаются (а) в существенном усилении значимости входной легитимности, реализуемой через идентитарные нарративы и (б) во все более тесном сближении, координации и увязке между входной (коммуникативной) и выходной (производительной) легитимностью.

Основной проблемой таких автократий, по замечанию Кноер, является проблема производительности [Kneuer, 2017, p. 206]. Заявленные авторитарной властью обязательства могут исполняться неэффективно или вообще не исполняться, что порождает дефицит легитимности на выходе. Это вызывает необходимость усиливать легитимность на входе, насыщая идентитарные нарративы все большими аффектами, что в конце концов может оправдать изменение обязательств на выходе. Проблема в том, что эти обязательства могут быть изменены как в конструктивном (более реалистические), так и в деструктивном ключе (еще менее реалистические или конфронтационные). Исследования показывают, что автократии чаще прибегали в этом случае к деструктивному изменению обязательств производи-

тельной политики, в том числе к внешним конфликтам, вызывающим эффект «сплочения вокруг флага» и повышающим их легитимность.

То, что произошло с российским режимом после 2014 г. (украинский Майдан, присоединение Крыма, конфликт на Донбассе), в какой-то мере можно трактовать как эффект «сплочения вокруг флага»: постепенное снижение ресурсов и производительной легитимности режима привело к активизации идентитарной легитимности на входе (интенсификация и ретроспективизация идентитарных нарративов в начале третьего срока В.В. Путина), повысившей аффективность политики. Присоединение Крыма и вовлеченность в политические процессы на Донбассе после падения режима Януковича означало смену производительных обязательств режима в направлении конфронтации. Но это позволило ликвидировать дефицит легитимности на выходе, получив определенный результат в виде присоединения Крыма. «Крымский консенсус», «эффект Крыма» привели к заметному росту внутренней легитимности режима. А конфликт на Донбассе продолжал придавать ей конфликтное измерение и актуализировать идентитарный нарратив.

В то же время санкции Запада продолжали сокращать ресурсы режима, подпитывая экономическую стагнацию, и постепенно ситуация вернулась к той проблеме, о которой применительно к неавторитарным режимам упоминают исследователи – рост дефицита производительной легитимности. В 2020 г. в России была принята новая редакция Конституции с включенными в нее элементами идентитарного нарратива. В целом это воздействовало на легитимность входа, но проблему дефицита производительной легитимности, которую подпитывает сокращение ресурсов, это не решило. Ситуация с этой легитимностью стала опять напоминать ту, которая имела место перед 2014 г.

Мы не касаемся далее подробно событий последнего времени, связанных со СВО, Украиной и резким обострением конфликта России с Западом прежде всего в силу незавершенности и неясности их итогов, а также ввиду пока недостаточной рефлексии в исследовательском поле политической науки¹. Но с учетом сказанного

¹ Предварительный подход к рефлексии этих событий предлагается в сборнике «Перед лицом катастрофы» [Перед лицом ... , 2023], опубликованном в начале этого года. Правда, большинство его авторов не политологи, а философы; в то же время там анализируется ряд тем, близких политической науке.

выше можно предположить, что в качестве среднесрочного фактора на легитимность российского режима может продолжать влиять ситуация с его производительной легитимностью. Дальнейшее сокращение ресурсов и отсутствие заявленных результатов будет в рамках его миссии вести к концентрации усилий на легитимности входа (согласие управляемых и элит). В случае его «перенасыщения» возможны расколы, недовольство, скрытое и открытое сопротивление и т.д., ведущие к подрыву легитимности.

Заключение

Представленный в статье анализ связи дискурса и легитимности, опирающийся на системный подход к политике и функциональные различия политической легитимности, показывает, что изучение дискурсивных практик в политике может осуществляться с применением достаточно абстрактного концептуального аппарата современной политической науки.

В данном случае мы рассмотрели представленный в литературе опыт применения системных категорий к исследованию класса современных неавторитарных режимов, а также их применение в исследовании конкретного случая. В целом можно признать, что применение системных категорий в изучении процессов легитимации современных автократий расширило аналитические возможности исследований, позволило выявить в этой области новые черты, особенности, процессы, показать новые проблемы. В частности, проанализировать черты и особенности идентитарных нарративов, легитимности на входе и выходе, показать связь между ними, указать на проблемы дефицита легитимности как системные проблемы и прочее.

Исследование российского случая властного дискурса с позиций этой теории также позволило обнаружить и объяснить ряд его характерных особенностей и черт, а также подтвердить и уточнить ряд положений самой теории.

1. Российский случай ярко демонстрирует связь становления авторитарного правления с применением во властном дискурсе идентитарных нарративов. Он также показывает ряд их особенностей, в том числе акцент на связь российской / русской идентичности с государством, его историей, культурой, с его величием и сувере-

нитетом, а также на их особый характер, отличный от идентичностей Запада. В этих нарративах также хорошо заметна предсказанная теорией направленность против системы демократических институтов и процедур, что может позволить использовать их для подрыва и разрушения этой системы.

2. Российский случай позволяет определить, проследить и уточнить особенности дискурса производительности авторитарного режима. В основном он эволюционировал от «наведения порядка», «законности», «сильного государства» к социальным программам и проектам (характерным для социального государства) и международным интеграционным проектам с опорой на «мягкую силу», а затем снова к «сильной и великой России», ее противостоянию с Западом, к «защите нашего суверенитета», «наших людей», борьбе с «нацистами», «пятой колонной», «социал-предателями» и др. В целом в нем прослеживается нарастание агрессивности борьбы с врагами по мере укрепления авторитарных тенденций режима, а также роста зависимости от притока экономических ресурсов (их снижение способствует росту конфронтационности дискурса).

3. Российский случай также позволяет обнаружить особенности формирования связи между двумя функциональными типами легитимности (идентитарной и производительной) и обслуживающими их дискурсами, составляющими основу того, что называют «миссией». Кейс показывает, в частности, то, что эта связь (или «миссия») может формироваться не сразу, а постепенно, выражаясь с различной интенсивностью, связанной в том числе и со степенью выраженности черт авторитарности власти.

4. Российский случай, связанный с усилением персоналистского характера режима, указывает на то, что на особенности «миссии» может накладываться и определенный личностный отпечаток представлений лидера режима. Это демонстрирует, в частности, пример изменений легитимирующего дискурса режима в период «тангема», когда власть не была консолидирована в одних руках.

Дальнейший анализ российского и других случаев современного авторитаризма с опорой на системный подход к политике и разработанные для этих целей категории, о которых говорилось в статье, позволят заметно обогатить наши знания о различных аспектах и «секретах» функционирования этих форм правления в современном мире.

V.S. Avdonin*
**Discourse and legitimacy: to a functional interpretation
of discursive aspects of political legitimation**

Abstract. The problem of discourse and legitimacy is covered in the article through the prism of the systemic or functional theory of political legitimacy, which became famous in European political science in the early 2000 s. The author examines the main provisions of this theory, originally developed by German political scientist Fritz Scharpf in connection with the study of politics and political legitimacy in the EU countries and at the pan-European level. Later, they were applied by a number of authors (the article focuses on the works of Marianne Knoer) in the process of studying the mechanism of legitimation of power in the so-called neo-autocratic regimes (regimes of the «new wave of authoritarianism» of the early 21 st century). The introduction of the concepts of input-legitimacy and output-legitimacy, as well as the related concepts of «identitarian narratives», «regime efficiency» and «mission», allows for a better understanding of the mechanism of legitimacy functioning (consent of the governed with the authorities) in neo-autocracies. In the article, the author tries to apply this approach to the study of the Russian case, analyzing the legitimizing aspects of the discourse of Russian power in the context of the formation and evolution of the authoritarian political regime.

Keywords: political legitimacy; discourse; political system; functionalism; adaptability; input-legitimacy; output-legitimacy; identitarian legitimacy; authoritarian regime; identitarian narratives; regime effectiveness; mission; Russian political regime; political discourse of Russian power.

For citation: Avdonin V.S. Discourse and legitimacy: to a functional interpretation of discursive aspects of political legitimation. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 38–59. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.02>

References

- Abalov A., Inozemtsev V. *Infinite Empire: Russia in search of itself*. Moscow: Alpina Publisher, 2020, 426 p. (In Russ.)
- Avdonin V.S. On the nature of authoritarianism in modern Russia. *Public Policy*. 2018, Vol. 2, N 1, P. 76–94. (In Russ.)
- Avdonin V.S. The discourse of power about the Soviet past in the public rhetoric of President V.V. Putin in the period 2012–2018. *Public Policy*. 2021 a, Vol. 5, N 1, P. 175–195. (In Russ.)
- Avdonin V.S. Transformation of the “Soviet Ideology” in the discursive practices of the Russian government. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021 b, Vol. 14, N 5, P. 81–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-4>

* **Avdonin Vladimir**, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

- Beetham D. *The legitimation of power*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2013, 312 p.
- Eltchaninoff M. *Inside the Mind of Vladimir Putin*. London: Oxford univ. press. 2018, 288 p.
- Federal reform 2000–2004*. Vol. 2. Strategies, institutions, problems. Moscow: MONF, 2005, 692 p. (In Russ.)
- Finer S.E. *The man of horseback: The role of military in politics*. New Jersey: Transaction Publishers, 1976, 305 p.
- Gel'man V., Starodubtsev A. *Opportunities and limitations of authoritarian modernization: Russian reforms in the 2000 s*. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2014, 36 p. (In Russ.)
- Gerring J. Ideology: a definitional analysis. *Political research quarterly*. 1997, N 4, P. 957–994.
- Hill F., Gaddy C.G. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Washington: Brookings institution press, 2015, 534 p.
- Kailitz S. Classifying political regimes revisited: legitimation and durability. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 38–59.
- Kielmansegg P. Legitimität als analytische Kategorie. *Politische Vierteljahresschrift*. 1971, Vol. 2, N 3, P. 367–401.
- Kielmansegg P. (Hrsg.). *Legitimationsprobleme politischer Systeme*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976, 288 p.
- Kneuer M. Auf der Suche nach Legitimität. Außenpolitik als Legitimationsstrategie autokratischer Regime. In: Kailitz S., Köllner P. (eds). *Autokratien im Vergleich PVS-Sonderheft*. Baden-Baden: Nomos, 2013, S. 205–236.
- Kneuer M. Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions. *Sonderheft Legitimation in Autokratien. Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, 2017, Vol. 11, N 2, P. 181–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12286-017-0335-z>
- Kneuer M., Demmelhuber T. Gravity centers of authoritarian rule: A conceptual approach. *Democratization*. 2015, Vol. 23, N 5, P. 775–796.
- Kryzhanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov, 2005, 384 p. (In Russ.)
- Lin J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. In: Greenstein F.I., Polsby N.W. (eds). *Macropolitical theory Handbook of Political Science*, Vol. 3. Boston: Addison Wesley, 1975, P. 175–411.
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Justification of the policy of the 2000 s in Putin's discourse and the formation of the myth of the “dashing nineties”. *Political science (RU)*. 2018, N 8, P. 45–69. (In Russ.)
- Mandt H. *Legitimität*. In: Nolen D., Schultze R.-O. (Hrsg.). *Lexicon der Politik. Band 1. Politische Theorien*. München: Beck, 1995, S. 284–298.
- Plotnikov N. (ed.). *In the face of disaster*. Berlin: Lit Verlag, 2023, 173 p. (In Russ.)
- Popova O.V. On the unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 86–110. (In Russ.)

- Scharpf F.W. *Legitimationskonzepte jenseits des Nationalstaats*. 2004. Mode of access: https://pure.mpg.de/rest/items/item_1234256_13/component/file_3315564/content (accessed: 23.03.2013).
- Scharpf F.W. *Regieren in Europa. Effektiv und demokratisch?* Frankfurt; New York: Campus, 1999, 201 p.
- Shevcova L. *Boris Yeltsin regime*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 535 p. (In Russ.)
- Shablinsky I.G. “The New Russian Conservatism” and the Soviet Ideological Paradigm. *Political science (RU)*, 2017, N 3, P. 136–157. (In Russ.)
- Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress, 1990, 808 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 426 с.
- Авдонин В.С.* Дискурс власти о советском прошлом в публичной риторике Президента В.В. Путина в период 2012–2018 гг. // Публичная политика. 2021 а. – Т. 5, № 1. – С. 175–195.
- Авдонин В.С.* Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021 б. – Т. 14, № 5. – С. 81–99. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-4>
- Авдонин В.С.* К вопросу о характере авторитаризма в современной России // Публичная политика. – 2018. – Т. 2, № 1 – С. 76–94.
- Вебер М.* Избранные сочинения. – М.: Прогресс. 1990–808 с.
- Гельман В., Стародубцев А.* Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – 36 с.
- Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005–384 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – 2018. – № 8. – С. 45–69.
- Перед лицом катастрофы / Сборник статей под ред. Н. Плотникова.* – Berlin: Lit Verlag, 2023. – 173 с.
- Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–110.
- Шаблинский И.Г.* «Новый российский консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 136–157.
- Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. – М.: РОССПЭН, 1999. – 535 с.
- Федеральная реформа 2000–2004.* – Т. 2. Стратегии институты, проблемы. – М.: МОНФ, 2005. – 692 с.

Ю.Д. АРТАМОНОВА, А.Л. ДЕМЧУК*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЗНАЧАЮЩЕГО И ОЗНАЧАЕМОГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Тезис о том, что означаемое не существует само по себе, а конструируется в определенных сообществах, которые, в свою очередь, предполагают определенный характер производства и циркуляции знаков, утвердился в исследовательской практике XX–XXI вв. не сразу. В статье прослеживается его становление и развитие от исследований Торонтской школы через различные варианты истории повседневности и истории техники до медиологии, акторно-сетевой теории и иных современных стратегий.

Параллельно показывается проблематизация положения о незначимости означаемого в семиотике и других стратегиях исследования текстов (прежде всего в герменевтике и постструктурализме). Обращение к истокам европейской культуры (и в первую очередь к анализу имени Платоном) позволяет заострить проблему не столько означаемого, сколько связи имен; значимости не только «эйдоса» (идеи вещи), но и «усии» (способа организации мира).

Показываются стратегии и сложности реализации этого проекта в современных подходах учета означаемого – прежде всего проектов мемкомплексов В. Патцельта, идеи «кода» У. Эко, а также проекта «секуляризации политического» Б. Латура, показавшего, что означаемое «политическое» в современном мире на самом деле предполагает пять разных сетей воспроизводства и, соответствен-

* **Артамонова Юлия Дмитриевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com ; **Демчук Артур Леонович**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой сравнительной политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН) (Москва, Россия), e-mail: arthur@leadnet.ru

но, пять разных смыслов и связанных с этими смыслами практик. Обсуждается, что каждый раз исторически размерная взаимосвязь производства / циркуляции знаков, языкового кода и сообщества, пользующегося знаками, требует концептуализации уже в динамической модели производства знака (что означает одновременное освоение и знака, и логики конструирования значащего мира); показываются возможные общие моменты и проблемы построения такой модели.

Ключевые слова: означающее; означаемое; производство знака; медиология; эйдос; усия; акторно-сетевая теория; проект «секуляризации политического»; мемплекс; код.

Для цитирования: Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Взаимосвязь означающего и означаемого политических знаков: проблемы и перспективы исследований // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 60–80. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.03>

К началу XX в. знаковая реальность становится неизбежной и не сводимой ни к вещам, ни к «системе природы», ее математизированному порядку. Не случайно К.О. Апель, обосновывая тезис о том, что современной философией является как раз трансцендентальная семиотика, подчеркивает, что важнейшим для ее формирования был следующий шаг Ч. Пирса: «Он поставил на место *непознаваемой вещи-в-себе* “реальность” в той мере, в какой это понятие идентично “познаваемому в долгосрочной перспективе”, но в то же время никогда не может быть познано “как таковое” или в своей цельности. Таким образом, хотя “реальное” для Пирса и было независимо от *фактического* познания через ограниченный субъект познания – индивидуум или партикулярную общность, – тем не менее, оно не являлось независимым от *знаковой интерпретации вообще*» [Апель, 2001, с. 79].

Важно, однако, и второе предположение – мы приходим к «совпадению» в означаемом. Сам тезис о примате означаемого очень четко показывает двойственность, свойственную семиотике: говоря о конструкторе мира, она тем не менее настаивает на том, что, несмотря на разницу конструирования, мы будем иметь дело с одними и теми же означаемыми, все конструкторы неизбежно будут сходиться в одной точке. Более того, роль самого конструктора – просто транслировать смысл, не влияя на него. Еще Августин приводил метафору лодки, когда говорил о передаче смысла от души к душе: воспользовавшись лодкой, мы вовсе не меняемся. Восходящее к Августину представление о незначимости означающего воспроизводится в семиотике вплоть до начала XX в. Сосредоточиться на означаемом в противоположность означающему предлагает и

Ф. де Соссюр. Он настаивает на том, что изучать следует систему означаемых, вторая сторона знака (означающее) вариативна и не столь принципиальна, а связь между означающим и означаемым не мотивирована и условна, конвенциональна [Соссюр, 1999, с. 120].

«Чувствительные» к этой конструктивности исследования (в русле, с одной стороны, герменевтики, постструктурализма, а с другой – науки, имеющие дело с социальным контекстом – политология в том числе) неизбежно сталкиваются с ограниченностью такого понимания знакового конструкта.

В политических исследованиях проблематика взаимовлияния означаемого и означающего обсуждается Торонтской школой, затем в медиологии Дебре и в рамках проблематики политического символа, наследуется акторно-ризоматической теорией, теориями политического кода, теорией мемплексов. В сфере политического одними из первых обсуждают представители Торонтской школы. М. Маклюэн, в частности, заметит: «Цель “Галактики Гутенберга” – проследить, каким образом сначала фонетический алфавит, а затем книгопечатание изменили формы опыта, мировоззрения и самовыражения. Предпринятое М. Парри исследование устной и письменной поэзии как диаметрально противоположных друг другу форм в нашем случае получает свое продолжение применительно к формам мышления и организации опыта в обществе и политике» [Маклюэн, 2015, с. 18].

Однако сам характер связи, строго говоря, проблематизирован не был. Маклюэн, например, будет рассуждать о том, что книгопечатание заставит научиться (по образцу типографской книги) располагать все линейно, разделяя на элементы и четко выстраивая связи между ними; это приводит к торжеству духа рационализма и порождает «раскол между умом и сердцем» [Маклюэн, 2015, с. 225–258]; более того, именно печать сделает «нацию однородной, а государство – централизованным» [Маклюэн, 2015, с. 360]. Можно возразить, что идея «разделения на элементы» с таким же успехом может быть объяснена другими причинами – например, развитием анатомических штудий или других технологий (строительства высоких зданий – ведь палаццо Флоренции для того времени были небоскребами) и т.д. – все это будет равнообоснованным. Совсем несложно путем ассоциаций показать и обратное: печать ведет как раз к индивидуализации – например, поскольку книга становится доступной, появляется возможность

формировать библиотеку по своему вкусу. Обоснования тезисов у Маклюэна мы не найдем – скорее, речь идет о красивой игре ассоциаций.

Последователи М. Маклюэна в исследованиях медиа (и прежде всего немецкая школа медиатизации – В. Шульц, Д. Маззолени, Ф. Кротц и др.) будут говорить о том, что можно и нужно выделять устойчивые базовые формы в духе Г. Зиммеля и ими уже объяснять происходящее форматирование – это и будет гарантировать научность и объективность. Однако Г. Зиммель четко выделяет три типа форм, обосновывает это выделение и пытается описывать определенным набором и взаимодействием форм исторический поток; М. Маклюэн же говорит о сложной форме (книгопечатание, например), во-первых, как о базовой, и во-вторых, всякий раз особым образом связанной с каждой из других одновременных ей. К тому же, в-третьих, эти одновременные формы (организация науки, стиль живописи и т.д.) у него тоже не являются композицией более простых. При этом, в-четвертых, сам характер связи выводится из усмотренного параллелизма двух форм, причем не всегда последовательно.

Однако важно именно заострение вопроса – понятно, что не только считываемые «смыслы», но и медиум значим и для стиля мышления, и для типов организации, и тем самым – для политической сферы; исследования Торонтской школы сделали одной из центральных исследовательскую проблему – означающее знаков вкупе с их производством и функционированием не менее важно, чем их означаемое; более того, оно отчасти определяет это означаемое.

Параллельно тезис о том, что «организация знаков» не случайна, характер связи между ними влияет на наше мышление, разрабатывается в герменевтике и структурализме. Причем аргументы о такой взаимосвязи означающего и означаемого можно объединить в следующие группы.

1. Существуют тексты, где разрыв звучания (или написания) и значения невозможен – это прежде всего поэтические тексты (которые, как замечает Х.Г. Гадамер, остается только выучить наизусть); разговоры близких людей (лепет матери и ребенка, влюбленных и т.д.); перформатив как скрытый механизм языка – в его рамках, как показывает Ж. Деррида, мы наблюдаем совпадение «создания» мира и констатации этого создания; довольно большое

число текстов являются скрытыми перформативами – как, например, Декларация независимости Америки.

2. Как только мы говорим о понимании, мы вынуждены ввести тезис «текст не есть, текст думает» (Х.Г. Гадамер); «означивание» становится основной процедурой понимания знаков (Ю. Кристева определит его как «ростки того, что станет значением в наличном состоянии сознания»). При «потреблении» знака речь идет о неизбежном сотворчестве; принципиальным будет вопрос о тех комплексных алгоритмах, которые порождали бы сходные смыслы. Заметим, что сами постструктуралисты к этому «совпадению» отнесутся скептически, вводя в качестве центральной модель «ризомы» (буквально – клубневой корневой системы), где связи и появившийся смысл можно объяснить лишь апостериори и ситуативно.

Вернемся к социально-политическим исследованиям. Следующий шаг делают, с одной стороны, школы микроистории, культурной истории, истории повседневности – именованная исследовательского подхода различалось по странам – мы привели последовательно итальянское, американское, немецкое именование исследовательского подхода (К. Гинзбург, Р. Дарнтон и др.); с другой – круг авторов журнала *Technology and Culture* в США, журнала *Culture technique* во Франции (Ж. Симондон, Б. Жиль, Ж. Перрио и др.).

Р. Дарнтон, например, исследуя процессы делигитимации королевской власти во Франции накануне Французской революции, заметит, что исходя из представлений о современных СМИ мы не всегда сможем объяснить происходящее: во времена Людовика XVI печатной продукции мало, она недешева, процесс печати медлен, быстрых способов ее распространения нет, как и нет грамотного массового читателя – и тем не менее сплетни двора очень быстро достигают удаленных уголков страны и многих слоев населения (в том числе неграмотных и т.д.), играя важнейшую роль в делигитимации королевской власти. Действительно, говоря о коммуникации, мы автоматически думаем о сложившейся к XIX в. модели массовых коммуникаций, которая предполагает в первую очередь вербальную организацию сообщения, а также централизованный источник распространения информации и «информационную пассивность» получателей этой информации – ведь последняя доходит до них в неизменном виде (она напечатана, т.е.

зафиксирована, причем массовым тиражом). Получатели в такой модели ее просто «воспринимают», а если и трансформируют, то единообразно для определенной группы; не случайно У. Эко отмечает, что мы говорим именно о массовой коммуникации, предполагая существующими следующие условия: «1) общество индустриального типа, внешне достаточно сбалансированное, но на деле насыщенное различиями и контрастами; 2) каналы коммуникации, обеспечивающие ее получение не какими-то определенными группами, но неопределенным кругом адресатов, занимающих разное общественное положение; 3) группы производителей, производящих и вырабатывающих сообщения как в промышленности» [Эко, 2004, с. 520–521].

Само по себе представление нами коммуникации в соответствии с современными практиками уже не случайно и интересно. Однако вернемся к рассуждениям Р. Дарнтон. Он обратит внимание на другой характер коммуникации: «Мы легко можем представить себе “старый режим” как простой, тихий, свободный от СМИ “мир-который-мы-потеряли”: общество без телефонов, телевизоров, электронной почты, Интернета – общество покоя. Но это был вовсе не простой мир. Он просто был другим. В этом мире существовала своя коммуникационная сеть, состоящая из средств информации и техник (жанров), которые сегодня забыты – забыты настолько, что даже их названия уже неизвестны и не могут быть точно переведены с французского языка: *mauvais propos*, *bruit public*, *on-dit*, *pasquinade*, *pont-neuf*, *canard*, *feuille volante*, *factum*, *libelle*, *chronique scandaleuse*¹. Существовало множество способов коммуникации, и они пересекались и взаимодействовали настолько интенсивно, что мы с большим трудом можем представить себе их функционирование» [Darnton, 2000]. Выделяя, например, фазы распространения новостей, он обратит внимание на то, что сплетня

¹ Дарнтон делает пояснение с этими терминами дальше: «← первая фаза: сначала новость – это *mauvais propos* – “внутренняя сплетня двора”; – вторая фаза: новость превращается в *bruit public* – “общеизвестные слухи”, а в нашем тексте используется такое сильное выражение, как “общественное мнение”; – третья фаза: новость становится *nouvelles à la main*, или “черновиком (рукописью) новостных листков”, которые имеют хождение в провинции, например листок госпожи Дубле; – четвертая фаза: новость напечатана в *libelle*, или в “памфлете”, “пасквиле”, в данном случае – в бестселлере, который издавался множество раз и читался повсеместно» [Darnton, 2000].

двора сначала попадает в среду фрондирующего дворянства, где она, с одной стороны, фиксируется в письмах и рукописных листках и журналах, с другой – превращается в легко воспроизводимые стишок или песенку; эти последние путешествуют по Франции со скоростью всадника (вспомним фрагмент известного советского фильма о мушкетерах, где воспроизводится песенка «Кардинал пил бульон с госпожой д’Эгильон» – именно о таких стишках и песенках и идет речь). Эту циркуляцию знаков нельзя сбрасывать со счетов, если мы хотим объяснить влияние смыслов. И, что не менее важно, сама по себе циркуляция информации невозможна без сообществ, которые «организованно» потребляют эту информацию – тех самых трактиров и т.д., где эти песенки пелись, повторялись, обсуждались. Р. Дебре справедливо замечает, что внимание исследователей было перенесено «со сцены на режиссуру. Или с хранилища знаков на машины порождения смысла... Эпоха Просвещения под этим углом зрения – не совокупность политических понятий, не порядок новых оснований, который можно пройти до конца посредством дискурсивного анализа; это переворот в логистической сети изготовления / складирования / циркуляции знаков» [Дебре, 2009, с. 269–270].

В этой связи важен аспект, подчеркиваемый исследователями культуры и техники в США и Франции; сошлемся на интересное исследование М. Сикар о кино [Sicard, 1994]. Она отметит, что само по себе изобретение «анимированных движущихся картинок», т.е. быстрое прокручивание фотоизображений на целлулоидной пленке – это еще не кино. Если бы оно осталось таковым, оно бы было новой формой старых ярмарочных увеселений (как раньше приходили посмотреть на выступления театра, так бы сейчас собирались пару раз в год поглазеть на анимированные изображения). В распространении кино важным оказались еще два фактора. Первый – технический: создание механизма прокручивания пленки открывало новые возможности и способствовало созданию культуры кинолюбителей. Второй же фактор – отношение католической церкви к кино: она увидела в нем новое эффективное средство пропаганды; она не пропустила это явление, как в свое время не пропустила опыты барокко. Первые журналы о кино были католическими, первыми кинокритиками выступили католические священники, создавались клубы для просмотра. Без этих лидеров и созданных клубов кино вряд ли бы стало самым массовым

из искусств. Речь идет об образуемых (и нередко далеко не спонтанно) сообществах, которые «соразмерны» этим медиа. И, с другой стороны, развиваясь, визуализация культуры меняет наше мировосприятие. Рассуждая о взаимосвязи визуализации коммуникации и политического поведения, Р. Дебре отметит: «С одной стороны, нас называют “цивилизацией образа”, говорят: “в среднем четыре часа в день мы проводим перед телевизором”, “молодежь не читает, она клюет корм”. С другой стороны, – и каждый может в этом убедиться – говорят, что “люди сегодня прагматичны; они позитивны, но консервативны; они не интересуются общими идеями, больше не ставят под вопрос общество; мыслят они лишь в настоящем времени и о самих себе. Помимо индивидов ничего нет”. “Я не какой-то там “зеленый”, я – это я”» [Дебре, 2009, с. 253–254]. Но эти черты политической идентификации и политического поведения просто воспроизводят характеристики образа, отличающие их от вербальных знаков. Действительно, во-первых, «образ может продемонстрировать лишь индивидов... На малый экран никогда не выйдут ни аудиовизуальное, ни капитал, ни буржуазия, ни равенство или братство, но выйдут такой-то русский, вот этот человек, этот предприниматель или вот этот рабочий... Во-вторых, образ... игнорирует субординацию, причинно-следственные отношения и отношения противоречия... Образная мысль... имеет мозаичную форму... В-третьих, можно быть лишь современником образа. Нельзя ни опережать его, ни запаздывать» [Дебре, 2009, с. 255]. Параллели функционирования образа и стилистики мышления лежат на поверхности; они, разумеется, работают и в политической сфере.

Понятие «медиум» подразумевает как минимум собственно материальный носитель (и логику его производства, и технологии этого производства, и способы его передачи в буквальном смысле слова) и языковой код, понятный группе, которая его использует, а также собственно это использование (специфичность сообщества, потребляющего эти знаки, и т.д.). Что-либо из этих необходимых условий мы всегда упускаем, поскольку, как иронично заметит Р. Дебре, «Н2 О не является открытием, сделанным рыбой. Кроме тех случаев, может быть, когда рыба оказывается на песке» [Дебре, 2009, с. 86].

Вспоминая метафору Августина, мы вынуждены констатировать, что смыслы оказываются «чувствительными» к той лодке,

которая их перевозит. Однако теперь эта лодка увеличена до масштабов если не вселенной, то человеческой культуры, во-первых. И здесь не очень понятно, как учитывать все эти факторы. Есть ли логика во взаимодействии или оно каждый раз специфично? Также не совсем понятно, насколько зависимы или независимы составляющие этого медиума – очевидно, что в каждую эпоху их соотношение различно. Непонятно, как оценивать и «удельный вес» каждого из факторов, и «затребованность» каждого из них в настоящий момент.

Из примеров Р. Дебре следует «историческая размерность» и факторов, и их взаимодействия: конкретная историческая комбинация этих факторов и степень влияния каждого из них взаимосвязаны; в разных эпохах разные факторы выступают на первый план, все обладают разной значимостью в разных исторических комбинациях этих факторов. Теория медиологии выделяет важные моменты, на которые надо обратить внимание при описании знака и общества (и это ее безусловная заслуга), – но, строго говоря, даже оценить «задействованность» и степень влияния фактора сложно; предсказать возможные коммуникационные и политические трансформации на основе этой теории невозможно.

Во-вторых, специфичность функционирования знака в зависимости от медиума такова, что мы не наблюдаем «свободных комбинаций» различных форм – визуальный образ, к примеру, будет связываться с сетевой моделью распространения информации и очень влиятельными организациями, обеспечивающими циркулирование этого знака (это не легко формирующиеся сообщества книголюбцев – в старые времена речь шла о церквях, государстве, «предоставляющих» ту самую визуальную информацию за счет зданий, обрядов и ритуалов, и т.д.; в настоящее время «капитализм платформ», например, стал очевидной темой в связи с той же визуализацией культуры).

Здесь необходимо вернуться назад и обратить внимание на важный момент в истории исследования знаков – Августин будет говорить о связи вещей, которая постигается благодаря знакам, но не о связи идей – она нам недоступна. Знаки действуют как стимулы, активизируя идеи, которые уже есть в нашей душе. Показав, что человеческие знаки созданы по образцу божественных, он подчеркнет их несовершенный характер и «нестрогость» связей – и благополучно справится с «проблемой Цельса», показав, что,

хотя знаки и не совсем случайны, понять до конца Богооткровение благодаря знакам невозможно. Концепция знака, если смотреть шире, нуждается в этом источнике системности, ведь связь хотя бы двух «копий копии» может быть неслучайной, когда существует упорядоченность мира и она каким-либо образом нам доступна. Неслучайно, обсуждая концепцию имени, Платон вводит наряду с понятием «εἶδος» (эйдос, мы передаем его как идею вещи) понятие «οὐσία» (усия, сущность). Если мы обратимся к диалогу Платона «Кратил», где центральной как раз является проблема имени, то сразу увидим, что имя относилось не к идее вещи – такое отождествление порождало ряд серьезных проблем. В частности, если исходить из того, что «то, сущность (эйдос) чего одна – одно», то невозможно объяснить разницу предмета (оформленного сущностью) и имени (тоже оформленного сущностью) – имя «стол» отличается от предмета «стол» не так, как отличаются друг от друга разные столы. Имена происходят и не от вещей – иначе они были бы копиями копий (вещи – воплощение эйдоса), и рассуждать и учить с их помощью было бы невозможно. Концепция же софистов: имена – лишь имена, и к сути вещей они никакого отношения не имеют, они просто звучат и уходят, поэтому словами можно доказать все (софисты любили доказывать правоту каждой из спорящих сторон в суде) – опровергалась простым и многих убеждавшим контраргументом: мы различаем разумные и глупые речи, причем все разумные люди в оценке разумности речей не расходятся – значит, отношение имени и вещи не так случайны, как представляют софисты. Вывод, к которому приходят собеседники, интересен: имя в рассуждении связано с вещью, но ведь мы не просто воспроизводим имена – мы их связываем; но эта связь «санкционирована» устройством мира (усией, бытием, в последующих переводах также «сущностью»). Это устройство мира (усия, бытие, сущность) оформляет вещи (дает воплотиться эйдосу особым образом) и их связь, в том числе разумную речь: «мы учим друг друга и распределяем вещи соответственно способу их существования» [Платон, 1990, 619]. Не случайно неоплатоники, популяризируя это учение, говорили о демиурге, который, создавая вещи, одновременно выкликивал их имена. Ведь разумная речь, как связанность имен («А давать имена – не входит ли это как часть в нашу речь?» [Платон, 1990, с. 618]), воспроизводит суть, устройство мира, да и природу вещей (обратим внимание, что

Платон в данном диалоге не употребляет «вещи» в этом словосочетании в единственном числе (например, в варианте «природа вещи»); также часто речь идет о «сущности вещей», а не вещи [см., напр.: Платон, 1990, с. 616, Платон, 1990, с. 618 и далее]. Х.Г. Гадамер заметит: «Греческим термином, выражающим “сущность” является слово “οὐσία”, которое использовали Платон и Аристотель, и ... оно означает, собственно, имущество землевладельца, его усадьбу, земельный участок, короче говоря, все то, чем он располагает в своей жизни и в своей хозяйственной деятельности... “οὐσία” означает присутствие (die Anwesenheit) и содержит темпоральный смысл» [Гадамер, 1991, с. 63].

В связи с учением Платона В. Патцельт справедливо отмечает: «Если мы стремимся к всеобъемлющей науке о реальности, то это должно начинаться с систематического “чтения знаков” в мире явлений, но также это должно сочетать чисто семиотический анализ с уже врожденными упорядочивающими знаниями» [Патцельт, 2018, с. 185].

Проблема же в том, что, согласно Платону, эти знания тоже не являются в нас уже готовыми, они также проясняются для нас, как и сами имена. Поэтому метафора «строительного плана», вводимая автором, не совсем точна – повторим, речь идет скорее о проступании для нас зданий одновременно с прояснением плана строительства.

И именно этот момент будет камнем преткновения для большинства существующих стратегий вскрытия этого плана.

Первая стратегия – выявить самостоятельный «строительный план», обеспечивающий воспроизводство практик. В этом направлении движутся, например, У. Эко, последователи П. Бурдьё, В. Патцельт, российский исследователь М.В. Ильин и другие [см., напр.: Смысл в жизни ... , 2020].

В. Патцельт предложит идею «мемплекса». Рассуждая, например, об институтах, он отметит: «Институт – это некоторое социальное образование, как, например, армия или парламент, которое получило особую устойчивость, в том числе благодаря символическому выражению его организационных принципов и притязаний на значимость. Руководящая идея (идеи), вокруг которой возникает такое социальное образование, является мемом, или мемплексом. “Господство рабочего класса” было, например, руководящей идеей социалистических государств, а “объединение на-

рода вокруг бога” – руководящей идеей христианской церкви. Конечно, мемами являются и те правила, по которым в социальном образовании, репродуцирующемся таким способом, осуществляются определенные действия. Мемами являются также и привычно используемые институционально специфические способы мышления и выражения, и внешне проявляющиеся институционально специфичные образцы поведения. Таким образом, мемы, или мемплексы – это такие “строительные планы”, на основе которых институты воспроизводятся и корректируются; эти планы передаются следующему поколению участников институтов и таким способом становятся на какое-то время “вечно установленными”» [Патцельт, 2018, 195].

Ход, предлагаемый У. Эко, – выделять ключевые для данного «совпадения» в смыслах моменты. Причем они по определению не универсальны – нет Структуры с большой буквы, есть много маленьких структур. «Вот забавный и убедительный пример, приведенный Кенигом. Речь идет о домиках для сельской местности, поставляемых Касса дель Меццоджорно. Став владельцами современных домиков, снабженных ванной и туалетом, крестьяне, привыкшие отправлять естественные надобности на природе и не информированные по части того, что представляют собой и чему служат некие таинственные гигиенические сосуды, использовали сантехнику для мытья оливок; они клали оливки на специальную решетку и, спуская воду, их мыли. Конечно, всякий знает, что форма унитаза наилучшим образом соответствует той функции, которую он означает и делает осуществимой. И тем не менее форма означает функцию только на основе сложившейся системы ожиданий и навыков и, стало быть, на основе кода» [Эко, 2004, с. 214]. Эко фиксирует фактически «локальные» совпадения в практиках в понятии «код», отметив: «код – это модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений. Код устанавливается тогда, когда участник коммуникации имеет в распоряжении набор известных символов, из которых он осуществляет выбор, комбинируя их согласно ему известным правилам» [Эко, 2004, с. 83–84].

Основная проблема же здесь в том, что мы не знаем строительных планов до прояснения того, какое это строение. Поиск будет двигаться именно в направлении показа механизмов

проступания плана строения вместе с прояснением того, что же это за строение.

Вторая стратегия – простое объяснение связей апостериори через схематизацию практик, как это делает АСТ. И проблема здесь заключается именно в апостериорности и ситуативности.

В рамках акторно-сетевой теории (АСТ, АСТ; впрочем, Б. Латур предложит называть ее актантно-ризоматической [Латур, 2014]) предполагается, что, строго говоря, независимой от интерпретации «фактичности» не существует – есть соответствующая организация нашего опыта, которая «создает» «вещи реального мира». Впрочем, о тех же вещах говорил и Р. Дарнтон: «В этой работе я предлагаю самый общий подход к проблеме того, как общества конструируют свое чувство событий и просеивают информацию сквозь это “сито”. Это и есть то, что можно назвать историей коммуникаций... Исследование коммуникации может дать немало для осознания обществом своего собственного опыта» [Дарнтон, 2009, с. 78].

Причем это «создание вещей» одновременно и социально (требует определенных практик с их соответствующей материальной составляющей), и нарративно (требует создания соответствующей этим практикам «объективной» картины мира). Б. Латур, рассуждая об идеях вакцинации Л. Пастера и лампочке Эдисона, отметит: «Сделать научное открытие – то же самое, что стать господином над сетью... Поначалу микробы и электричество мало что из себя представляли. Только после того, как они добавили себе достаточно атрибутов, чтобы заинтересовать всех и сделать лаборатории совершенно необходимыми для существования микробов и электричества, только после того, как они отчаянно сражались, чтобы выиграть в испытаниях по созданию причинности в мире, оказалось, что Пастер и Эдисон открыли что-то» [Latour, 1988, p. 261–262]. Следующим шагом будет организация мира в соответствии с этой «объективной картиной» – в случае Л. Пастера лабораторные практики (учет, контроль, идентичность условий, фиксированные процедуры и т.д.), без которых «невозможны» микробы как часть картины мира, станут также составными частями «обычной» жизни; ферма приблизится к лаборатории, когда коровы будут носить номера, будет вестись строгий учет корма, надоев, самочувствия и т.д.; другие пространства также будут воспроизводить эту логику – вспомним требования к регулярности

уборки жилища, понятия рационального питания и в принципе нормативность «общества дисциплины».

Позже Б. Латур сформулирует, что речь идет о сетях, где есть множество актантов – материальных и нематериальных, сплавляющихся воедино и воспроизводящих «так организованный» мир. Он отметит: «Озоновая дыра слишком социальна и слишком нарративна, чтобы быть по-настоящему естественной, стратегия компаний и глав государств слишком зависит от химических реакций, чтобы быть сведенными к власти и интересам, дискурс экосферы слишком реален и слишком социален, чтобы полностью раствориться в эффектах производства реальности. Является ли нашей ошибкой, если сети реальны так же, как и природа, рассказаны так же, как дискурс, коллективны так же, как общество?» [Латур, 2006, с. 65–66].

Поэтому необходимо обращать внимание не только на смыслы (= «объективную» картину мира), но и на «ассамбляжи» производства и поддержания этих смыслов, на практики, описываемые через взаимодействия материальных и нематериальных актантов.

И здесь Б. Латур и другие теоретики отметят важный момент – одновременное существование нескольких «ассамбляжей», которые мы не стараемся отличить друг от друга и которые все-таки различны. В принципе, наши дискуссии об определении любого понятия приоткрывают это «неединство». Например, понятие «политическое» тоже является смыслом определенной сети, имеющей материальных и нематериальных актантов; «политическое», аналогично микробам или электричеству, обретает смысл только в рамках определенной сети. Б. Латур провозгласит очередной коперниканский переворот, на сей раз в политологии, суть которого «заставить наконец политику вращаться вокруг тем, которые генерируют вокруг себя публику, а не пытаться определить политику *в отсутствие* предмета беспокойства как вопрос процедуры, полномочия, суверенитета, права и представительства» [Латур, 2012, с. 244].

Анализируя общественные дебаты вокруг обязательности скрининга крови матери для обнаружения возможных дефектов плода в Голландии, Б. Латур на этом примере выделит пять различных ассамбляжей «политического» в современном мире; не все они в равной степени действенны и не все сложились в разных странах, поэтому ряд этих смыслов уходит на задний план или от-

сутствует для определенных общностей. Нужно ли делать вопрос об обязательности скрининга вопросом публичной повестки или оставить частным вопросом каждого, нужно ли вводить обязательный для всех граждан скрининг и какова процедура принятия решения о скрининге для всей страны как обязательной для граждан процедуре (достаточно ли представительных органов власти или нужен референдум и т.д.) – эти три вопроса представляют три уже традиционных ассамблея политического.

Появились и новые вопросы, поднимаемые лишь отдельными людьми и группами, – значит, речь идет о формировании той самой сети, которая пока явно не охватывает всех и (или) только формируется (если бы она была, вопрос был бы понятен). Новые вопросы – почему государство должно непосредственно откликаться на технические новинки и доверять научным результатам (в этом случае – достоверности скрининга), чтобы делать их предметом государственного управления, и нужно ли обществу «политически» инкорпорировать технические новинки.

Поговорим сначала о «традиционных» вопросах и их сетях. Первый традиционный вопрос (о том, нужно ли делать вопрос о скрининге вопросом публичной повестки или оставить частным вопросом каждого) – вопрос о публице, общем мнении и т.д., исследованный прагматизмом и предполагающий возможность и значимость каждого прагматического мнения. Он предполагает идеи независимого индивида, его приспособленности к миру и, вследствие этого, возможности выживания за счет принятия «адекватных» решений; но он же и предполагает возможность самостоятельного существования и самостоятельного решения, требующую достаточно высокой стадии развития общества и его технической культуры – всего того, что обычно связывается с классическим капитализмом. Именно элементы и организация капиталистического производства являются важными составляющими этой сети, которая и представляет наши «очевидные» практики. Если этот вопрос считается нами очевидным, значит, такого рода сеть пока функционирует – именно вовлеченность в эту сеть делает нас «чувствительным» к такой постановке вопроса; если представить себе невовлеченного в эту сеть человека, для него сама идея обсуждения этого вопроса будет неочевидна.

Второй вопрос – зачем всем голландцам проходить скрининг – «вопрос уровня суверенитета», т.е. осознания себя единой и устро-

енной общностью. Этот ассамбляж, с точки зрения Б. Латура, исследовал, например, К. Шмитт; составляющими этой сети является представление о мире в целом (те самые тенденции глобализации) и идея взаимодействия государств как целостных субъектов, причем в основном в режиме «врагов»; технические возможности такого представления – существование деятельности (не обязательно военной) на мировом уровне (банальный пример – транснациональные корпорации и т.д.). Это позже сформировавшаяся сеть; однако тезис о сильной нации тоже относится к современным «очевидностям»; значит, эта сеть тоже действенна. Более того, наряду с мышлением и действиями в мировых масштабах мы наблюдаем запрос на сильное государство со стороны населения (см., напр.: [Krastev, 2022]).

Наконец, третий вопрос – какой должны быть процедура – относится к более поздним ассамбляжам, поскольку в рамках традиционной представительной демократии процедуры принятия решений большинством голосов являются «очевидными» (правила Робертса, сложившиеся к концу XIX в. и известные нам как процедуры обсуждения и принятия решений большинством голосов, проблематизируются во второй половине XX в. [Демчук, Саскайнд, Шамликашвили, 2009]). Само сомнение в нужности политического обсуждения вопроса, в правильности его формулировки говорит о пересмотре понятия «публика», «общественность», которое мы наблюдаем уже во второй половине XX в., в рамках «общества контроля», если использовать терминологию Ж. Делёза. Такой ассамбляж предполагает уже вариативность и производства, и образа жизни, возможности их достаточно быстрого изменения, а также вариативность «реальностей», в рамках которых живут люди – то самое постиндустриальное общество (или «общество знания») с его в том числе «локализованными» и «холистскими» производствами, в рамках которого мы сейчас живем, что и отражается в идеях перехода к «делиберативной демократии», «постдемократии» и т.д.

Дискуссии по двум новым вопросам – «доверия» техническим новинкам и реакции на них со стороны государства, а также общественной необходимости политически на них реагировать – приоткрывают два новых ассамбляжа. Сама постановка вопроса о превентивных действиях в отношении будущего ребенка показывает новое измерение тела и индивида, которого уже сложно рас-

смаatrивать как «отдельное» и «независимое». В него не просто инкорпорируются достижения медицины – оно теперь функционирует в связи с ними и опорой на них (выживаемость современного общества в развитых странах без медицинской помощи и поддержки (банальнейший пример – без антибиотиков) – под угрозой). Б. Латур тонко подметит этот не единственный переход – от тела, уже не собственного, к обществу, уже биотехнологическому. Как классическая, «пастеровская» лаборатория переформатирует мир, так и современная, биотехнологическая. Это новый симбиоз человека и техники; огромная дистанция между постиндустриальным обществом и обществом информационным, по мысли сторонников данной концепции, связана с тем, что коллективный разум – это не просто объединение разрозненных человеческих разумов и не искусственный интеллект, а «своеобразная информационная система, способная не только к накоплению и передаче информации, но к анализу и выводам... Коллективный Разум чем-то напоминает мозг, только в нем роль нейронов играют люди... И эта система, очевидно, обладает некоторыми свойствами, которые не выводимы из свойств индивидуальных разумов, подобно тому, как свойства разума человека не являются однозначным следствием тех нейронов, из которых состоит его мозг...» [Моисеев, 2004, с. 442]. Это сложнейший результат эволюции, которая в настоящее время идет стихийно. Понятно, что на этом пути сделаны лишь первые шаги; однако «вовлеченных» в эти практики (например, банально, в ситуации постоянного медицинского контроля и практик «поддержания» и «улучшения» организма) вопрос об инкорпорации технических новинок крайне актуален. Дело не только в том, что, например, относящийся к этому новому устройству жизни вопрос гендера стал обсуждаться тогда, когда биотехнологически можно осуществить, например, смену пола, но и в том, что всерьез к нему относятся люди, массово вовлеченные в биотехнологизацию жизни (и, наоборот, нелепым он кажется тем, чьи отношения с медициной «традиционны» и не отличаются от отношений общества классического модерна – поход к врачу, только когда заболел, и т.д.).

Но это означает, что новые «квазибиологические» и «квазисоциальные» ассоциации являются новым социальным субъектом со своей специфической организацией и логикой; и новые общности такого рода будут возникать вновь и вновь по мере развития

симбиоза человека и машины. В результате мы имеем ту самую множественность миров, о которой говорили теоретики постмодерна – именно в рамках ассамбляжа эпохи постмодерна и уместен вопрос о взаимодействии разных миров, не сводимых к единой основе. Поэтому Б. Латур отметит два новых значения слова «политический»: новые ассоциации и правительность, подчеркнутая прежде всего современным феминизмом и М. Фуко. Они являются ассамбляжами, каждый раз вновь собирающими себя сетями двух новых политических вещей – практик, касающихся симбиоза тела и техники и организовавшей здесь и сейчас новой коллективной общности. Материальными акторами этих ассамбляжей являются те самые био-, когно- и т.д. технологии и организация жизни в связи с ними.

Рассмотренные выше стратегии представляют продуктивные подходы к структурированию практики, которые позволяют выделить значимые именно в данной практике компоненты; представление этой практики позволяет уяснить не только означаемое, но и набор факторов, влияющих и на производство и логику знаков, и характер их взаимосвязи, и степень влияния; преодолевается раскол между означением и действием («озоновая дыра и “естественна”, и нарративна, и социальна»), создается та самая динамическая модель порождения знака. Это попытка увидеть логику актуального «объективного» взгляда на мир, те самые значения знаков, которые мы пытаемся адекватно считать. Остающаяся проблема – как раз динамичность этого порождения. Классическая концепция знака предполагает воспроизводство вещей, а не «ухватывания» логики их связи. Между тем античная концепция имени требует «синхронизации» с этой логикой связи вещей мира в целом («усии» в терминологии Платона).

Таким образом, постановка вопроса о взаимосвязи означющего и означаемого требует динамической модели – модели порождения смысла. Поэтому вопрос теперь стоит не просто об учете означющего – скорее, его следует формулировать как вопрос о моделях порождения смысла, которые позволяют объяснить «схождения» в этих смыслах.

Yu.D. Artamonova, A.L. Demchuk*
**The relationship of the signifier and the signified of political signs:
problems and prospects of research**

Abstract. The thesis that the signified does not exist by itself, but is constructed in certain communities, which, in turn, assume a certain nature of sign production and circulation, was not immediately established in the research practice of the XX–XXI centuries. The article traces its formation and development from the studies of the Toronto School through various versions of the history of everyday life and the history of technology to mediology, actor-network theory and other modern strategies.

In parallel, the problematization of the position on the insignificance of the signified in semiotics and other strategies of text research (first of all, hermeneutics and poststructuralism) is shown. Turning to the origins of European culture (and, above all, to Plato's analysis of the name) allows us to sharpen the problem not so much of the signified as of the connection of names; the significance of not only «eidós» (the idea of a thing), but also «úsia» (the way of organizing the world).

It shows the strategies and difficulties of implementing this project in modern approaches of taking into account the signified – first of all, the V. Patzel's projects of memocomplexes, U. Eco's idea of the “code”, as well as B. Latour's project of «secularization of the political», which showed that the signified «political» in the modern world actually involves five different reproduction networks and, accordingly, five different meanings and practices related to these meanings. It is discussed that each time the historically dimensional relationship of the production / circulation of signs, the language code and the community using signs requires conceptualization already in the dynamic model of sign production (which means simultaneous development of both the sign and the logic of constructing a meaningful world); possible common points and problems of constructing such a model are shown.

Keywords: signifier; signified; sign production; mediology; eidós; usia; actor-network theory; project of «secularization of the political»; memplex; code.

For citation: Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. The relationship of the signifier and the signified of political signs: problems and prospects of research. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 60–80. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.03>

References

Apel K.O. The concept of primary mutual responsibility as a prerequisite of planetary macroethics. In: *Philosophy without borders*. Moscow: Izdatel' Vorobyov A.V., 2001, P. 47–67. (In Russ.)

* **Artamonova Yulia**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: juliaartamonova@yahoo.com ; **Demchuk Artur**, Lomonosov Moscow State University; Institute of the USA and Canada named after Academician G.A. Arbatov of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN), (Moscow, Russia), e-mail: arthur@leadnet.ru

- Darnton R. An early information society: news and the media in Eighteenth-Century Paris. *Moscow University Bulletin, Philosophy*. 2009, N 3, P. 77–92. (In Russ.)
- Darnton R.C. An early information society: news and the media in Eighteenth-Century Paris. *The American historical review*. 2000, Vol. 105, P. 1–35.
- Debray R. *Introduction to Mediology*. Moscow: Praxis, 2009, 368 p. (In Russ.)
- Demchuk A.L., Susskind L., Shamlikhailvili Ts. Management of difficult decisions in the 21 st century: Secrets of building consensus, or How to make everyone happy. *Moscow: Interregional Center for Management and Political Consulting, 2009, 208 p.* (In Russ.)
- Eco U. *Missing structure. Introduction to Semiology*. Saint Petersburg: Symposium, 2004, 544 p. (In Russ.)
- Krastev I. *Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of the Pandemic*. New York: Penguin, 2022, 96 p.
- Latour B. Copernican revolution in political theory. *Sociology of power*. 2012, N 6–7, P. 235–254. (In Russ.)
- Latour B. *There was no Modern Times. Essays on symmetrical anthropology*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2006, 240 p. (In Russ.)
- Latour B. *The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014, 384 p. (In Russ.)
- Latour B. *The pasteurization of France*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988, 273 p.
- McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy*. Moscow: Academic Project, 2015, 448 p. (In Russ.)
- Moiseev N.N. Information society: possibility and reality. In: *Information Society*. Moscow: AST, 2004, P. 428–451. (In Russ.)
- Patzelt V.J. Genes, memes and signs. *Method*. 2018, Vol. 8, P. 85–211. (In Russ.)
- Plato. Cratyl. In: *Writings*. Vol. 1, Moscow: “Mysl”, 1990, P. 613–663. (In Russ.)
- Saussure F. de *Course of general linguistics*. Yekaterinburg: publishing house of USU, 1999, 432 p. (In Russ.)
- Sicard M. *L'Année 1895: l'Image Écartelée Entre Voir Et Savoir*. [France]: Synthélabo, 1994, 138 p.
- Zolyan S., Ilyin M., Städtkiewicz Ż., Tulchinskiy G. Meaning in life and meaning in the text (roundtable proceedings). *Slovo.ru: Baltic accent*. 2020, Vol. 11, N 1, P. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-1> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Апель К.О. Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ*. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. – С. 47–67.
- Гадамер Х.Г. Хайдеггер и греки // *Логос*. – 1991. – Вып. 2. – С. 56–68.

- Дарнтон Р.* Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже // Вестник Московского Университета. Серия Философия. – 2009. – № 3. – С. 77–92.
- Дебре Р.* Введение в медиологию. – М.: Праксис, 2009. – 368 с.
- Демчук А.Л., Сасскайнд Л., Шамликашвили Ц.* Менеджмент трудных решений в XXI веке: секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все. – М: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. – 208 с.
- Латур Б.* Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. – 2012. – № 6–7. – С. 235–254.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. – М.: Академический проект, 2015. – 448 с.
- Моисеев Н.Н.* Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество. – М.: АСТ, 2004. – С. 428–451.
- Патцельт В.Й.* Гены, мемы и знаки // Метод. – Вып. 8. – 2018. – С. 85–211.
- Платон.* Кратил // Соч. Т. 1. – М.: изд-во «Мысль», 1990. – С. 613–663.
- Смысл в жизни и смысл в тексте (материалы круглого стола) / С.Т. Золян, М.В. Ильин, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский // Слово. ру: балтийский акцент. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 7–33. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-1>*
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 432 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2004. – 544 с.

Т.А. ПОДШИБЯКИНА*
**КОГНИТИВНАЯ НАРРАТОЛОГИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье прослеживается формирование когнитивной нарратологии, анализируются возможности и перспективы ее использования в предметном поле политической науки. Отмечаются ее релевантность для исследования политических явлений и процессов, важность концептуализации понятий «политическое восприятие» и «идеологическая репрезентация» как когнитивных феноменов. Предложена когнитивно-нарратологическая концепция политического восприятия, суть которой заключается в рассмотрении восприятия как вида знания о политических явлениях и процессах, представленных в ментальных моделях и воплощенных в речевых формах. Показаны возможности применения в политических исследованиях концепции свободной косвенной речи М. Яна и когнитивной трактовки метафор Дж. Лакоффа, М. Джонсона. Делается заключение, что политическая наука не только может использовать методологию когнитивной нарратологии в своих исследованиях, но и способна внести вклад в ее прагматическое и конструктивистское развитие.

Ключевые слова: нарратология; когнитивная нарратология; политическое восприятие; идеологическая репрезентация; идеологические установки.

Для цитирования: Подшибякина Т.А. Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 81–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04>

* Подшибякина Татьяна Александровна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: tan5@bk.ru

© Подшибякина Т.А., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.03.04

Велико значение лингвистических поворотов для политической науки. С ними связаны и их дополняют когнитивные повороты, акцентирующие помимо коммуникативных форм еще и ментальное содержание политических явлений и процессов. Один из таких когнитивных поворотов привел к появлению в междисциплинарном поле нового научного направления – когнитивной нарратологии. Она интегрирует научные наработки психологии, философии, лингвистики, когнитологии и стремится стать самостоятельной наукой о когнитивных структурах сознания. Когнитивная нарратология открывает новые возможности для объяснения имплицитных состояний и процессов индивидуального и группового политического сознания, позволяет изучать когнитивные способности человека, появляющиеся в политических практиках.

Формирование когнитивной нарратологии

История возникновения когнитивной нарратологии представлена в работе Дэвида Германа «Когнитивная нарратология» [Herman, 2009 a]. В ней основоположник направления дает ответ на концептуальный вопрос: чем отличается когнитивная нарратология от классической структуралистской нарратологии, а также раскрывает содержание основных понятий, характеризует особенности методологии, очерчивает круг исследовательских проблем.

Сам термин *когнитивная нарратология*, как считает Герман, ввел в научный оборот Манфред Ян [Jahn, 1997]. Однако наиболее убедительная трактовка была дана именно Дэвидом Германом: «Когнитивную нарратологию можно определить как изучение относящихся к сознанию аспектов практик повествования, где бы – и какими бы средствами – эти практики ни применялись» [Herman, 2009 a, p. 30]. Когнитивная нарратология дополнила структуралистские нарратологические теории Ролана Барта, Альгирдаса Жюльена Греймаса, Жерара Женетта идеями о «мышлении, мыслительных способностях» и дала возможность изучения когнитивных процессов, а не только нарративных структур. Отличительной чертой когнитивной нарратологии является «сосредоточенность на аспектах практик сторителлинга (*storytelling practices*), имеющих отношение к сознанию, где “сознание” – это сокращение

от «сознание – мозг» (“*mind*” is shorthand for “*mind-brain*”)) [Herman, 2009 a, p. 31].

Понятие нарратива получило самые разные трактовки. Его широкое определение дает Манфред Ян: «Нарратив: все, что рассказывает или представляет историю; история: последовательность событий с участием персонажей; нарратор: рассказчик повествования; человек, который формулирует текст повествования» [Jahn, 2021, p. 2]. Герман использует понятие «атомарного нарратива» как единичного действия, имеющего начало, середину и конец [Herman, 2002, p. 80]. «Нарратив, если кратко, обеспечивает мягкую, гибкую основу для конструирования, передачи информации и реконструкции мысленно спроецированных миров – возможно, единственных миров, которые любой из нас может когда-либо познать» [Herman, 2002, p. 49]. Мари-Лаура Райан понимает нарратив как способ мышления персонажей и мыслительную деятельность читателя [Ryan, 2010].

Когнитивная нарратология использует различные междисциплинарные методы анализа из арсенала нарратологии, когнитивистики, лингвистики, информатики, философии, психологии, формируя уникальный теоретико-методологический конструкт исследования функционирования нарративов как инструментов мышления. Однако можно утверждать, что собственная теория и методология исследования когнитивной нарратологии еще находится в стадии становления. Методы исследования данного направления, если оценивать их в целом, имеют психологическую основу, определяющую реакцию «читателя» на тексты.

Для когнитивной нарратологии как междисциплинарного начинания важно тонкое различение предметов и методов исследования с «родительскими» науками – нарратологией и когнитологией. Герман рассматривает когнитивную нарратологию как часть когнитологии [Herman, 2000] и утверждает, что нарративно-теоретические исследования способствуют развитию когнитивной науки. Базовыми элементами ее когнитивных концептов являются ментальные репрезентации, фиксирующие «систематические структурные отношения в категориях опыта», «сценариев», «фреймов», «моделей», «стратегий познания мира», «вымышленного повествования» в сравнительной и эволюционной перспективе. Когнитивная нарратология фокусирует свои усилия на исследовании эмоций и их отражения в конкретных нарративных текстах, на изучении феноменов когнитивного воспри-

ятия, на эмпирическом установлении корреляций между текстовыми структурами и стратегиями обработки данных.

Ключевые вопросы когнитивной нарратологии Герман определил следующим образом: «Какие когнитивные процессы поддерживают понимание повествования, позволяя читателям, зрителям или слушателям создавать ментальные модели миров, вызываемых историями? Как они используют специфические для среды реплики, чтобы на основе дискурса или сюжета выстроить хронологию событий или фабулу? Какова более широкая временная и пространственная среда для этих событий (когда в истории произошли эти события и где географически?). Какие персонажи задействованы и каково было этим персонажам пережить более или менее разрушительные или неканонические события, которые составляют основную особенность нарративных репрезентаций» [Herman, 2009 a, p. 31].

Дэвид Герман намечает следующую периодизацию становления когнитивной нарратологии [Herman, 2009 a, p. 32]. Ее истоки можно искать в идее, высказанной Марвином Мински в работе «Фреймы для представления знаний» [Minsky, 1975]. Тогда же намечается поворот к проблемам восприятия или реакции читателя (Вольфганг Изер, Джейн П. Томпкинс). основополагающим стал научный труд Роджера К. Шенка и Роберта П. Абельсона «Сценарии, планы, цели и понимание» [Schank, Abelson, 1977]. Выдвинутая в этой работе концепция впоследствии стала фундаментом для возникновения когнитивной нарратологии. Значительный вклад в становление направления внесла статья Манфреда Яна «Фреймы, референции и чтение повествований от третьего лица: на пути к когнитивной нарратологии» [Jahn, 1997]. Фундаментальными для нового направления нарратологии стала концепция «контекстуальных фреймов» как формы ментальных репрезентаций Кэтрин Эммотт в работе «Нарративное понимание: перспектива дискурса» [Emmott, 1997]. Алан Палмер, опираясь на концепции репрезентации знаний, описывает техники представления сознания вымышленных персонажей. Вольфганг Изер [Iser 1978], представитель школы рецептивной эстетики, предложил исследовать отношение «подразумеваемого читателя» к тексту. Ангар Нюннинг проработал понятие метанаррации, или размышления рассказчика о процессе повествования [Nünning 2005]. Люк Херман и Барт Вервек, акцентируя рецептивные аспекты исследований, предлагают относить

когнитивную нарратологию к коммуникативному направлению постклассической нарратологии.

Во второй половине 1990-х годов начался «когнитивный поворот» в нарративных исследованиях, подготовленный теоретическими наработками предыдущего этапа. Самыми значимыми являются работы Дэвида Германа «Логика истории: проблемы и возможности нарратива» [Herman, 2002], «Базовые компоненты повествования» [Herman, 2009 b], «Теория нарратива и когнитивные науки» [Herman, 2001]. Дэвид Герман так определяет четыре базовых элемента нарратива: ситуационность, последовательность событий, создание / разрушение мира и «каково это» (репрезентация опыта посредством повествовательных миров) [Herman, 2009 b]. Марк Тернер предлагает когнитивно-лингвистические модели метафоры в терминах параболических проекций, или сопоставления исходных историй с целевыми историями. Манфред Ян трактует фреймы как когнитивные модели, используемые в процессе чтения текста от третьего лица. Исследование репрезентаций сознания проводят Джордж Бьютт, Алан Палмер и Лиза Зуншайн. Шломит Риммон-Кенан обосновывает необходимость изучения контекста. Энтони Дж. Сэнфорд и Кэтрин Эммот разрабатывают фундаментальную теорию сценарного отображения, выявившую связь нарратива с повседневным знанием о мире. Моника Флудерник, создавшая направление «естественной нарратологии», ряд сюжетов в своих работах посвятила ментальному переживанию опыта. Менахем Перри [Perry, 1979] в рамках концепции литературной динамики отвечает на вопрос, как порядок текста создает его значения, а Меир Штернберг рассматривает различные аспекты влияния литературных текстов на читателей [Sternberg, 2003].

В прошедшее двадцатилетие когнитивная нарратология прочно заняла свое место среди таких направлений нарратологического «семейства», как риторическое, феминистское, цифровое. Постепенно формируются ее новые субнаправления: энктивизм (М. Карачоло), нейроэкспериментальная нарратология (А. Абрахам), эволюционное (Б. Бойд, Д. Даттон, Д. Кэрролл) и психологическое (М. Бортолусси и П. Диксон) направления, нарратология цифровых медиа (Д. Чиккорико), феминистское измерение когнитивной нарратологии (К. Кукконен). Герман обращает особое внимание на перспективы сочетания количественных, эмпирических и качественных методов исследования (Б. Джонсон, Э. Ойонг) [Herman,

2013, p. 199–201]. Специальный выпуск журнала *Image & Narrative*, полностью посвященный когнитивной нарратологии, обобщает результаты нарратологических исследований в новых предметных областях: фотонарратива (Я. Баэтенс), кинонарратива (С. Де Грауве, Й. Верстил, Й. Вандаэле), комиксов и карикатур (П. Лефевр, К. Коуч, Х.Э. Юнгст, С. Челья и В.К. Валери, Ж. Вандеполь, А. Ромменс), скульптуры и живописи (Б. Десгрейвс) [Image, 2000]. Получают также дальнейшее распространение традиционные методы исследования биографических нарративов политиков (М. Коли, М.В. Рили, М. Фонер, Х. Буде) и различных практик использования политических нарративов (М. Бартвал-Датта, Р. Кристалли, Л.Дж. Шеперд).

Освоение политической проблематики привело к возникновению «родственной» субдисциплины – политической нарратологии; некоторые из подходов этого направления разрабатывает Мике Бал [Bal, 2004]. В когнитивной нарратологии над изучением проблем использования нарративов в области политических и международных отношений работают Мария Мякеля, Пол Доусон, [Dawson, Mäkelä, 2022]. Особо следует выделить исследования современных инструментальных стратегических нарративов, проводимые Марией Мякеля, представительницей финской школы, и новаторский подход Яна Альбера к изучению идеологических последствий нарративных стратегий [Albert, Olson, 2017].

Для политических исследований представляют интерес несколько междисциплинарных концепций и методов, представленных в обзорах журнала «Диегезис» [Лозинская, 2020]. В первую очередь следует назвать концепцию «стратегического повествования», согласно которой нарративы могут быть направлены на достижение определенной цели в процессе коммуникации. Перспективно освоение «эмпирических подходов к нарративу» (М. Бортолусси, П. Диксон, Р. Зоммер): исследование нарративных репрезентаций конфликтов на основе анализа документальных повествований при помощи компьютерной программы (Э. Джус), применение метода опросов при выявлении восприятия искусственно созданных нарративов (Т. Клаук, Т. Кёппе, Т. Вескотт), методика сочетания исследования текстов и визуальных изображений (А. Макрэ).

В России направление когнитивной нарратологии находится на стадии становления. Некоторые аспекты ее проблематики исследуют Л.В. Татару [Татару, 2008], В.И. Тюпа [Тюпа, 2021], Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2004], Т.Б. Радбиль [Радбиль, 2017],

Е.В. Лозинская [Лозинская, 2011]. Вопрос о возможностях использования теоретических наработок когнитивной нарратологии в политической науке пока остается открытым. Предлагаем рассмотреть понятие «политическое восприятие» с использованием методов когнитивной нарратологии в качестве примера такого междисциплинарного анализа.

Когнитивно-нарратологическая концепция политического восприятия

Феномен политического восприятия в российской политической науке уже достаточно давно исследуется политическими психологами (Е.Б. Шестопал, М.В. Новикова-Грунд, В.В. Вагина, П.С. Пасс, А.Л. Зверев, И.С. Палитай, Н.В. Смулькина, А.И. Рогозарь [Особенности политического восприятия ... , 2016]. Интересна лингвистическая методология, апробированная Е.Б. Шестопал и М.В. Новиковой-Грунд при анализе образов двенадцати ведущих политиков России. Анализ языка и текстов интервью был проведен в семантическом, морфологическом, синтаксическом аспектах, затем проведена процедура дешифровки и декодирования текста [Шестопал, Новикова-Грунд, 1996]. Предикат «политическое» как признак «восприятия» в большинстве публикаций российских авторов определяется через объект исследования – политическое явление, процесс или дискурс. И в этом смысле оно точнее может быть сформулировано как «восприятие политического». Однако понятие «политическое восприятие» может быть рассмотрено и как структурный элемент когнитивного механизма сознания. Отличие принципиальное, требующее иных подходов к концептуализации политического восприятия и использованию особых методологических приемов исследования.

Политические основания когнитивного и психологического процесса покоятся на знании о политике и на определенном опыте политического действия. Когнитивный процесс политического восприятия может быть определен так: восприятие является видом знания и элементом процесса познания. Политические смыслы не могут формироваться только эмоционально и интуитивно, необходимо также обладание хотя бы минимумом знаний о политике.

Особенностью концептуализации понятия «политическое восприятие» с использованием подходов когнитивной нарратологии является анализ его когнитивных признаков, отражающих процесс получения и хранения знаний о каком-либо политическом явлении или процессе в виде концептов или идеологем, нарративов. Когнитивные концепции строятся на двух принципах: когнитивных ментальных структур и антропологических моделей реагирования. «Возможно, именно поэтому когнитивные исследования, как правило, фокусируются на аспектах рецепции, взаимодействии текста и получателя» [Eder, 2003, p. 284].

Традиционная философия, в отличие от современных направлений, как правило, или относила восприятие к чувственным феноменам, или рассматривала его лишь как предпосылку знания. Признак «когнитивный» не означает, что отвергается эмоциональная сторона восприятия. Наоборот, методология когнитивной нарратологии может быть чрезвычайно полезна для изучения эмоций, эмоционального дискурса повествования, репрезентации убеждений. Конструктивистские подходы к эмоциям, концепции когнитивной проницаемости могут быть привлечены для исследования того, как убеждения и эмоции влияют на мировоззрение. Методологическая проблема заключается в том, что необходима «сшивка» двух разных ментальных состояний: концептуального (когнитивного) и элементов неконцептуального (эмоционального, чувственного).

Уникальные, но все же ограниченные возможности для этого открывают теории когнитивной рецепции, находящиеся в арсенале когнитивной нарратологии. Теоретически суть методологической проблемы их заимствования наиболее полно изложена в работе Йенса Эдера «Нарратология и теории когнитивной рецепции» [Eder, 2003]. «С помощью теорий когнитивной рецепции мы можем более точно описать процедурные процессы повествования и понимания, точнее определить стили повествования, характерные для конкретной среды, и легче связать нарратологию с более широкими вопросами интерпретации, культурного анализа, истории и так далее» [Eder, 2003, p. 296]. Можно утверждать, что таким образом нарратологию можно связать и с политической проблематикой. Основными структурными элементами теорий когнитивной рецепции выступают понятия «когнитивная схема», «ментальная модель», «фрейм».

Йенс Эдер использует понятие «“теории когнитивной ре-цепции” как удобный собирательный термин для теорий, которые используют концепции когнитивной науки, чтобы установить, как понимаются тексты или нарративы» [Eder, 2003, p. 284]. «Для нарратологов доступно множество различных когнитивных теорий: теории интенциональности и воображения, берущие начало в аналитической философии разума, модели восприятия и категоризации из когнитивной психологии и теории текстовой интерпретации из лингвистики. Некоторые из этих подходов являются эмпирическими, другие – неэмпирическими, и они имеют разрозненный набор существенных базовых понятий: некоторые из них описывают ментальные репрезентативные структуры с помощью когнитивных схем, другие обращаются к предложениям или ментальным моделям. Но у них также есть определенные общие фундаментальные черты. Когнитивная теория рассматривает общение и восприятие как активные, конструктивные, рационально мотивированные и когнитивно управляемые процессы обработки информации, которые основаны на человеческой телесности и опыте» [Eder, 2003, p. 283].

Йенс Эдер приводит шкалу из семи возможных взаимосвязей между теориями когнитивного восприятия и нарратологией: (1) несовместимость, (2) несвязанное сосуществование, (3) эвристическое использование когнитивной теории, (4) модульное добавление и использование когнитивной теории, (5) частичная интеграция концепций и моделей из когнитивной теории, (6) нарратология, основанная на когнитивной теории, и (7) нарратология, которая является частью когнитивной теории [Eder, 2003, p. 284].

Репрезентация, в отличие от восприятия, обязательно включает элемент, который может быть назван интенцией на уровне индивидуального сознания или стратегией в групповом сознании. Стратегическое формирование нарратива является политическим признаком механизма представления идеологических установок. Следует уточнить, что речь не идет о нарративном анализе политических текстов и программных речей политиков – таких работ достаточно много, а о возможности выявления имплицитных нарративных стратегий в индивидуальном и групповом сознании. Пока намерения не вербализованы, эту область сознания невозможно изучать только социологическими методами, и здесь могут

пригодиться методы когнитивной нарративистики, позволяющие проникнуть на ментальный уровень сознания.

Репрезентация, важнейший элемент когнитивной структуры сознания, помогает выйти на различные идеологические практики представления убеждений и понять направленность политического поведения на основе ценностных установок. В чем заключается понимание репрезентации в когнитивном значении? Репрезентативные теории, несколько абсолютизируя, утверждают, что сознательные состояния не обладают никакими ментальными свойствами, кроме репрезентативных. В когнитивной науке «репрезентационализм» признает различные формы ментальных репрезентаций (представлений); наиболее распространенные из них – модели и когнитивные карты [Egan, 2012]. В исследовании репрезентации идеологий успешно применяется методология дискурс-анализа, нарративного анализа, когнитивной лингвистики, эвристические возможности теории речевых актов (Р. Коллингвуд, Д. Остин) и истории понятий (Begriffsgeschichte).

Если политический характер идеологии не вызывает сомнений, то вопрос о когнитивной природе идеологии, о содержании и структуре такой природы является одной из трудноразрешимых проблем [Мусихин, 2011, с. 134]. Рассмотрим возможности когнитивно-нарративного метода исследования на примерах эмпирических исследований идеологической репрезентации. В проведенном исследовании предпринята попытка реализовать, по мнению Д. Германа, один из перспективных методов в когнитивной нарратологии: сочетание качественного и количественного анализа.

Опыт применения когнитивно-нарративных методов, полученный в ходе реализации проекта по исследованию группового идеологического сознания студентов Юга России с выборкой 2500 человек (2018–2021), имеющийся у коллектива ученых Южного федерального университета С.П. Поцелуева, М.С. Константинова, Л.Б. Внуковой, П.Н. Лукичева, Т.А. Подшибякиной, может быть использован при операционализации концепции политического восприятия в разных политических областях [Когнитивно-идеологические матрицы . . . , 2021]. На этом кейсе можно продемонстрировать решение одной из методологических задач – применение количественных методов исследования в сочетании с приемами когнитивно-нарративного анализа, относящегося к группе качественных методов. Количественных методов недостаточно для исследования когнитивных

процессов в индивидуальном и групповом сознании, с их помощью можно получить лишь ответ на вопрос: «Что вы об этом думаете?» Для целей исследования механизма восприятия вопрос должен быть сформулирован так: «Как вы до этого додумались?» Респондент, пожалуй, не сможет дать на него правдивого ответа, поскольку, возможно, не знает его и сам.

В основу теоретико-методологического конструкта исследования была положена фреймовая версия концепции свободной косвенной речи М. Яна, идеи фундаментальности метафор Джорджа Лакоффа, Марка Джонсона. При разработке вопросов анкеты была использована идея Манфреда Яна о фреймах как когнитивных моделях, используемых в процессе чтения текста от третьего лица, когда автор нарратива может выражать свои взгляды через высказывания какого-либо персонажа, ассоциируя свои взгляды с его взглядами. Теория Джорджа Лакоффа, Марка Джонсона привлекалась для обоснования использования метафор в целях опосредованного выявления представлений, данных человеку в опыте, не имеющих четкого концептуального осмысления [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 147].

Свободные ответы на вопросы послужили материалом для нарративного анализа, а единицей счета выступали содержащиеся в них метафоры. Метод позволил расширить эвристические возможности концепции идеологий Майкла Фридена и концепта когнитивно-идеологической матрицы С.П. Поцелуева и М.С. Константинова, направленные на выявление закономерностей динамики элементов морфологии (структуры) идеологий на границе когнитивно-идеологической матрицы и внешней социальной среды. Механизм матрицы структурно может быть описан как взаимосвязанная система элементов: нарративы, идеологемы, идеологические концептные нарративы, идеологические ядерные или периферийные концепты. В анкету были включены специальные вопросы, которые должны были решить задачу экспликации латентных форм восприятия идей на основе имеющегося опыта. Некоторые ответы на свободные вопросы строились по принципу повествования от имени третьего лица, например, киногероя. Интересный материал для анализа дали также таблицы сопряженности, указывающие на расхождения полученных ответов по открытым вопросам и презентации респондентами своих идеологических ориентаций. Рассматриваемый когнитивно-нарративный метод анализа может

быть использован для исследования идеологических установок на уровне группового сознания.

Перспективы использования методов когнитивной нарратологии в политической науке

Каковы необходимые условия заимствования методов когнитивной нарратологии политической наукой? Исследователь должен признавать принцип синкретизма, позволяющий сочетать подходы разных наук. Необходимо исходить из понимания эвристических возможностей метода, который представляет собой «интерфейс между нарратией и когницией», открывающий путь к исследованию феноменов сознания посредством нарративов. Однако в случае применения междисциплинарных подходов всегда возникает проблема валидности используемых методов.

Критериев обоснованности применения методов когнитивной нарратологии в политической сфере можно назвать несколько. Объектом исследования выступают различные когниции, т.е. элементы процесса познания и обработки информации: восприятие, репрезентация знаний, память. В качестве предмета исследования может быть выбрано все, что в когнитивной нарратологии именуется *mind*, т.е. внутренний мир человека: речь, мысли, восприятие, желания, эмоции; а в политической науке – идеологические подходы, ценностные установки, ментальные процессы. Область применения методов когнитивной нарратологии – практики политики памяти, легитимации, формирования идентичности, речевой коммуникации, а также технологии воздействия на сознание в электро-ральных процессах, когнитивных войнах и т.п. Должны быть учтены отличия нарратива, предполагающего некую рассказываемую историю, от других видов дискурса; более всего этому критерию соответствует автобиографический жанр повествования.

Какие именно методы можно использовать? Назовем лишь некоторые из них, апробированные в политических исследованиях. Анализ ментальных моделей, репрезентируемых в нарративах как видах когнитивной деятельности, позволяет выявить воспроизведение в индивидуальном сознании разных способов построения модели мира (Д. Герман). Метод «фигурального нарратива» М. Яна, предполагающий участие третьего лица, применим не только к

исследованию политических текстов, но и к написанию нарративного эссе от имени какого-либо персонажа. Валидными являются методы исследования биографических нарративов политиков (М. Коли, М.В. Рили, М. Фонер, Х. Буде) и политических нарративов в различных практиках (М. Бартвал-Датта, Р. Кристалли, Л. Дж. Шеперд). Интерес для анализа представляют самые разнообразные тексты: литературные и нехудожественные, кинематографические, публикации в средствах массовой информации, блоги и т.д. Истории могут быть рассказаны в форме устного или письменного текста, фильма или картинки.

Можно ли ставить вопрос о возможном вкладе политической науки в направление когнитивной нарратологии, развитие которой все больше определяется потенциалом междисциплинарного взаимодействия, в том числе по обоснованию универсальной теории и разработке единой методологии? Безусловно, политическая наука, изучая закономерности использования нарративов, может внести заметный вклад в прагматическое и конструктивистское направление нарратологии. В ее предметном поле находится особая коммуникация политических акторов, формирующая нарративы борьбы за власть, обеспечение ее легитимности, идеологического овладения общественным сознанием. Политическая наука дает возможность исследовать уникальную форму репрезентации – «нарративные стратегии», т.е. способы когнитивно-нарратологического конструирования действительности, направляющие поведение людей в политической жизни.

Т.А. Podshibyakina*
Cognitive narratology:
possibilities of use in political science

Abstract. The article traces the formation of cognitive narratology, analyzes the possibilities and prospects of its use in the subject field of political science. It notes its relevance for the study of political phenomena and processes, as well as the importance of conceptualizing the concepts of «political perception» and «ideological representation» as cognitive phenomena. The cognitive-narratological concept of political perception is proposed, the essence of which is to consider perception as a type

* **Podshibyakina Tatyana**, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: tan5@bk.ru

of knowledge about political phenomena and processes presented in mental models and embodied in speech forms. The possibilities of application in political studies of the concept of free indirect speech by M. Yan and cognitive interpretation of metaphors by J. Lakoff and M. Johnson are shown. It is concluded that political science is able not only to use the methodology of cognitive narratology in its research, but also to contribute to its pragmatic and constructivist development.

Keywords: narratology; cognitive narratology; political perception; ideological representation; ideological attitudes.

For citation: Podshibyakina T.A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 81–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04>

References

- Albert J., Olson G. *How to work withan narrative. Cognitive and diachronic perspectives*. E-book Narratology. 20 November 2017. De Gruyter. Mode access: <https://dod.overdrive.com/media/3669957> (accessed: 30.03.2023).
- Bal M. (ed.). *Narrative theory: critical concepts in literary and cultural studies*. London: Routledge, 2004, 1680 p.
- Dawson P., Mäkelä M. (ed.). *The Routledge companion to narrative theory*. New York: Taylor & Francis, 2022, 596 p.
- Eder J. Narratology and cognitive reception theories. In: Kindt T., Müller H.-H. (eds). *What Is Narratology? Questions and answers regarding the status of a theory*. Berlin: de Gruyter, 2003, P. 277–301.
- Egan F. Representationalism. In: Margolis E., Samuels R., Stich S.P. (eds). *The Oxford Handbook of philosophy of cognitive science*. 2012. P. 250–272. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195309799.013.0011>
- Emmott C. *Narrative comprehension: a discourse perspective*. Oxford: Oxford UP, 1997, 320 p.
- Herman D. *Story logic: problems and possibilities of narrative*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2002, 477 p.
- Herman D. Cognitive narratology. In: Hühn P. Meister J.C., Pier J. Schmid W. (eds). *Handbook of narratology. Vol. 1*. Germany: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2009 a, P. 30–43. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110316469.46>
- Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester (U.K.); Malden (USA): Wiley-Blackwell, 2009 b, 249 p.
- Herman D. Narratology as a cognitive science In: *Image [&] Narrative*. Issue 1. Cognitive Narratology. Sept. 2000. Mode of access: <http://www.imageandnarrative.be/narratology/davidherman.htm> (accessed: 20.03.2023).
- Herman D. Narrative theory and the cognitive sciences. *Narrative inquiry*. 2001, Vol. 11, N 1, 2001, P. 1–1. DOI: <https://doi.org/10.1075/ni.11.1.01her>
- Herman D. Narrative and mind: Directions for inquiry. In: *Stories and minds: Cognitive approaches to literary narrative*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2013, P. 199–209.

- Jahn M. Frames, preferences, and the reading of third-person narratives: Towards a cognitive narratology. *Poetics today*. 1997, Vol. 18, N 4, P. 441–468. DOI: <https://doi.org/10.2307/1773182>
- Jahn M. *Narratology 2.3: a guide to the theory of narrative*. English Department, University of Cologne. 2021. Mode of access: www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.pdf (accessed: 01.05.2023)
- Iser W. *The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1978, 303 p.
- Konstantinov M.S. Potseluyev S.P., Podshibyakina T.A., Lukichev P.N., Vnukova L.B. *Cognitive-ideological matrices of students' perception of modern socio-political crises in the South of Russia*: monograph. Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021, 300 p. DOI: <https://doi.org/10.18522/801273594> (In Russ.)
- Kubryakova E.S. On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*. 2004, N 1, P. 6–17. (In Russ.)
- Lakoff J., Johnson M. *Metaphors that we live by* / edited and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256 p. (In Russ.)
- Lozinskaya E.V. 2011. 02. 003. Herman D. Basic components of the narrative. Herman D. basic elements of narrative. – Chichester (UK); maiden (USA): Wiley-Blackwell, 2009. XV, 249 p. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 7, Literary studies: An abstract journal*. 2011, N 2, P. 18–24. (In Russ.)
- Lozinskaya E.V. “Diegesis”: interdisciplinary Electronic Journal of Narrative Research (review of the journal, 2012–2019). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 7, Literary studies: An abstract journal*. 2020, N 3, P. 18–37. (In Russ.)
- Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. In: Winston P.H. (ed.). *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975, P. 211–277.
- Musikhin G.I. Discursive analysis of ideologies: possibilities and limitations. *Polis. Political studies*. 2011, N 5, P. 128–144. (In Russ.)
- Nünning A. On Metanarrative: Towards a Definition, a Typology, and an Outline of the Functions of Metanarrative Commentary. *The Dynamics of Narrative Form*. Studies in Anglo-American Narratology, ed. John Pier. Narratologia, Bd. 4. Berlin, New York: de Gruyter 2005, P. 11–57.
- Perry M. Literary dynamics: how the order of a text creates its meanings [with an analysis of Faulkner's “A Rose for Emily”]. *Poetics today*. 1979, Vol. 1, N 1/2, P. 35–64, 311–361.
- Radbil T.B. Communicative and cognitive foundations of the theory of narrative in modern humanitarian knowledge. *Communicative research*. 2017, N 1 (11), P. 23–35. (In Russ.)
- Ryan M.L. Narratology and cognitive science: A problematic relation. *Style*. 2010, Vol. 44, N 4, P. 469–495.

- Schank R.C., Abelson R.P. *Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures*. New York: Psychology Press, 1977, 266 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203781036>
- Shestopal E.B., Novikova-Grund M.V. Perception of images of 12 leading politicians of Russia (psychological and linguistic analysis). *Polis. Political studies*. 1996, N 5, P. 168–191. (In Russ.)
- Sternberg M. Universals of narrative and their cognitivist fortunes (I). *Poetics today*. 2003, Vol. 24, N 2, P. 297–395.
- Tataru L.V. Cognitive logic of narrative. *Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*. 2008, N 9, P. 38–50. (In Russ.)
- Тыупа В.И. Bakhtin and narratology. *Literary journal*. 2021, N 4 (54), P. 120–133. (In Russ.)
- Zverev A.L., Palitai I.S., Smulkina N.V., Rogozar A.I. Features of political perception in modern Russian conditions. *Polis. Political studies*. 2016, N 3, P. 40–54. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.05> (In Russ.).

Литература на русском языке

- Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов: монография / М.С. Константинов, С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, П.Н. Лукичев, Л.Б. Внукова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 300 с. – DOI: <https://doi.org/10.18522/801273594>
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Лозинская Е.В. 2011. 02. 003. Герман Д. Базовые компоненты повествования. Herman D. basic elements of narrative. – Chichester (UK); Malden (USA): Wiley-Blackwell, 2009. XV, 249 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2011. – № 2. – С. 18–24.
- Лозинская Е.В. «Диегезис»: интердисциплинарный Электронный журнал по нарративным исследованиям (обзор журнала, 2012–2019) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – С. 18–37.
- Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологии: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 128–144.
- Особенности политического восприятия в современных российских условиях / А.Л. Зверев, И.С. Палитай, Н.В. Смолькина, А.И. Рогозарь // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 40–54. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.05>

-
- Радбиль Т.Б.* Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 1 (11). – С. 23–35.
- Татару Л.В.* Когнитивная логика нарратива // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2008. – № 9. – С. 38–50.
- Тюна В.И.* Бахтин и нарратология // Литературоведческий журнал. – 2021. – № 4 (54). – С. 120–133.
- Шестопап Е.Б., Новикова-Грунд М.В.* Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 168–191.

РАКУРСЫ

С.Т. ЗОЛЯН*

СЛОВО И ДЕЛО: ПЕРФОРМАТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ И ДИСКУРСАХ¹

Аннотация. Теория перформативов Дж.Л. Остина стала одной из важнейших тем как для философии языка, так и для теоретической лингвистики второй половины XX в. После систематизации, которую проделал Джон Сёрль, теория речевых актов и перформативов приобрела гораздо более строгую форму с точки зрения своего лингвистического оформления, но за счет игнорирования ряда экстралингвистических факторов, определяющих коммуникативное поведение. Имеет смысл предложить альтернативное прочтение работы Остина, чтобы выделить все те разъяснения и оговорки, которые остались за пределами интерпретации Сёрля. Такое прочтение *Лекций* и краткого изложения этих оговорок позволяет построить другую версию, где положения, рассмотренные, но не разработанные Остином, могут стать ее краеугольными камнями. Вместо того, чтобы пурифицировать теорию, можно дополнить ее путем включения явлений, которые Остин рассматривал как «нечистые», «непрямые» и «паразитические».

Эти аспекты стали особенно заметными применительно к описанию политических и социальных практик. Стандартная теория перформативов описывает некоторые специально выделяемые «выхолащенные» ситуации (например речевой этикет или формулы вежливости и т.д.), но при этом она оказалась малоэффективной за пределами описаний стандартных ситуаций. Другим направлением стало акцентирование аспектов, которые могли бы превратить теорию перформа-

* **Золян Сурен Тигранович**, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: surenzolyan@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет проекта РНФ № 22-18-00591 «Прагматика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия).

тивов в теорию социального действия (Деррида, Бурдье, Батлер). В последнее десятилетие появился ряд концепций, в которых рассматривается возможность перехода от речевого акта к действию и ситуации (Сбиса, Тернер, Мей, Капоне, Ильин). Учитывая эти исследования, мы также предлагаем дополнить теорию перформативов понятием смысла и осмысленного действия. Это обеспечит конвертируемость вербальных и невербальных механизмов и соотносимость различных модусов коммуникации и социального взаимодействия.

Ключевые слова: перформативы; Дж. Остин; речевые акты; политический дискурс; контекст; гибридная семантика.

Для цитирования: Золян С.Т. Слово и дело: перформативы в политических практиках и дискурсах // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 98–131. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.05>

Если язык следует считать особым рода *знанием*, то он вместе с тем может представляться, с одной стороны, *действием, делом*, с другой – *вещью, предметом* внешнего мира.
Бодуэн де Куртене

Язык как слово и дело

Человеческая деятельность основана на постоянном порождении, циркуляции и трансформации ценностей и смыслов. Как правило, это описывается как коммуникация в широком смысле. При этом очевидно, что политические действия и процессы предполагают особый модус коммуникации, т.е. особый режим подобных операций со смыслами. В основе политики лежит целенаправленная и целеполагающая социальная деятельность, ориентированная на реализацию определенных программ. Это придает политическую значимость и, следовательно, смысл индивидуальным и коллективным действиям. Напротив, коммуникативные неудачи или недостаточная смысловая обусловленность обрекают политическое действие, по крайней мере, на неэффективность. Поэтому содержательная политика предполагает в то же время и семиозис – это, с одной стороны, процесс порождения символов и смыслов, а с другой – взаимодействие различных агентов, предполагающее эффективное использование различных семиотических систем и способов коммуникации и интерпретации. Политике органично соответствуют такие речевые акты (*speech acts*) как перформативы, где высказывание и действие слиты воедино.

Именно на эту взаимообусловленность слова и поступка ориентировался при создании своей теории Джон Остин: «Это название, конечно, производно от “perform” (представлять, осуществлять, исполнять) – обычного глагола в сочетании с существительным “действие” (action): оно указывает на то, что произнесение высказывания означает совершение действия, и данном случае неверно думать, что имеет место простое произнесение слов» [Остин, 1999, с. 17].

Разумеется, перформативность характерна для всех типов вербального взаимодействия. Исходя из вышеприведенного широкого понимания, трудно найти случаи, когда бы эти аспекты не совпадали. Можно сослаться на идеи, высказанные ровно сто лет назад Брониславом Малиновским. Хотя он более известен как основоположник культурной антропологии, а не как лингвист, Малиновский внес существенный вклад в становление системной функциональной лингвистики и выросшей из нее социальной семиотики. Язык и языковое поведение рассматривались им как модулы социального взаимодействия, как согласования коллективных действий: «Язык в его примитивной функции следует рассматривать как способ действия, а не как отражение (countersign) мысли... Мы должны понимать, что язык изначально среди примитивных, нецивилизованных народов никогда не использовался как простое зеркало отраженной мысли. В своем примитивном использовании язык функционирует как звено в согласованной человеческой деятельности, как часть человеческого поведения. Это способ действия, а не инструмент мышления» [Malinowski, 1923, p. 296, 312].

Если отбросить явно устаревшую лексику о нецивилизованных народах и примитивных способах использования языка, то очевидно, что функцию – *как действовать словом* – Малиновский определил как доминантную функцию языка, хотя сама эта формула будет изобретена уже Остином. Между тем, будучи характерной для всех модусов употребления языка, она проявляется в них с различной интенсивностью. Так, если ввести некоторые дополнительные параметры, то перформативности может быть поставлена в соответствие именно политическая функция языка. Не вдаваясь в обсуждение различных точек зрения, приведем позицию Гарольда Лассуэлла:

«Существуют различные функции языка, в зависимости от намерения говорящего и достигаемого эффекта. Когда речь идет об оказании какого-либо воздействия на сферу власти, можно го-

ворить о политической функции языка. Когда мы говорим о политике как науке, мы имеем в виду науку о власти. Власть – это принятие решений. Решение – это санкционированный выбор, выбор, который влечет за собой серьезные последствия для того, кто осмелится ему противостоять» [Лассуэлл, 2006, с. 269].

Не случайно, что в качестве образцов проявления политической функции Лассуэлл приводит именно те, что спустя полтора десятилетия стали называть перформативными речевыми актами: «Следовательно, язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» [Лассуэлл, 2006, с. 269].

При этом перформативы не присутствуют в политике в чистом виде, а переплетаются с речевыми актами другого типа (нарративами и констативами). Поэтому для адекватного описания требуется найти не только линии разграничения между ними, но и точки взаимодействия. Между тем основная традиция развития теории Остина основана на противоположном – на стремлении отграничить перформативы от иных типов как действий, так и речевых актов. Это было логично и обоснованно, когда разграничение перформативов и констативов виделось как основная задача. Однако в результате Остин приходит к противоположному выводу: «Возможно, в действительности не существует такого уж большого различия между утверждениями и перформативными употреблениями» [Остин, 1999, с. 53].

В полной мере программа Остина оказалась им не реализована, во многом она свелась к классификации глаголов – в рукописях Остина остался 30-страничный список глаголов-перформативов [Sbisà, 2007]. Тем самым концепция Остина сведена скорее к той версии, которая была предложена Эмилем Бенвенистом – описание класса глаголов, названных им как делокутивные [Бенвенист, 1974]. При этом теория Остина получила иное продолжение: в настоящее время теория перформативов используется в том систематизированном виде, который она получила в версии Джона Сёрля – это классификация речевых актов, основанная в первую очередь на соотношении локутивной и иллокутивной силы высказывания. Сёрль сделал лингвистические критерии более строгими, оставив при этом вне рассмотрения те оговорки и вопросы, на которые

указал Остин. В первую очередь это связь перформативов с социальным контекстом и фреймами поведения. У Сёрля социальный контекст уступает место интенциям говорящего. Разумеется, подобная редукция может иметь методологическое основание – получить надежную первичную модель изолированных речевых актов. Однако это не исключает, а, напротив, предполагает дальнейшее развитие.

Имеет смысл внимательно перечитать самого Остина, а не воспроизводить в очередной раз интерпретацию Сёрля. Следует рассмотреть возможности и другого, интегрального подхода, благо об этом размышлял Остин, и в этом направлении уже сформировались интересные продолжения. Как отметил в свое время Давид Каплан, «Некоторые могли ошибочно считать, что язык не может исполнять, выражать и описывать одновременно» [Kaplan, 1999, p. 6]. Именно в возможности подобного взаимодействия нам видится адекватное описание семантики перформативов [Zolyan, 2021].

Как действовать посредством How to Do Things With Words

Публикация лекций Остина стала одним из ключевых событий как для философии языка, так и для теоретической лингвистики. Невозможно дать даже приблизительный обзор различных их интерпретаций за прошедшие 50 лет. Поэтому, не входя в обсуждение этой явно невыполнимой задачи, попытаемся прочесть оригинал, поскольку у Остина нетрудно увидеть те проблемы, которые возникают, когда от искусственных примеров требуется перейти к описанию реальных перформативных практик.

Уже само заглавие указывает на то, что замысел Остина был шире простого описания сферы действия сотни глаголов – Остин ставит задачу объяснить то, как люди действуют посредством речи. То, что он выделяет особый класс глаголов, специализированных на выполнении перформативной функции, вовсе не свидетельствует о том, что Остин игнорировал остальные лексические классы (см. ниже). Остин отчетливо осознавал, что перформативность может быть выражена не только лексически, но и посредством различных жестов (например, угрожающих или ободряющих – они вполне могут быть рассмотрены как эквиваленты речевых актов). Другое

дело, что на первом этапе требовалось выделить наиболее характерные формы проявления перформативности. Нетрудно убедиться, что Остин ясно видел – перформативы как отдельное явление могут быть выделены только в абстракции от реального взаимодействия различных языковых функций. После систематизации, произведенной Джоном Сёрлем, теория речевых актов и перформативов приобрела куда более строгий вид с точки зрения ее лингвистического оформления, но за счет игнорирования ряда определяющих коммуникативное поведение внелингвистических факторов.

Имеет смысл предложить альтернативное прочтение труда Остина, основанное не на желании дать некую отличающуюся от принятых трактовку классического труда (что само по себе никак не предосудительно), а, напротив, вернуться к замечаниям самого Остина и остановиться именно на тех уточнениях и оговорках, которые остались за границами интерпретации Сёрля.

1. Невозможность выделения перформативов, исходя из чисто лексических критериев:

«До тех пор, пока перформативное употребление не редуцировано к такой эксплицитной форме, остается регулярная возможность рассматривать его неперформативным способом: например “Это ваше” может быть рассмотрено “Я дарю вам это” или “Это (уже) принадлежит вам”. Фактически можно даже себе представить игру на перформативных и неперформативных употреблениях запрещающего объявления “Запрещается” (Вас предупредили)» [Остин, 1999, с. 64].

«Не существует ни одного абсолютного критерия подобного рода и что, весьма вероятно, вообще невозможно задать даже список возможных критериев; более того, они определенно не разграничивали бы перформативы и констативы, которые являются зачастую одним и тем же предложением, используемым в различных случаях как употребления обоих видов – и перформативов, и констативов. Дело казалось безнадежным, если бы мы продолжали подыскивать критерии к употреблениям в том виде, как они есть» [Остин, 1999, с. 64].

2. Необходимость учета *тотального речевого акта* в контексте *тотальной речевой ситуации* (*total speech act in the total speech situation*):

«Мы должны рассмотреть ситуацию, в которой сделано употребление в целом – целостный речевой акт, – если мы хотим понять параллель между утверждениями и перформативными употреблениями и понять то, как и почему они могут не удаваться» [Остин, 1999, с. 53].

3. Необходимость учета социального контекста и связанных с речевым актом обстоятельств:

«В целом всегда необходимо, чтобы обстоятельства, при которых употребляются слова, были бы соответствующими, и обычно является необходимым также, чтобы говорящий и другие участники речевого акта тоже совершали определенные другие действия, будь то “физические” или “ментальные” действия или даже действия произнесения каких-то других слов. Таким образом, чтобы назвать корабль, существенно, чтобы я был человеком, который уполномочен сделать это; чтобы заключить брак (в христианской традиции), существенно, чтобы я в этот момент не был женат на живой, здоровой и не разведенной со мной женщине, и так далее; чтобы состоялся спор, необходимо, чтобы другая сторона приняла заклад (для этого человек должен что-то сделать, например, сказать: “Идет!”); и трудно, как вы понимаете, сделать подарок, произнеся слова “Я тебе дарю это” и не имея при этом ничего в руках» [Остин, 1999, с. 21].

4. Чтобы обеспечить «строгость» концепции, вводятся методологически довольно сомнительные конструкты, такие как «эксплицитные» и «чистые» перформативы, в отличие от «нечистых» и «половинчатых» – перформативов, которые выносятся за рамки рассмотрения. Так, разграничиваются: *эксплицитный перформатив* («приношу извинения»; «я против»; «я порицаю»; «я одобряю») и *эксплицитный нечистый перформатив*, или *полудескрипция* (Explicit Not Pure Performative (*half descriptive*)) – «извините»; «я осуждаю»; «мне нравится»), а также синонимичная перформативу *дескрипция* («я раскаиваюсь»; «я испытываю отвращение») [Остин, 1999, с. 72].

5. Вне рамок теории оказываются все те случаи косвенных речевых актов, которые не являются «полностью нормальными употреблениями». Не подлежат рассмотрению все те модусы использования языка, которые Остин называет (точнее, обзывает) «паразитическими» и «несерьезными»:

«Существует паразитическое использование языка, которое является “несерьезным”, не “полностью нормальным использованием”. Нормальные условия референции могут быть приостановлены, если не делаются ни попытки стандартного перлокутивного действия, ни попытки заставить вас сделать что-либо» [Остин, 1999, с. 91];

«Язык при таких обстоятельствах определенным образом употребляется несерьезно, в каком-то смысле паразитирует на нормальном употреблении. Все это мы исключаем из рассмотрения. Наши перформативные употребления, удачные или неудачные, должны быть поняты прежде всего как совершенные при нормальных обстоятельствах» [Остин, 1999, с. 31].

К подобным случаям, по Остину, следует отнести (и потому исключить из рассмотрения) все случаи непрямого использования языка: «Есть еще целый ряд вопросов о том, “как мы используем язык” или “что мы делаем, произнося какие-либо слова” (о чем мы уже говорили) и что это интуитивно кажется совершенно иной проблемой, которой мы не будем здесь касаться. Например, есть намеки (и другие небуквальные использования языка), шутки (и другие несерьезные использования языка), а также ругань и бахвальство (которые, вероятно, являются экспрессивным использованием языка)» [Остин, 1999, с. 104].

Аналогично отграничиваются от перформативов и невербальные ритуализованные формы выражения перформативов: «Ситуация в случае действий, которые являются нелингвистическими, но похожими на перформативные употребления в том, что они являются осуществлением конвенционального действия (в нашем случае – ритуального или церемониального), складывается примерно следующим образом: предположим, я, стоя перед вами, низко кланяюсь; при этом может быть неясным, выражаю ли я свое почтение вам, или, скажем, я наклонился, чтобы лучше разглядеть какое-то растение, или облегчаю себе процесс пищеварения» [Остин, 1999, с. 66].

Продемонстрированное здесь прочтение «Лекций» и синопсис подобных оговорок показывает возможность конструирования иной версии, где рассмотренные, но не развитые или отвергнутые Остином положения стали бы основой альтернативной интерпретации.

Перформативы – жизнь после Остина

Как понимать Остина: Сёрль, Деррида и Бурдьё

Указанные выше аспекты стали особенно заметны при приложении теории перформативов к описанию актуальных политических и социальных действий. Теория перформативов работала применительно к некоторым рафинированным ситуациям (например, описанию речевого этикета или формул вежливости / невежливости), но оказывалась малоприменимой за пределами описаний прецедентных ситуаций. Соответственно, дальнейшее развитие протекает в двух противоположных направлениях.

Первое – это внутреннее улучшение теории, удавшаяся попытка сделать ее более «чистой» и системной, чем предполагал Остин. Предметом ревизии и полемики стала тенденция к «пурификации».

Это было сделано Джоном Сёрлем, указавшим на следующие подлежащие ревизии пункты: «В целом, существует (по крайней мере) шесть взаимосвязанных трудностей с таксономией Остина; в порядке возрастания важности: существует постоянное смещение глаголов и актов, не все глаголы являются иллокутивными глаголами, слишком много пересечений между категориями, слишком много неоднородности внутри категорий, многие из глаголов, перечисленных в категориях, не удовлетворяют определению, данному для категории, и, самое главное, нет последовательного принципа классификации» [Searle, 1979, p. 12].

Как видим, объектом критики Сёрля является все то, что для Остина было подлежащими прояснению проблемами. В результате формируется то, что можно назвать стандартной теорией речевых актов, – собственно лингвистическая теория, работающая постольку, поскольку ограничивает себя рассмотрением единичных речевых актов в изоляции от социальных действий. Заметим, что в дальнейшем расширение теории речевых актов до социально значимых действий приведет Сёрля к необходимости введения в рассмотрение социальных конвенций и конститутивных правил [Searle, 1995, p. 54–55]¹.

¹ Ср.: «Только в более поздних работах Сёрля о философии общества [Searle, 1995] вопросы о власти вышли на передний план его анализа. Социаль-

Второе направление ревизии теории Остина оказалось куда менее влиятельным и не оставило в качестве результата целостной теории. Предметом полемики с Остином стала противоположная, чем предложенная Серлем, тенденция акцентировать все то, что могло бы трансформировать теорию перформативов в теорию социального действия. В центре внимания оказались случаи, которые Остин рассматривал как «нечистые», «непрямые» и «паразитические». Наиболее интересные решения были предложены французскими философами Жаком Деррида и Пьером Бурдьё.

Деррида (статья опубликована в 1972 г., ее английский перевод – в 1977 г.; цитируем по: [Derrida, 1988]) сосредоточил свою критику именно на том, что у самого Остина вызывало колебания – это искусственность процедур выделения «чистых» перформативов, в то время когда именно «нечистые» случаи являют примеры «удачных» перформативов: «Не является ли то, что Остин исключает в качестве аномалии, исключения, “не-серьезного”, цитации (на сцене, в поэме или в монологе), определенной модификацией общей цитатности – или, скорее, обобщенной итерабельности, без которой не было бы даже и “удачного” перформатива? Так что удачный перформатив обязательно оказывается “нечистым” перформативом, если воспользоваться выражением, которое Остин выдвинет дальше, когда он признает, что не бывает “чистого” перформатива» [Derrida, 1988, p. 17].

Деррида предлагает новые условия «успешности» – это цитатность и итерабельность перформативов, которые и обеспечивают адекватную интерпретируемость, и призваны дополнить фактор говорящего и его интенции: «Может ли перформативное высказывание быть удачным, если его формулировка не повторяет “кодированное” или итерабельное высказывание; другими словами, если та формула, которую я произношу, чтобы открыть заседание, спустить на воду судно или жениться, не идентифицируема как соответствующая итерабельной модели, если все же она не идентифицируема каким-то образом как “цитата”? Здесь цитатность другого типа, нежели в театральной пьесе, философской ссылке или чтении наизусть поэмы. Вот почему имеется относи-

ные институты, утверждает в них Сёрль, возникают потому, что люди могут налагать на индивидов или объекты так называемые статусные функции, включающие особые права и обязанности [Leezenberg, 2013, p. 294].

тельная специфичность, как говорит Остин, “относительная чистота” перформативов. Но эта относительная чистота выводится не вопреки цитатности или итерабельности, но вопреки другим видам итерации внутри всеобщей итерабельности, которая взламывает мнимоустойчивую чистоту любого события дискурса или всякого речевого акта. Следует не противопоставлять цитацию или итерацию не-итерации события, а построить дифференциальную типологию форм итерации, предполагая, что этот проект будет пригоден и сможет быть сменен исчерпывающей программой, – вот вопрос, который я здесь ставлю» [Derrida, 1988, p. 18].

К сожалению, критика Деррида концепции Остина сама явила пример перформативности и из философской полемики переросла в личные оскорбления. Попытку рассмотрения перформативов в иной плоскости, чем теория речевых актов и выявления интенций говорящего, была воспринята Сёрлем как свидетельство отсутствия должного образования и неспособности Деррида «правильно» понять Остина. Не менее резким был и ответ Деррида, посвятивший этому свою новую книгу [Derrida, 1988]. Между тем Деррида развивал именно то, что вызывало колебания Остина и что предпочел не замечать Сёрль: это вопрос о «чистом» и «паразитическом» использовании перформативов.

Указывая на цитатность и итеративность перформативов, Деррида проблематизировал то, что для Остина является центральной характеристикой перформативного употребления – концепт первого лица. С иных позиций это же понятие делает предметом полемики и Бурдьё. Бурдьё оспаривает возможность того, что он называет *перформативной магией*¹. Соответственно, бессмысленными оказываются попытки найти источник перформативной силы в лингвистических характеристиках самого высказывания, в том числе и в таких его грамматических маркерах, как первое лицо и индикатив. Язык не обладает подобной властью – он ее манифестирует: «Остин считает, что нашел в самом дискурсе – в специфически лингвистической субстанции речи, – ключ к эффективности речи. Пытаясь понять силу языковых проявлений лингвистически,

¹ Уже позднее Сёрль [Searle, 1995 ; 2008], напротив, посвятит особый раздел рассмотрению «социальной магии» – реальности, создаваемой посредством декларативов. Это особый тип перформативов, таких как объявление войны, провозглашение независимости, дарственная и т.п., когда посредством их произнесения в мире происходит изменение состояния дел.

рассматривая язык в качестве принципа, лежащего в основе логики и эффективности языка институтов, забывают, что полномочия (*authority*) приходит к языку извне. Язык в лучшем случае представляет эту власть, проявляет и символизирует ее» [Bourdieu, 1991, p. 109].

Обладает ли говорящий соответствующей социальной властью, или же он является самозванцем? От этого зависит как удачность перформатива, так и его возможность выступать в качестве перформатива или констатива: «Тайна перформативной магии, таким образом, разрешается в тайне служения (*the mystery of ministry*)... т.е. в алхимии репрезентации (в различных смыслах этого термина), посредством которой представитель создает группу, которая создает его: как спикера (*spokesperson*), наделенного полной властью говорить и действовать от имени группы и, прежде всего, действовать на группу через магию слогана, он является заменой группы, которая существует исключительно через эту доверительное отношение (*procuration*).

Группа создает человека, и он олицетворяет фиктивную личность, которую выводит из состояния простой совокупности отдельных индивидов, позволяя им действовать и говорить через него “как один человек”. И наоборот, он получает право говорить и действовать от имени группы, “принимать себя за” группу, которую он воплощает, отождествлять себя с функцией, которой “он отдает свое тело и душу”, тем самым отдавая биологическое тело конституированному» [Bourdieu, 1991, p. 106].

Подобный подход напоминает вышеприведенное определение политической функции Лассвелла. Не интенции, а властные полномочия, данные или присваиваемые, оказываются определяющим фактором: «Иллокутивная сила выражений не может быть найдена в самих словах, таких как “перформативные”... Только в исключительных случаях (в абстрактных и искусственных ситуациях, созданных экспериментом) символические обмены сводятся к отношениям чистого общения, а информативное содержание сообщения исчерпывает содержание сообщения. Сила слов есть не что иное, как делегированные полномочия спикера (*spokesperson*) и его речь, т.е. субстанция его дискурса» [Bourdieu, 1991, p. 108].

*От теории к политической практике:
вклад Джудит Батлер*

Критики концепции Остина – Сёрля со стороны Бурдьё и Деррида не оказали какого-либо влияния на лингвистику и семиотику, однако именно они дали толчок применению теории перформативности применительно к политическим процессам. В политической теории наибольшую известность получила теория перформативности, развиваемая Джудит Батлер. Она, опираясь на уточнения, сделанные Бурдьё и Деррида, превратила ее из философской теории в инструмент политического активизма. В процессе подобной полемики парадоксальным образом перформативная теория послужила становлению тому, что стало достаточно близким к политической идеологии. Главная идея концепции Остина – возможность посредством вербальных действий изменять мир – могла быть прочитана и как легитимация политического активизма. (Имеет смысл вспомнить ставшие легитимацией политических проектов радикального переустройства общества слова Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его».) В интерпретации Джудит Батлер, учитывающей точку зрения Деррида и Бурдьё, перформативность стала обоснованием для требования социальных – в первую очередь гендерных – изменений в обществе. Однако в первых работах Батлер акцентируется именно то, что оказывается недостаточным при описании перформатива как изолированного акта – в частности, рассматривая случай сожжения креста перед домом афроамериканцев и последующих взаимопротиворечащих судебных решений, связанных с этим актом. Батлер ставит важный для теории значения вопрос о взаимодействии вербальных и невербальных символов и их переводимости / непереводимости в перформативные или констативные речевые акты. Применительно к рассмотренному случаю Верховный суд штата вынес решение, приравняв символические действия к перформативам-угрозам: «Всякий, кто помещает в государственную или частную собственность символ, объект, название, характеристику или граффити, включая горящий крест или нацистскую свастику, относительно которых есть разумные основания считать, что они вызовут гнев, тревогу или негодование у других, по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, религии или пола, тот проявляет хулиганское поведение и

виновен в неправомерном проступке (*guilty of a misdemeanor*)» [Butler, 1997, p. 52].

Однако далее Верховный суд Соединенных Штатов отменил решение Верховного суда штата, мотивировав это тем, что, во-первых, горящий крест не был примером речевой агрессии (*fighting words*), а «являлся выражением “точки зрения” в рамках “свободного обмена идей” и это защищено первой Поправкой к Конституции США» [Butler, 1997, p. 53]. Судьи федерального уровня предпочли интерпретировать сожжение креста как выражение мнения, т.е. как констатив. По мнению Батлер, такое решение стало возможным за счет сознательного игнорирования как контекста, так и прецедентных ситуаций: «То, что крест горит и таким образом представляет собой разрушение, не рассматривается как признак намерения воспроизвести это зажигательное разрушение на месте дома или семьи. Историческая корреляция между сожжением крестов и указанием на общину, семью или отдельное лицо для совершения дальнейшего насилия также игнорируется. Какая часть этого сожжения может быть переведена в декларативное или констативное предложение? И как точно узнать, какое констативное утверждение делается посредством горящего креста? Если крест является выражением точки зрения, является ли это заявлением, например: “Я придерживаюсь мнения, что чернокожие не должны жить в этом районе” или даже “Я считаю, что насилие должно быть совершено против чернокожих”, или это перформативный перформатив, как в императивах и командах, которые принимают форму “Поджигай!” или “Умри!”?» [Butler, 1997, p. 57].

Тем самым, казалось бы, теоретический вопрос о трансформируемости констативов в перформативы может стать злободневной политической и юридической проблемой. Именно учет исторической перспективы, предыдущих контекстов и интерпретаций (что никак не учитывается в оригинальной теории Остина) позволяет трактовать описываемый акт как прямую угрозу: «Является ли это предписанием, которое действует метонимически не только в том смысле, что огонь напоминает о предыдущих сожжениях, которые служили для обозначения чернокожих людей в качестве целей для насилия, но и в том смысле, что огонь понимается как переносимый с креста на цель, отмеченную крестом? Связь между сожжением крестов и поджогами как людей, так и имущества

исторически установлена. С этой точки зрения горящий крест приобретает статус прямого обращения и угрозы и как таковой толкуется либо как начальный момент вредоносного действия, либо как заявление о намерении его совершить» [Butler, 1997, p. 57].

Рассмотрение также и других перформативных акций в свете концепции Бурдьё приводит исследовательницу к следующему выводу: «Для объяснения таких речевых актов язык следует понимать не как статическую и замкнутую систему, высказывания которой функционально заранее закреплены за “социальными позициями”, с которыми они миметически связаны. Сила и значение высказывания не определяются исключительно предыдущими контекстами или “позициями”; высказывание может приобрести силу именно благодаря разрыву с контекстом, который оно выполняет (*performs*). Такие разрывы с предшествующим контекстом или с обычным употреблением имеют решающее значение для политического оперирования перформативом» [Butler, 1997, p. 145].

От речевых актов – к речевым действиям, расширенным перформативам и прагмемам

Корреляция между языковыми и акциональными аспектами перформативов может быть выявлена, если рассматривать перформативность не как единичный акт, а как динамический паттерн соотношения операций смыслопорождения с сопутствующими или последующими им действиями. Безусловно, при этом необходимо разграничивать и разного рода институционализованные и не институционализованные практики (см.: [Marcondes de Souza Filho, 1984, p. 152, 154]). Например, клятва вступающего в должность президента существенно отличается от клятвы жениха и невесты, при этом оба казуса не могут быть объяснены языковыми конвенциями. Тем не менее, принимая во внимание фактические практики, можно дополнить существующие теории новой перспективой, а именно: рассмотреть, каким образом границы между словом и делом, тем не менее, преодолеваются, и сконцентрироваться на том, как в результате взаимодействия разнородных компонентов социальной деятельности возникает *смысл* перформативных актов. (Этот аспект, видимо, в теории Остина принимается как очевидный, почему и его эксплицитное описание отсутствует.)

Между тем понятие смысла поможет гармонизировать различные подходы, так как является той основой, которая обеспечивает конвертируемость вербальных и невербальных механизмов и соотносимость различных модусов коммуникации и интерактивного взаимодействия. Необходимость подобного рассмотрения уже рассматривалась рядом исследователей, ниже мы рассмотрим некоторые версии их реализации в рамках пересмотренной перформативной теории.

Речевые акты и действия (поступки)

В первую очередь следует упомянуть проблему соотношения речевых актов (*speech acts*) и речевых действий (*speech actions*). Хотя термины *акты* и *действия* обычно рассматриваются как синонимы, Остин пришел к необходимости их разграничения. Как предполагает издатель рукописей Остина и эксперт по его архиву Марина Сбиса, в последние годы жизни усилия Остина были сосредоточены на расширении теории речевых актов до теории речевых действий: «Хотя остиновская теория речевого акта (*speech act theory*) не претерпела значительных изменений после 1955 года, между 1955 и 1959 годами он больше работал над теорией действия (*theory of action*). Часто считают, что его теория речевого акта является не более чем неполным наброском, потому что он умер до того, как полноценно разработать ее. Я бы сказала, что в действительности его неполным трудом является теория действия. Ее неполнота косвенно повлияла и на его теорию речевого акта, потому что она должна предполагать некоторый анализ действия» ([Sbisà, 2007, p. 467] ; см. также: [Sbisà 2012; 2013: Doerge, 2013]).

Между тем концепция речевого действия была выдвинута намного раньше Карлом Бюлером. Уже отмечалось, что «наиболее интересным аспектом схемы Бюлера с прагматической точки зрения является категория “речевого действия”» (Daalder, Musolf, 2011, p. 236]. Бюлер рассматривал язык как социальный инструмент (органон), а речь – как социально значимое действие¹.

¹ Оговоримся, что следует учитывать методологическое различие между концепциями Бюлера и Остина: «В Sprachtheorie “речевое действие” (Sprechhandlung) означает конкретный акт вербальной коммуникации, в отличие от “речевого

Задолго до Остина Бюлер указал, как можно действовать словами: «Каждое фразеологическое и нефразеологическое выражение можно интерпретировать как человеческий поступок, ведь каждое конкретное высказывание связано с другими сознательными действиями данного человека. Оно стоит в одном ряду с поступками и само является поступком» [Бюлер, 1993, с. 53]. Напомним, что впоследствии Деррида поднял вопросы цитирования и итерации перформативов, и у Бюлера можно увидеть наметки их решения. Но Бюлер указывает и на то, что в концепции Деррида отсутствует: на изменчивость смысла и его зависимость от обстоятельств. Таковыми речевыми образцами, где наглядно проявляется синтез слова и дела, являются, по мысли Бюлера, крылатые выражения в широком смысле: «Крылатое выражение имеет речевой характер независимо от того, является ли оно вокабулой, предложением, идиомой или пословицей» [Бюлер, 1993, с. 53].)

Как пример высказывания-поступка (или высказывания-действия) К. Бюлер приводит крылатое выражение *Alea jacta est* (*Жребий брошен*). Используя его, говорящий отождествляет ситуацию, в которой он находится, с той, в которой некогда находился Цезарь. Это влечет ряд коннотаций (надежда на успешный исход, как в случае Цезаря, сравнение его повседневной ситуации с событием мировой истории, представление себя в роли Цезаря и т.д.). Бюлер отмечает следующее: «Я не знаю, действительно ли Цезарь сказал однажды *Alea jacta est...* Плутарх рассказывает об остановке Цезаря у реки Рубикон и внутреннем колебании полководца. Далее цитирую: “Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен ‘Пусть будет брошен жребий!’ – и двинулся к переходу”. Таким образом, Цезарь не проявил изобретательности, он употребил “обычный призыв”, который с тех пор ассоциируется у всех латинистов со смелостью Цезаря» [Бюлер, 1993, с. 52].

акта” (Sprechakt) – последний термин обозначает “виртуальное” смысловое намерение говорящего, понятие, которое Бюлер перенял из теории Гуссерля о “чувственных актах”. Эта проблема должна быть принята во внимание при оценке использования Бюлером “прагматических” понятий, таких как речевое действие, симпрактическое поле и вербальный обмен – было бы анахронизмом приравнивать их, например, к постстипиновским формулировкам “теории речевого акта” [Musolf, 1999, p. 9–10].

Используя выражение «Жребий брошен!», Цезарь повторил слова Плавта, однако семантика этого выражения связывается не с матримониальными переживаниями персонажей Менандра и Плавта, а с походом Цезаря на Рим. Можно выделить следующие уровни значения:

а) интертекстуальный. Для Цезаря это была идентификация с героями Плавта и их высказываниями, а после Цезаря – с самим Цезарем и заданной им моделью поведения в драматической ситуации;

б) прецедентный. Повторяя за Цезарем и другими данное высказывание, говорящий тем самым квалифицирует его как имеющее прецедент, что и актуализируется в данном речевом акте;

в) интенциональный. Это – контекстно-независимое значение этого выражения, которое соотнесено с Цезарем и застывшей семантикой именно того, что было сказано им при переходе через Рубикон. Это значение можно назвать «вечным» в смысле «вечных предложений» У. Куайна – это предложения с фиксированными контекстными координатами [Quine, 1960, p. 200];

г) фразеологический (внутрисистемный). Высказывание может быть проинтерпретировано независимо от предыдущих, посредством независимого от контекста набора перифраз (например: «сделать решительный выбор в ситуации с неясным исходом», «или пан, или пропал», «или грудь в крестах, или голова в кустах»);

д) референциальный. В конкретной ситуации говорящий таким образом обозначает свое намерение совершить некоторый поступок, и именно это и явится значением – референтом данного высказывания в данной ситуации (например: жениться, подать в отставку, уехать и т.п.);

е) перформативный. Посредством высказывания говорящий и обозначает, и совершает определенное действие, одновременно интерпретируя его смысл;

ж) экспрессивный. Это артикулирование позиции говорящего, его оценки ситуации, декларирование претензий и намерений, что можно считать манифестацией выделенной Бюлером экспрессивной функции как установки на говорящего.

Приводимый Бюлером пример показывает, что успешность перформатива предполагает его понимание, т.е. экспликацию различных смысловых конститuentов и способность соотнести их между собой.

Идея Бюлера рассматривать речевые акты в одном ряду с поступками и как поступок в его время осталась незамеченной, самим Бюлером она также не была развита. Близкая к ней концепция была возрождена уже в иной философской парадигме – как возможное расширение теории Остина. Хотя и без ссылок на Бюлера, но исходя из примерно тех же предпосылок, Сбиса и Тернер внесли существенные уточнения относительно того, как понимать соотношение между речевыми актами и действиями: «Если речевые акты рассматриваются как действия, а действия рассматриваются как приводящие к изменениям внутри ситуации, то первой задачей исследования является описание видов изменений, которые вызваны или могут быть вызваны их отношением к языковым и культурным практикам и рутинным процедурам, а также динамики взаимодействия, благодаря которой достигается опознавание перформанса (*recognition of the performance*) как действия определенного типа» [Sbisà, Turner, 2013, p. 5].

Такой подход подразумевает, что анализ изолированных высказываний уступает место описанию дискурсов, дискурсивных практик и социокультурных институтов в их взаимосвязях с языковыми сущностями: «Если то, что делается посредством слов, относится не к изолированным высказываниям, а берется как возникающее из их контекстуализации в диалогических последовательностях или в последовательностях интерактивных ходов (*sequences of interactional moves*) – как вербальных, так и невербальных, – то исследование выдвигает на первый план структуру последовательностей и описывает то, что происходит с высказыванием, как ту роль, которую оно играет в той последовательности, в которой оно появляется.

Если то, что делается посредством слов, делается в рамках текстовых, дискурсивных или диалогических структур или какой-либо социальной или культурной организации, исследование выявляет соответствующие структуры и формы организации и то, как язык адаптируется к ним или дополняет их» [Sbisà, Turner 2013, p. 5].

Согласно авторам, действия (*actions*) не ограничиваются отдельными актами, а состоят из их последовательности. Тип действия зависит от намерения говорящего и реакций слушателя, что подлежит обсуждению и реконструированию собеседниками: «Другими словами, исследование речевых действий означает полное рассмотрение факторов, будь то психологические, культурные

или социальные, которые ограничивают и обуславливают выполнение речевых актов» [Nguyen, 2016, p. 118].

*От перформативного высказывания
к событию-перформативу*

Вышеописанные подходы позволяют увидеть, что любое высказывание при определенных условиях может стать описывающим самого себя действием и тем самым функционировать как перформатив. При этом оно всегда обрамлено предшествующими и последующими контекстами, и в этой последовательности обретает смысл. Необходимость всестороннего рассмотрения речевых актов особенно очевидна при описании политических процессов, поэтому логично, что именно в политологии была предложена концепция, достаточно близкая к идее речевого действия как последовательности актов, или, в терминологии ее автора, Михаила Ильина, *расширенного перформатива*. Тем самым на примере политических процессов было продемонстрировано, каким образом манифестируется последовательность актов и организующая ее смысловая структура: «В политической и, шире, жизненной практике перформативы, как правило, динамично развертываются, как в разных фактурах или модальностях речи (звуковой, визуальной, тактильной, мотильной и т.п.), так и во времени... Как связать разные слои и масштабы перформативов, сохранив их своеобразие? За счет последовательного различения базовых разновидностей перформатива. Это перформативное высказывание (*performative utterance*), перформативный акт (*performative act*), перформативное событие (*performative event*)... Они связаны и перетекают друг в друга» [Ильин, 2016, с. 267–268].

На примере событий, связанных с провозглашением независимости США, Михаил Ильин продемонстрировал, что изменение сферы применения перформативов меняет и характер их функционирования: «Переход от момента принятия текста американской Декларации независимости 4 июля 1776 г. к расширенному политическому акту, охватившему период от мая до конца августа 1776 г., не привел еще к осуществлению независимости 13 колоний и превращению их в суверенные Соединенные Штаты... Независимость была обретаена с завершением войны и заключением мира с Британией. Такой

масштабный перформатив, равновеликий событию, становится перформативным событием» [Ильин, 2016, с. 268].

Возвращаясь от политологии к философии языка, заметим, что подобный подход предполагает опору на результирующее значение, которое может быть определено только применительно к перформативному действию (или расширенному перформативу) в целом. Не конвенции и интенции [Strawson, 1964 ; Mckinney, Harris, 2021], а достигнутый результат или его отсутствие определяют успешность, в том числе и первоначальных перформативных актов и высказываний, и это придает им то значение, которое они могли и не иметь в момент их первичной актуализации¹. Например, та же Декларация независимости интерпретировалась бы совершенно иначе, если бы рассматривалась вне контекста финального перформативного акта – мирного соглашения с Британией. Аналогично и статус агентивности перформативного высказывания в этом случае определяется ретроспективно – на момент осуществления перформативного акта коллективный говорящий (принявшие Декларацию делегаты) еще не имел тех полномочий, которыми был наделен позднее в качестве отцов-основателей нации, которая была создана благодаря именно этому акту. Как видим, прагмасемантика отдельных перформативных актов не может быть определена исключительно на основе первоначальных интенций и конвенций – они лишь один из компонентов сложной прагмасемантической целостности: акта, действия, события.

¹ Уместно воспроизвести интерпретацию этого акта Джоном Сёрлем: отцы-основатели действовали так, как если бы обладали позволяющим это статусом, т.е. вначале они действовали как самозванцы: «Один из способов создания институциональных фактов в ситуациях, когда институт не существует, заключается в том, чтобы просто действовать так, как если бы он существовал. Классическим случаем является Декларация независимости 1776 года. Не существовало институциональной структуры, в которой формы X считалась бы Y в контексте C, в соответствии с которой группа подданных короля в колонии Британской короны могла бы создать свою независимость посредством перформативного речевого акта. Но отцы-основатели действовали так, как будто их встреча в Филадельфии была контекстом C, так что, выполняя определенный декларативный акт речи X, они создали институциональный факт независимости Y» [Searle, 1995, p. 118]. Тем самым Сёрль допускает, что «несерьезный речевой акт», в смысле Остина, также может быть успешным перформативом.

Перформативы и прагмемы

Другим возможным направлением дополнения теории речевых актов путем их соотнесения с действиями стало введение понятия прагмемы. Его можно рассматривать как аналог концепции расширенного перформатива, но уже на уровне конвенциональных социальных действий. Расширенные перформативы характеризуют масштабные политические события и могут быть отнесены к макроуровню социального взаимодействия, тогда как прагмемы относятся, скорее, к его микроуровню. Джекоб Мей, автор этого термина, говорил: «Речевые акты, чтобы быть эффективными, должны быть привязаны к ситуации (*situated*). То есть, они и опираются на ситуацию, и активно создают ситуацию, в которой они реализуются»¹ [Meu, 2001, p. 219]. При этом прагмемы ориентированы на взаимодействие контекста и поведения собеседника, поэтому они эксплицируют значение косвенных речевых актов и могут иметь мало общего с буквальным толкованием лексико-семантических конструкций [Meu, 2001, p. 219]. Очевидно, что понятие прагмемы может быть расширено и может быть транспонировано с микроуровня диалога на макроуровень социального взаимодействия. Эта концепция представляется многообещающей также в отношении политического дискурса, поскольку она стремится учесть то, каким образом происходит изменение мира посредством вербальных и невербальных действий. Поэтому вместо стандартных ритуализированных форм, как в случае с эксплицитными перформативами Остина, посредством прагмем исследователи стремятся описать динамические процессы, изменяющие контекст: «Прагмема есть речевой акт – это высказывание, цель которого – вызывать эффекты, которые изменяют ситуацию и изменяют роли участников в ней или вызывают другие виды воздействия, такие как обмен / оценка информации, производство социального комфорта (*gratification*) или, напротив, прав / обязанностей и социальных связей» [Carone, 2005, p. 1357].

Проведенная Алесандро Капоне дальнейшая экспликация позволяет выделить гибридную семантику, возникающую как динамическую суперпозицию гетерогенных составляющих:

¹ На возможное совмещение концепций Мей и Остина было указано в [Oishi, 2016]; см. также: [Allan, 2010 ; 2019].

«Прагмема – это привязанный к ситуации речевой акт [Meu, 2001, p. 94], в котором как правила языка, так и правила социума воздействуют на определение смысла, предполагаемого как социально признанный (*recognized*) объект, чувствительного к социальным ожиданиям относительно ситуации, в которую встроено (*embedded*) подлежащее интерпретации высказывание. Прагмема требует трех типов встраивания: встраивание высказывания в контекст использования с целью определения референциальных якорей, которые завершают сигнификацию высказывания; встраивание в правила, которые систематически преобразуют то, что говорится в контексте, в то, что в нем подразумевается; встраивание в контекст (*cotext*), признаки которого переносятся на высказывание путем устранения семантической или иной интерпретируемой неоднозначности и дальнейшего обогащения диапазона его интерпретаций, делая их более конкретными» ([Carone, 2009, p. 1019]; см. также: [Carone, 2018]).

Перформативность и политический дискурс

Рассмотренные выше дополнения и уточнения применимы ко всем дискурсивным практикам. Однако наиболее востребованы они оказываются применительно к политическому дискурсу. В то же время многие характеристики политического дискурса, рассматриваемые в свете теории вербального действия, или расширенного перформатива, получают новый смысл. Понятие перформативного действия / события может прояснить особенности политического дискурса; это речь в действии, а в некоторых случаях даже речь-как-социальное-действие, в ряде случаев и наказуемое¹. Таким образом, такое поведение не является ни общением, ни описанием какого-то положения дел, а является прежде всего толчком к переходу от

¹ Ср.: «Оскорбление словом, обида, клевета считаются более или менее равносильными оскорблению действием; за них полагается ответственность, дальнейшим последствием которой может быть наказание. Воззрение на Язык как на действие сказывается, между прочим, в следующих русских поговорках: “Не ножа бойся, а языка”, “от одного слова да на век ссора”, “бритва скребет, а слово режет”, “слово пуше стрелы разит”, “за худые слова слетит и голова”, “слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа” и т.п. Можно также вспомнить “Государево слово и дело” в московском государстве» [Бодуэн де Куртэнэ, 1904, с. 536].

одного положения дел к другому. Когда язык используется в политических целях – в отличие от его референтного использования – основным семантическим критерием высказывания является не истинностное значение (его соответствие реальности, истинность или ложность), а его успешность, уместность и последующая эффективность¹. Независимо от его формы, высказывание может быть сведено к прямому или косвенному перформативу. Производство самого высказывания является действием, специфической моделью поведения, которая реализуется и описывается через речь. Оценка высказывания может относиться уже не к его содержанию, а трансформироваться в оценку высказывания-как-действия, т.е. предметом оценки становится не столько соответствие высказывания действительности, сколько соответствие действия принятым нормам и целям. Политический дискурс не может быть исчерпан описанием того, что «сказано»; он должен учитывать, как это и предполагается в модели коммуникации Лассуэлла: *Кто – Говорит – Что – В каком канале – Кому – С каким эффектом?* [Lasswell, 1948, p. 47].

Таким образом, характеристики дискурса как политического определяются его прагматическими характеристиками функционирования как перформатив, а не наоборот (ср.: [Leezenberg, 2013]). Перформативное использование наделяет некий дискурс перформативностью, что может быть формализовано с помощью соответствующих эксплицитных маркеров. Однако такая формализация не является обязательной. Будучи императивом по своему назначению, политический дискурс тем не менее обычно избегает грамматической формы повелительного наклонения; побуждающие высказывания маскируются либо под нейтральное описание в индикативе, либо под модальные альтернативы в сослагательном наклонении [Золян, 2016; Zolyan, 2015]. В отличие от «чистых» перформативов, политические решения и действия, даже если они стереотипны, по большей части не могут быть сведены к формальным процедурам и ситуациям. Можно говорить о прецедентах,

¹ Ср.: «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели» [Демьянков, 2002, с. 38].

альтернативах, стратегиях поведения, но не о жестко прописанных алгоритмах (подробнее: [Золян, 2018 а, б; а]).

Как видим, смысл политического дискурса не ограничивается смыслом произнесенных слов, а определяется последствиями совершенного действия, будь оно вербализовано или нет. Это также верно для тех высказываний, которые формально не являются эксплицитными (*чистыми*) перформативами.

Обобщая рассмотрение понятий речевого действия (Сбиса, Тернер), расширенного перформатива (М. Ильин) и прагмемы (Мей, Капоне), заметим, что они создают возможность для того, чтобы:

1. Высвободить понятие перформативности из-под жестких языковых, преимущественно сентенциальных, форм его манифестации, и распространить его на действия и события (например «Взятие Бастилии», «Бостонское чаепитие» и др.), которые тем самым приобретают символическое значение. Эти интегральные значения рекурсивно и ретроспективно трансформируют изначальное значение входящих в нее компонентов (исходных актов, высказываний). Тем самым процесс семиозиса будет описываться не только как композиция задаваемых языком лексических единиц (локуция) и производное от интенций говорящих и слушающих (иллокуция и перлокуция), а как коллективное сотворение значений, возникающих в результате целенаправленной интересубъективной деятельности по «приспособлению мира к словам» (используя емкую формулировку Джона Сёрля, позаимствованную им у Элизабет Анскомб (Anscombe)).

2. Наметить критерии различения перформативных высказываний, перформативных событий и перформативных действий. Их взаимодействие вкупе с ответными речевыми актами создает сложные конфигурации перформативов, различных по характеру и сфере действия. Как синхронно, так и одновременно происходит текстуализация и нарративизация политического процесса-перформатива и его репрезентация в форме мультимодального текста-дискурса. На его основе возможны как интерпретации и реинтерпретации предыдущих, так и порождение новых казуально-перформативных структур – и вербальных, и поведенческих. Особое внимание должно быть уделено взаимодействию в социальном пространстве конкурирующих и дополняющих друг друга перформативных комплексов. В политических процессах перформативы переплетены с иными речевыми актами. Перформативы и

нарративы – существенная часть как самих политических событий, так и их репрезентации, прогнозирования и т.п.

Как объединить слова с делами

Ранее было отмечено, что в концепции Остина понятие смысла перформатива принимается как нечто очевидное – поэтому у него не возникает вопроса о том, почему одни глаголы трактуются как обещания, а другие – как угроза и т.п. Это касается не только обоснования предложенной Остином классификации. При рассмотрении теории речевого акта возникает противоречие между понятием смысла как отношения между означающим и означаемым, с одной стороны, и смысла как причинно-следственной связи между различными состояниями или событиями – с другой. Их можно приравнять только при рассмотрении простейших индексных корреляций (например причиной пожара является дым, что можно интерпретировать как связь между знаком и значением). Однако, несмотря на такую неоднородность, понятия смысла в семиотических и социальных системах могут быть скоррелированы, как это предлагается в социальной семиотике. Поскольку нами уже была предпринята попытка уяснить этот вопрос [Золян, 2018 с.], здесь ограничимся изложением основных выводов. Предложенная Максом Вебером трактовка смысла социального действия¹ может послужить основой трансдисциплинарного симбиоза вокруг изучения проблемы смыслов и их манифестации. Различие будет касаться аспектов изучаемого явления. Предмет социологии – изучение непосредственно внешней системы «конституирования смыслов» (если принять, что «общество есть система конституирования смыслов» [Luhman, 2012, p. 21], тогда как изучение самих

¹ «Социология <...> есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие. “Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [Вебер, 1990, с. 602–603].

смыслов и механизмов конструирования станет уделом лингвистической семантики, семиотики культуры и социальной семиотики [Zolyan, 2019]).

Крайне важным считаем то положение, что, по Веберу, в объяснении поведения смысл предшествует действию – нечто становится социальным действием только потому, что с ним связывается определенный смысл. Как видим, первичным оказывается не нечто наблюдаемое (действие), а смысл, который с ним связывают действующие индивиды. При этом данный смысл, по Веберу, обусловлен *мотивом* – некоторым смысловым единством, что, очевидно, также должно быть рассмотрено как смысл, но более высокого уровня – как смысл-комплекс, объединяющий отдельные ситуации на основе некоторой смысловой связи.

В то же время социально-семиотический взгляд на язык «как социальную семиотику, в которой общество описывает себя и свои конститутивные значения» [Halliday, 1978, p. 2], позволяет связать основные идеи интерпретативной (и системной) социологии с лингвистическим подходом к социальному смыслу. Эти разнородные типы смыслов могут быть конвертированы посредством нарративов, описывающих пропозициональное содержание речевых актов. Перформативное действие должно быть формализовано в некотором тексте. То же и относительно социального события – оно является не только действием, но и текстом, в котором данное событие социализируется и интерпретируется. Именно в тексте, как пронизательно заметил Майкл Хэллидей, происходит динамический синтез действий и смыслов: «По своему общему значению текст является социологическим событием, семиотическим перекрестком, где происходит обмен конституирующими социальную систему значениями» [Halliday 1978, p. 141].

Функциональная разнородность языковых значений обеспечивает возможность синтеза: одни и те же лексические средства задают паттерны поведения (рамки, прагмемы) и в то же время описывают их конкретные проявления. Так, например, обещание – это определенный поведенческий каркас, а также речевой акт и конкретное действие. Наименование того или иного действия (например, «обещать») – т.е., ответ на вопрос «что ты сейчас делаешь?» – оказывается одновременно его (прото)типичной характеристикой. Эта разнородность тем не менее оказывается генерализована благодаря системным семиотическим отношениям (синонимия,

омонимия / многозначность, метафорические и метонимические уподобления и т.п.). Это обеспечивает взаимосвязь различных процессов автореферентного порождения смысла, в том числе символических (сигнификативных) и перформативных: «Понятие символической генерализации автореферентности смысла заменяет понятие знака, которое до сих пор доминировало в теоретической традиции. Нельзя отрицать, что слова (как и вещи) могут использоваться как знаки, как референция к тому, что существует независимо от языка. Но сам язык не может быть понят как простое сцепление знаков, потому что его функция заключается не только в том, чтобы отсылать к тому, что дано. Его истинная функция заключается в генерализации смысла посредством символов, которые не только обозначают нечто иное, но и сами по себе являются тем, что они исполняют (*are themselves what they perform*)» [Luhmann, 1995, p. 94].

Можно продолжить (и это соответствует логике системной теории Лумана) – сигнификативность и перформативность становятся плавильными формами, в которых проявляется автореферентная функция символических объектов. На примере перформативных актов можно продемонстрировать, что перформативность требует некоторого нарратива, в котором должно быть изложено видение коммуникантами их целей и намерений. Их оценка ситуации представляет собой некий текст, описывающий как прошлое событие, так и его возможные последствия для будущего, что и создает определенную причинно-следственную связь. Это может создавать уже новое дополнительное смысловое и акциональное измерение, которое может быть независимым от изначальных намерений и интерпретаций участников и определяться уже в рамках расширенного перформатива или перформативного события. Тем самым можно конкретизировать разнородные значения и выделить как минимум четыре типа, основанных на: 1) лингвистических правилах; 2) социальных конценциях; 3) интенциях интерлокаторов; и 4) причинно-следственных связях между актами и действиями внутри перформативного события.

Возникает целостная прогрессия: перформативный акт (высказывание) – перформативное действие – перформативное событие, последнее может быть репрезентировано уже как текст. Компоненты этой прогрессии расширяют сферу семантики языковых единиц, а их интерпретация требует расширения контекста. Значе-

ние, которое агент перформатива субъективно предполагает в той или иной ситуации, заменяется теми значениями, которые объективно (на основе некоторого приемлемого режима чтения и интерпретационных стратегий) могут быть выведены из описания данной ситуации. Но эта объективность, в свою очередь, носит косвенный характер – в зависимости от того, как и с помощью каких языковых инструментов она описывается. Даже если в самом действии не было смысла, оно приобретает его в процессе интерпретации. Поведенческую структуру можно понимать так, как это было сделано выдающимся социологом Эрвином Гоффманом применительно к фреймам – это «рамки понимания, доступные в нашем обществе для осмысления событий» [Goffman, 1974, p. 10]. Таким образом, становится ясно, на каких основаниях могут сочетаться вышеперечисленные понимания: как причинно-следственная интерпретация Вебера, так и лингвистическая или семиотическая. Символическая репрезентация заменяет первичную акциональную модель; затем символические объекты каузируют прямые действия, или же наоборот. Та или иная текстуализация действий или событий обязательна для их понимания; оно устанавливает причинно-следственные связи между текстовыми сегментами и, следовательно, привносит смысловые отношения в последовательность. Действия и события трансформируются в фиксированные последовательности знаков в вербальной или мультимодальной форме (тексты, записи, воспоминания, и т.п.) или же консервируются как их иконическое воспроизведение (рисунки на скалах, узелки, фотографии, видеофильмы, мысленные представления).

Семантика перформативов выступает как динамическое контекстно-зависимое значение, включающее лингвистические, социальные, когнитивные и референтные факторы. Для его описания потребуются модели так называемой гибридной семантики, позволяющие моделировать то, как *язык может одновременно выполнять, выражать и описывать* [Kaplan, 1999, p. 6]; примеры подобных описаний применительно к перформативам-экспрессивам см. в: [Potts, 2005; Gutzman, 2015 ; Zolyan, 2021].

Как мы попытались продемонстрировать, взаимосвязь между смыслом и действием является общей характеристикой целеполагающего поведения. Политическая коммуникация и дискурс, вероятно, являются наиболее очевидными областями такого слияния. Их можно рассматривать и в рамках политических процессов – и

тогда инструментом их реализации оказываются языковые структуры. Но возможен и обратный взгляд – политическая коммуникация есть лишь одна из языковых игр (в смысле Л. Витгенштейна): это такое использование языка, которое ориентировано на приспособление мира к словам посредством производства институционализированных речевых актов. Учитывая то, что в политической коммуникации все акторы и тексты становятся подверженными семиотической институционализации в смысле Сёрля [Searle, 1995; 2008], оба подхода предполагают, что речевой акт может изменить мир; обретшие социальную институционализацию субъекты / собеседники наделяются соответствующими полномочиями приспособить мир к высказанному им. Поэтому теоретически любой речевой акт можно считать моделью политического поведения (ср.: [Dijk, 1997]); различия будут касаться скорее степени институционализации, нежели собственно лингвистических характеристик. Этим уже на базисном уровне проявляется глубинная взаимозависимость между политическим и перформативным.

S.T. Zolyan*
Words and deeds: performatives
in political practices and discourses¹

Abstract. The publication of Austin's lectures was one of the critical events for both philosophy of language and theoretical linguistics of the second half of the twentieth century. After the systematization made by John Searle, the theory of speech acts and performatives has acquired a much more rigorous form in terms of its linguistic design, but by ignoring a number of extralinguistic factors determining communicative behavior. The author offers an alternative reading of Austin's work in order to highlight all those clarifications and reservations that have remained beyond the boundaries of Searle's interpretation. Such a reading of the lectures and the synopsis of these reservations make it possible to construct another version, where the provisions considered, but not developed by Austin, might be its cornerstones. Instead of further purification, the theory may be saturated by consideration of phenomena that Austin treated as «non-pure», «non-direct» and «parasitic».

* **Zolyan Suren**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: surenzolyan@gmail.com

¹The research is supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and operational system for meaning production» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

The above-mentioned aspects have become particularly noticeable with regard to descriptions of political and social practices. The standard theory of performatives describes some specifically emphasized «emasculated» situations (e.g., speech etiquette or formulas of politeness, etc.), but it has proven ineffective beyond the descriptions of standardized situations (Searle). Another direction was the emphasis on aspects that could transform the theory of performatives into a theory of social action. (Derrida, Bourdieu, Butler).

In the last decade, a range of conceptions considering the possibility of transcending from speech acts to actions and situations (Sbisà, Turner, May, Capone, Ilyin) have emerged. Considering these approaches, we also propose to supplement the theory of performatives with the notion of meaning and meaningful action. This allows for the convertibility of verbal and non-verbal mechanisms and the correlation of different modes of communication and social interaction.

Keywords: performatives; J. Austin; speech acts; political discourse; context; hybrid semantics.

For citation: Zolyan S.T. Words and deeds: performatives in political practices and discourses. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 97–131. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.05>

References

- Allan K. Referring as a pragmatic act. *Journal of pragmatics*. 2010, Vol. 42, N 11, P. 2919–2931. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.06.017>
- Allan K. Pragmemes. In: J.-O. Östman, J. Verschueren (eds). *Handbook of Pragmatics: 22 nd Annual Installment*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019, P. 199–202. DOI: <https://doi.org/10.1075/hop.22.pra7>
- Austin J. How to do things with words? Translation from English. In: *Austin J. Selected works*. Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Books, 1999, P. 13–135. (In Russ.)
- Baudouin de Courtenay I.A. Language and languages. In: *Encyclopedic Dictionary*. Saint. Petersburg: Brockhaus and Efron Publishing House, 1904, Vol. 81, P. 528–549. (In Russ.)
- Benveniste E. Delocutive verbs. In: *Benveniste, Emil general linguistics*. Moscow: Progress, 1974, P. 320–330. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity press, 1991, 302 p.
- Buhler K. *Theory of language. The representative function of language*. Moscow: Progress, 1993, 502 p. (In Russ.)
- Butler J. *Excitable Speech A Politics of the Performative*. New York, London: Routledge, 1997, 200 p.
- Capone A. Pragmemes (a study with reference to English and Italian). *Journal of pragmatics*. 2005, N 37, P. 1355–1371.
- Capone A. Speech Acts, Literal and Nonliteral. In: Mey J.L. (ed.). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Oxford: Elsevier Ltd. 2009, 2-nd ed., P. 1018–1020.
- Capone A. Pragmemes (again). *Lingua*. 2018, Vol. 209, P. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2018.04.004>

- Daalder S., Musolff, A. Foundations of pragmatics in functional linguistics. In: Bublitz W., Norrick N. (eds). *Foundations of pragmatics*. Berlin, New York: W. de Gruyter, 2011, P. 229–260.
- Demyankov V.Z. Political discourse as a subject of political science philology. *Political science (RU)*. 2002, N 3, P. 32–43. (In Russ.)
- Derrida J. Signature. Event. Context. In: Derrida J. *Limited Inc*. Evanston: Northwestern university press, 1988, P. 1–25.
- Dijk Van T. What is political discourse analysis? In: Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds). *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1997, P. 11–52.
- Doerge F. Ch. Performative utterances. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of speech actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 203–234.
- Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1974, 586 p.
- Gutzmann D. *Use-conditional meaning: Studies in multidimensional semantics*. (Oxford Studies in Semantics and Pragmatics 6). Oxford: Oxford university press, 2015, 322 p.
- Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore: University Park Press, 1978, 256 p.
- Ilyin M.V. What can analysis of performatives reveal? *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 262–270. (In Russ.)
- Kaplan D. *The Meaning of Ouch and Oops. Explorations in the theory of Meaning as Use*. Los Angeles: University of California, 1999, 29 p.
- Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In: Bryson L. (ed.). *The communication of ideas*. New York: Harper and Row, 1948, P. 37–51.
- Lasswell G. The Language of Power. *Poltisheskaya Linguistika*. 2006, N 20, P. 264–279. (In Russ.)
- Leezenberg M. Power in speech actions. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 287–312.
- Luhmann N. *Social Systems*. Stanford: Stanford university press, 1995, 627 p.
- Luhmann N. *Theory of Society*. Vol. 1. Stanford: Stanford university press, 2012, 488 p.
- Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages. In: Ogden C.K., Richards A.I. *The meaning of meaning*. London: Kegan Paul, Supplement I, 1923, P. 296–336.
- Marcondes de Souza Filho, D. *Language and action A Reassessment of Speech Act Theory*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984, 175 p.
- Mckinney R., Harris D. Speech Act Theory: Social and Political Applications. In: Khoo J., Sterken R.K. (eds). *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language*. Routledge, 2021, P. 70–90.
- Mey J.L. *Pragmatics: An introduction (2 nd ed.)*. Oxford: Blackwell, 2001, 300 p.
- Musolf A., Bühler K., Verschueren J. et al. (eds). *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999, 297 p.
- Nguyen D.T. Book review: Marina Sbisà and Ken Turner (eds). Pragmatics of Speech Actions. *Discourse & Society*. 2016, Vol. 27, N 1, P. 118–119. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926515614211>
- Quine W.V. *Words and objects*. Cambridge, etc.: MIT, 1960, 294 p.

- Oishi E. Austin's Speech Acts and Mey's Pragmemes. In: Allan K., Capone A., Kecskes I. (eds). *Pragmemes and Theories of Language Use. Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology*. Cham: Springer, 2016. P. 335–350 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-43491-9_18
- Potts Ch. *The logic of conventional implicatures (Oxford Studies in Theoretical Linguistics)*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 249 p.
- Sbisà M. How to Read Austin. *Pragmatics*. 2007, Vol. 17, N 3, P. 461–473.
- Sbisà M. Austin on meaning and use. *Lodz Papers in Pragmatics*. 2012, Vol. 8, N 1, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.1515/lpp-2012-0002>
- Sbisà M. Locution, illocution, perlocution. In: Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, P. 25–75.
- Sbisà M., Turner K. (eds). *Pragmatics of Speech Actions*, Berlin: De Gruyter-Mouton, 2013, xiii+733 p.
- Searle J.R. *Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts*. Cambridge: Cambridge university press, 1979, 197 p.
- Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. New York: The Free Press, 1995, 247 p.
- Searle J.R. Language and social ontology. *Theory and Society*. 2008, Vol. 37, N 5, P. 443–459.
- Strawson P. Intention and convention in speech acts. *Philosophical Review*. 1964, Vol. 73, N 4. P. 439–460.
- Weber M. Basic Sociological Concepts. In: *Weber M. Selected works*. Moscow: Progress, 1990, P. 602–643. (In Russ.)
- Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015, Vol. 43, N 1, P. 131–149. DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2015.43.1.06>
- Zolyan S.T. Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Political science (RU)*. 2016, N 3, P. 47–75. (In Russ.)
- Zolyan S.T. Language of politics or language in political function? *Politia*. 2018 a, N 3 (90), P. 31–49. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49> (In Russ.)
- Zolyan S.T. On language in political function. In: *Images of language and zigzags of discourse*. Collection of scientific articles dedicated to the 70 th anniversary of V.Z. Demyankov. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, (Cultural Revolution), 2018 a, P. 156–173. (In Russ.)
- Zolyan S.T. On the problem of meaning in social semiotics: Max Weber today. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2018 b, Vol. 9, N 4, P. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-3>
- Zolyan S. General sociolinguistics, social semiotics and semiotics of culture – ex pluribus unum? Forty years after Language as Social Semiotic. *Sign Systems Studies*. 2019, Vol. 47, N (3/4), P. 400–419. DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.3-4.03>
- Zolyan S. On pragma-semantics of expressives: Between words and actions. In: Haselow A., Hancil S. (eds). *Studies at the Grammar-Discourse Interface: Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. John Benjamins, 2021, P. 245–271. DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.219.09zol>

Литература на русском языке

- Бенвенист Э.* Делокутивные глаголы // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 320–330.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Язык и языки // Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1904. – Т. 81. – С. 528–549.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
- Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–643.
- Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
- Золян С.Т.* Семиотика и прагматика политического дискурса // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 47–75.
- Золян С.Т.* О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник статей к 70-летию В.З. Демьянкова. – М.: Культурная революция, 2018 а. – С. 156–173.
- Золян С.Т.* Язык политики или язык в политической функции? // Политика. – 2018 6 – № 3 (90). – С. 31–49. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49>
- Золян С.Т.* К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово. ру: балтийский акцент. – 2018 в. – Т. 9, № 4. – С. 27–42. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-3>
- Ильин М.В.* Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 262–270.
- Лассуэлл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
- Остин Д.* Как совершать действия при помощи слов? // *Остин Дж.* Избранное. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.

И.В. КАЗАКОВ, И.В. ФОМИН*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМИОЗИСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СПОРЫ О ФАКТАХ

Аннотация. В статье исследуется потенциал «прагматических поворотов» в политической науке и обсуждаются возможности его использования при изучении споров о фактах в политической жизни. Вначале обсуждается прагматика в целом. В этом контексте рассматриваются семиотика Ч.С. Пирса и теория речевого акта Дж.Л. Остина, а также его теория модальностей. Эти концепции легли в основу понимания того, как язык используется для утверждения истины, а также различных способов оспаривания этих утверждений. Затем рассмотрена концепция дискурса как социальной практики и ее связь с изучением политики с опорой на идеи о политической идеологии Т.А. ван Дейка и дискурс-исторический подход Р. Водак, включая концепцию дискурсивных стратегий. Также обсуждается роль власти и идеологии в формировании дискурса и важность анализа мультимодального социального семиозиса для понимания того, как строятся споры о фактах. В статье также исследуются логономические системы и логономические правила, лежащие в основе успешного социального семиозиса, и роль модальных контекстов и межмировых отношений в прагмасемантике. Наконец, раскрывается важность лингвистического и социально-семиотического подходов в изучении споров о фактах в политической науке применительно к каждой из рассмотренных в статье концепций. Изучая прагматические и лингвистические стратегии, используемые в политике для построения и оспаривания утверждений об истине, можно глубже понять общественные силы, участвующие в формировании политического

* **Казиков Илья Викторович**, аспирант Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ассистент кафедры философии и теологии, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (Псков, Россия), e-mail: i.v.kazakov@list.ru ; **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, независимый исследователь (США), e-mail: fomin.i@gmail.com

дискурса, и способы, применяемые в языке для формирования и изменения общественного мнения.

Ключевые слова: прагматика; речевые акты; дискурс-анализ; Социальная Семиотика; оспаривание фактов; логономические правила; прагмасемантика.

Для цитирования: Казаков И.В., Фомин И.В. Прагматические аспекты семиозиса в политическом дискурсе: споры о фактах // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 132–150. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.06>

Введение

Лингвистический поворот позволил во многом переосмыслить предмет социальных наук и характер вопросов, на которые они отвечают. Помимо этого, он сделал возможным и ряд последующих новых «поворотов». Один из таких поворотов можно назвать *прагматическим*. Точнее, речь идет даже о нескольких «прагматических поворотах», иногда более, иногда менее удачных. Эти «повороты» объединяет то, что все они предлагают некоторые теоретико-методологические решения, позволяющие учитывать то, как язык и другие знаковые системы используются для совершения действий.

Раскрытие потенциала «прагматических поворотов» в политической науке открывает новые возможности для политических исследований. Одно из потенциальных преимуществ таких поворотов состоит в том, что они могут помочь преодолеть разрыв между теорией и практикой в политической науке [Hajer, 2006]. Уделяя пристальное внимание тому, как язык используется для передачи политических идей и ценностей, исследователи могут глубже понять, как принимаются политические решения и как они могут быть реализованы на практике. Это помогает выявить потенциальные проблемы и препятствия в коммуникации и сотрудничестве между политиками и другими заинтересованными сторонами.

На этот сдвиг в сторону прагматизма повлиял «лингвистический поворот» в философии и социальных науках, который подчеркивает важность языка и общения в формировании нашего понимания мира [Taylor, 1985]. Как отмечают исследователи, язык – это не просто инструмент для описания реальности; он может фактически формировать то, как мы думаем о политических проблемах и как мы подходим к ним. Уделяя пристальное внимание языку, используемому в политическом дискурсе, мы можем полу-

чить представление об основных предположениях и ценностях, которые формируют политические решения и результаты политики.

Споры о фактах занимают важное место в политическом дискурсе. Такие споры происходят, когда отдельные лица или группы придерживаются разных взглядов на реальность, что зачастую приводит к онтологической путанице и политической поляризации. Во многих случаях различие того, что является фактом, а что вымыслом, затруднено многими обстоятельствами или вовсе лишено практического значения.

Один из примеров таких споров в политическом дискурсе – президентские выборы в США 2020 г. С одной стороны, широко распространены свидетельства в пользу того, что выборы были свободными и честными, с другой – некоторые политики и их сторонники продолжают распространять утверждения о том, что выборы были украдены или сфальсифицированы. Это подрывает доверие к демократическим институтам, а в некоторых случаях даже приводит к насилию [Pennycook, Rand, 2021].

Споры о фактах в политике представляют собой сложную проблему, требующую комплексного подхода к решению. Прагматический поворот в исследованиях дискурса может помочь решению этой проблемы в науке на теоретическом и эмпирическом уровне, выделяя способы применения языка для создания, сохранения или оспаривания различных нарративов или интерпретаций одного и того же набора фактов. Сосредоточив внимание на том, как язык используется для конструирования реальности, исследователи могут лучше понять основные предпосылки, ценности и интересы, формирующие различные политические точки зрения, и разработать более тонкие подходы к спорам о фактах в политическом дискурсе.

Ниже мы подробнее рассмотрим несколько методологических традиций, которые с разных позиций пытаются сформулировать и решить фундаментальные вопросы прагматики, осуществить свои версии «прагматического поворота». Речь пойдет о прагматических поворотах в философии, лингвистике, дискурсологии, системно-функционалистской Социальной Семиотике и прагмасемантике. При этом мы попытаемся выяснить, в какой мере их наработки могут быть полезны при исследовании политического дискурса в целом и, в особенности, споров о фактах.

О понятии прагматики

Поворот к прагматике в философии и социальных науках уходит своими корнями в работу нескольких ключевых мыслителей. Фердинанд де Соссюр широко известен как отец современной лингвистики, и его работа о природе языка и роли знаков в социальной коммуникации заложила основу для последующего развития прагматизма. Соссюр подчеркивал социальную природу языка и утверждал, что значение конструируется через общую систему знаков и символов [Saussure, 1916].

Чарльз Сандерс Пирс, американский философ и логик, разработал прагматическую теорию смысла, в которой подчеркивалась важность действия и опыта в формировании значения языка. Он утверждал, что значение слова, или символа определяется его практическими последствиями и что смысл понятия лучше всего можно уяснить, глядя на то, как оно используется в различных контекстах [Peirce, 1905].

Людвиг Витгенштейн, австрийско-британский философ, опирался на эти идеи в своей более поздней работе о языке и смысле. Он разработал концепцию языковых игр, которые представляют собой структурированные действия, предполагающие использование языка в определенном социальном контексте. Витгенштейн утверждал, что язык нельзя понять независимо от его использования в определенных социальных практиках или «формах жизни» [Wittgenstein, 1953].

Работы этих мыслителей заложили основу для прагматического поворота в социальных науках, который подчеркивает важность языка как социальной практики и способов, которые применяются для построения и формирования социальной реальности.

Прагматика как отдельная дисциплина сформировалась в качестве раздела семиотики и лингвистики. Согласно концепции Ч. Морриса [Morris, 1938], основой для которой послужили элементы теории знаков Ч.С. Пирса, семиозис как процесс функционирования знаков включает в себя три взаимосвязанных измерения: семантику (отношения между знаками и объектами, на которые они указывают), синтактику (отношения между знаками) и прагматику (отношения между знаками и теми, кто ими пользуется).

Прагматика как раздел семиотики изучает, каким образом знаки используются в социальных контекстах для передачи смы-

слов и достижения практических целей, а также – как они влияют на того, кто их использует. Этот раздел касается отношений между знаковыми системами и сообществами, в которых они действуют.

Взгляды Пирса и Морриса на прагматику как на существенное измерение семиозиса повлияли на последующее развитие семиотики и лингвистики. Современные ученые расширили идеи Пирса, исследуя роль прагматики в общении и использовании языка, а также разрабатывая теории смысла, которые подчеркивают важность контекста и социального взаимодействия [Niu, 2023].

Основополагающая работа Дж. Л. Остина «Как делать вещи при помощи слов» (1962) положила начало изучению речевых актов, т.е. способов использования слов для выполнения действий в мире. Остин утверждал, что язык – это инструмент не только для описания мира, но и для совершения социальных действий и установления отношений между людьми. Его работа заложила основу для изучения иллокутивных и перлокутивных аспектов речевых актов, которые относятся к целям и последствиям использования языка [Austin, 1962].

Джон Сёрль, опираясь на работу Остина, разработал теорию речевых актов, в которой проводится различие между иллокутивными актами, представляющими собой предполагаемые действия, выполняемые с использованием языка, и перлокутивными актами – эффектами, которые оказывает использование языка на аудиторию или мир. В своей книге «Речевые акты. Опыт по философии языка» (1969) Сёрль утверждал, что значение высказывания определяется не только его буквальным содержанием, но также контекстом и намерениями говорящего [Searle, 1969].

Герберт Пол Грайс разработал теорию имплицатуры, которая исследует, как говорящие передают смысл за пределы буквального содержания своих слов [Grice, 1975]. Грайс утверждал, что говорящие следуют определенным принципам разговора, таким как принцип релевантности и принцип количества, чтобы эффективно общаться. В его работе подчеркивалась важность контекста и выводных рассуждений при интерпретации значения в общении.

Каждый из мыслителей, заложивших основы семиотики, признавал важность контекста и социального взаимодействия в использовании и интерпретации языка, закладывая основу для появления прагматики как отдельной области исследования. Их работа оказала длительное влияние на наше понимание того, как язык

функционирует в различных условиях, и повлияла на широкий спектр дисциплин, включая лингвистику, философию и исследования коммуникации.

Остин и анализ речевых актов обиденного языка

Согласно теории речевых актов Дж.Л. Остина, существует несколько условий, которые должны быть выполнены для того, чтобы речевой акт был успешным. В работе «Как делать вещи при помощи слов» [Austin, 1962] Остин определил три ключевых аспекта речевых актов: локутивный, иллокутивный и перлокутивный. Локутивным считается акт произнесения чего-то, что является грамматически и семантически верным, в то время как иллокутивный акт относится к предполагаемому смыслу или силе речевого акта. Наконец, перлокутивный акт – это воздействие, которое речевой акт оказывает на слушателя.

Остин утверждал, что речевой акт, чтобы быть успешным, должен соответствовать нескольким условиям, в том числе:

1. Говорящий должен иметь полномочия (*authority*) для совершения речевого акта.
2. Говорящий и слушающий должны говорить на одном языке и понимать друг друга.
3. Говорящий должен использовать соответствующие слова и грамматику, подходящие для данного речевого акта.
4. Контекст, в котором происходит речевой акт, должен соответствовать акту.

Например, если во время свадебной церемонии говорящий говорит: «Теперь я объявляю вас мужем и женой», речевой акт успешен, потому что говорящий имеет право на совершение этого действия, слова соответствуют контексту, а сам контекст понятен.

В своей теории речевых актов Дж.Л. Остин также говорил о модальностях, которые можно использовать для выражения иллокутивной силы речевого акта. Модальности – это различные способы, которые говорящие применяют для выражения своего отношения или веры в содержание своего высказывания, например, указывая, является ли утверждение истинным, ложным, возможным, необходимым и т.д.

Можно выделить три основных модальности: индикативную, императивную и оперативную. Индикативная модальность используется для выражения фактических заявлений или утверждений, таких как «На улице идет дождь». Императивная модальность используется для выражения команд или запросов, таких как «Закрой окно». Оперативная модальность используется для выражения желаний, например: «Поздравляю тебя с днем рождения».

Также мы можем говорить о вторичных модальностях: пермиссивной, комиссивной и экспрессивной. Пермиссивная модальность используется для выражения разрешения или запрета, например: «Теперь вы можете уйти». Комиссивная модальность используется для выражения обещаний или обязательств, таких как: «Я закончу отчет к завтрашнему дню». Экспрессивная модальность используется для выражения эмоций или отношения, например: «Поздравляем с повышением по службе».

Анализируя модальности, используемые в речевых актах, Остин подчеркивает важность контекста и намерения в использовании и интерпретации языка. Модальности предоставляют лингвистические сигналы, которые сообщают о намерении говорящего и иллюкутивной силе речевого акта, помогая обеспечить успешную коммуникацию между говорящими и слушающими.

Поскольку в теории языка Остина речевые акты связаны не только с передачей информации, но и с выполнением действий посредством языка, мы можем рассматривать споры о фактах как особый тип речевого акта, в котором один говорящий заявляет о факте, а другой говорящий его оспаривает.

Например, если один говорящий утверждает, что конкретное событие произошло, другой говорящий может оспорить это утверждение, подвергая сомнению представленные доказательства или представляя альтернативные свидетельства. Использование таких модальностей, как эпистемические или деонтические, может сыграть решающую роль в том, как говорящие интерпретируют утверждения друг друга и как на них реагируют. Например, если говорящий утверждает нечто с высокой степенью уверенности, другие говорящие могут с меньшей вероятностью оспорить это утверждение по сравнению с утверждением, сделанным с меньшей уверенностью.

Кроме того, использование модальностей также может отражать собственную точку зрения говорящего на рассматриваемый

факт, зависящую от таких факторов, как его собственные знания, убеждения или обязательства. Таким образом, модальности, используемые говорящими в спорах о фактах, могут существенно повлиять на то, как разрешаются эти споры.

Дискурс-анализ: язык как социальная практика

Еще одна перспективная исследовательская традиция, фокусирующаяся на проблемах прагматики, – традиция критического дискурс-анализа. Она делает акцент на вопросах того, как язык применяется в определенных социальных контекстах для формирования нашего понимания мира и нашего места в нем. При этом одна из ключевых отправных точек для критического дискурс-анализа – идея о том, что язык не просто средство передачи информации, а прежде всего социальная практика, с помощью которой мы конструируем и согласовываем смыслы и идентичности.

В частности, Норман Фэрклаф, один из влиятельных теоретиков в области изучения дискурса, концептуализирует это понятие как форму социальной практики, которая используется для установления и поддержания социальных отношений и структур власти [Fairclough, 2015]. Фэрклаф утверждает, что дискурс не является нейтральным, а скорее отражает социальные и политические контексты, в которых он используется и может использоваться для усиления или оспаривания доминирующих идеологий.

Похожим образом трактует понятие дискурса Т.А. ван Дейк. Согласно его концепции, дискурс представляет собой социально сконструированную практику, играющую решающую роль в формировании и поддержании властных отношений в обществе. Речь идет не только о языке, но и о социальном контексте, в котором он используется, а также о когнитивных и культурных факторах, влияющих на его производство и интерпретацию. Теория анализа дискурса ван Дейка фокусируется на том, как дискурс отражает и укрепляет такие социальные иерархии, как классовая, расовая и гендерная, и как его можно использовать для легитимации или оспаривания властных структур [van Dijk, 1997].

Точно так же Р. Водак утверждает, что дискурс является ключевым инструментом в формировании социальной реальности, поскольку он используется для создания и поддержания социаль-

ной идентичности, ценностей и убеждений. Она рассматривает дискурс как место борьбы, где разные группы с разными интересами и точками зрения соревнуются за влияние и контроль. Для Водак, как и для других исследователей этого направления, анализ дискурса – это критический подход, который направлен на выявление отношений власти и идеологий, формирующих дискурс, а также на то, как эти отношения и идеологии обсуждаются и оспариваются [Martin, Wodak, 2003].

Более широкую – и более расплывчатую – концепцию дискурса можно найти у Мишеля Фуко. У него дискурс – система знаний, которая формируется социальными и историческими силами и используется для регулирования общественных отношений и контроля над людьми в обществе [Foucault, 1972]. С этой точки зрения дискурс касается не только языка, но и других культурных и социальных практик, которые вместе формируют наш опыт.

Споры о фактах часто возникают в политическом дискурсе и являются содержанием различных дискурсивных стратегий, применяемых участниками спора. Идеи М. Фуко о властных отношениях в дискурсе могут помочь нам понять, как участники спора используют язык для осуществления власти и утверждения господства в этих спорах [Foucault, 1972]. Кроме того, концептуализация Т.А. ван Дейка идеологии как системы убеждений и ценностей, которая отражается в дискурсе, может помочь проанализировать, как участники спора используют язык для продвижения и защиты своих идеологических позиций [van Dijk, 1998].

Дискурсивно-исторический подход, разработанный Р. Водак и другими, может обеспечить основу для анализа дискурсивных стратегий, применяемых участниками спора в этих спорах о фактах. Этот подход фокусируется на историческом и социальном контексте дискурса, роли властных отношений в формировании дискурса и способах использования дискурсивных стратегий для легитимации или оспаривания социальных и политических практик [Wodak, Meyer, 2009].

Одной из распространенных дискурсивных стратегий, используемых в спорах о фактах, является использование доказательств и мнений экспертов для поддержки своей позиции. Участники спора могут выборочно цитировать источники или использовать риторику для дискредитации противоположных источников. Другой стратегией является использование метафор для формирования способа понима-

ния и обсуждения проблемы. Спорщики могут также использовать атаки *ad hominem* или апелляции к эмоциям, чтобы дискредитировать противоположные взгляды, или апеллировать к предубеждениям своей аудитории.

В целом анализ споров о фактах в политическом дискурсе требует понимания властных отношений, идеологии и дискурсивных стратегий, используемых участниками спора. Идеи Фуко, ван Дейка, Водак и других обеспечивают полезную основу для анализа этих сложных процессов.

Социальная Семиотика¹: интерперсональные смыслы в мультимодальных дискурсах

Еще одна методологическая традиция, в рамках которой были предложены полезные интегументы, позволяющие исследовать прагматические аспекты дискурса, – это Социальная Семиотика. Особенно сильной ее стороной является то, что Социальная Семиотика последовательно ставит задачу выработать такой инструментарий, который позволял бы систематически исследовать в прагматическом разрезе не только язык, но и другие системы знаков.

Основоположник Социальной Семиотики М. Халлидей попытался развить в своих работах восходящую де Соссюру идею о языке как социальным факте. Согласно его концепции, язык, будучи «продуктом социального процесса» [Halliday, 1978, p. 1] становится таким, как он есть, «в силу функций, которые он развил, дабы служить людям в их жизни» [Halliday, 1978, p. 4]. Халлидей также обращал внимание, что именно посредством «актов означивания» люди обмениваются информацией, товарами и услугами, создают социальные структуры, статусы и роли, производят общие системы знаний и ценностей [Halliday, 1978, p. 4].

Для исследования того, как язык функционирует в качестве социальной семиотической системы (*social semiotic*), Халлидей предложил концепцию, согласно которой язык выполняет три ме-

¹ Мы используем социальную семиотику (без заглавных букв) для обозначения широкой области семиотики, занимающейся социальными измерениями смыслов, а Социальную Семиотику (с заглавными буквами) – для обозначения определенной школы социальной семиотики, разработанной на основе теорий Ходжа и Кресса.

тафункции [Halliday, 1978]: идеационную (*ideational*) метафункцию языка как средства репрезентации мира, межличностную (*interpersonal*) метафункцию языка как средства участия и действия и текстовую (*textual*) метафункцию языка как операционального средства для производства связных и контекстуально релевантных сообщений.

Для понимания потенциала халлидеевского «прагматического поворота» особенно важно обратить внимание на категорию межличностной метафункции. Именно она позволяет ухватить то, как люди прагматически используют язык для общения друг с другом. Она, в частности, включает в себя то, как мы устанавливаем и поддерживаем социальные отношения, выражаем отношения и чувства и договариваемся о власти. Межличностная метафункция связана с намерениями говорящего и реакцией слушателя. Она определяет характер их отношений, учитывая такие показатели, как наличие или отсутствие иерархии, степень знакомства и т.п. Также межличностная функция предполагает и дифференциацию типов коммуникативных актов, что подразумевает закрепление за общающимися различных ролей («спрашивающий – отвечающий», «просящий – дающий», «утверждающий – соглашающийся» и т.д.).

Теория языка Халлидея включает понятие «антиязык», которое относится к форме языка, используемой определенной социальной группой, которая противостоит доминирующему языку общества. Эта концепция тесно связана с идеей «языков», которые представляют собой различные формы языка, используемые различными социальными группами в обществе. По утверждению Халлидея, каждая социальная группа имеет свой собственный язык, который формируется ее уникальным социальным и культурным контекстом.

В своей книге «Язык как социальная семиотика» [Halliday, 1978] Халлидей утверждает, что антиязыки часто используются маргинализированными или угнетенными группами как способ сопротивления доминирующему дискурсу и утверждения своей собственной идентичности и культурных ценностей. Он приводит примеры антиязыков: секретные языки заключенных и подростковый сленг.

Именно из системно-функциональной лингвистики Халлидея впоследствии выросла традиция мультимодальной Социальной Семиотики. Она сделала своей задачей изучение того, как различ-

ные способы общения (модусы), помимо языка, такие как изображения, звук или жесты комбинируются и взаимодействуют в социальных контекстах для создания смыслов. Этот подход подчеркивает, что смыслообразование не ограничивается языком, а включает в себя ряд мультимодальных ресурсов, формируемых социальными и культурными практиками.

Боб Ходж и Гюнтер Кресс, ученики Халлидея, которые разработали этот подход, указывают, что каждый модус имеет свою собственную грамматику и систему значений, которые вносят свой вклад в общее мультимодальное сообщение [Hodge, Kress, 1988]. Они подчеркнули важность анализа взаимосвязи между модусами и того, как они сочетаются для создания связного сообщения. Это включает в себя понимание роли визуальных и других неязыковых сигналов в передаче смысла и формировании социальных взаимодействий.

Изучение мультимодального социального семиозиса становится все более популярным в таких областях, как исследования средств массовой информации, визуальная коммуникация и цифровые медиа, поскольку новые технологии позволяют создавать все более сложные мультимодальные сообщения. Это также способствует развитию критических подходов к средствам массовой информации и коммуникации, поскольку исследователи анализируют динамику власти и идеологические основы мультимодальных сообщений.

В контексте споров о фактах интерперсональные смыслы, передаваемые коммуникативными актами, могут иметь решающее значение для формирования общественного мнения и влияния на принятие решений. Социальная семиотика обеспечивает основу для анализа того, как участники спора используют язык для выражения своей точки зрения, утверждения своего авторитета и обращения к общим ценностям или культурным нормам.

Например, в политическом дискурсе участники спора могут использовать различные лингвистические и неязыковые ресурсы для построения своих аргументов и позиционировать себя в качестве заслуживающих доверия источников информации [Kress, van Leeuwen, 2006]. Эти ресурсы могут включать обращение к эмоциям, использование риторических приемов или мобилизацию культурных символов и метафор.

Изучая межличностные и социальные значения, передаваемые этими ресурсами, социальная семиотика может пролить свет на динамику власти в спорах о фактах. Это также может помочь выявить способы, с помощью которых участники спора пытаются сформировать общественное восприятие рассматриваемых вопросов и повлиять на исход политических споров.

Споры о фактах можно рассматривать как взаимодействие между сообществами спикеров, использующих разные языки, или антиязыки. Халлидей предполагает, что языки – это не только системы знаков, но и различные способы познания и интерпретации мира [Halliday, 1978]. Таким образом, разные языковые сообщества могут по-разному понимать, что представляет собой факт или свидетельство. Столкновение этих разных точек зрения может привести к спорам о достоверности фактов и интерпретации событий.

Кроме того, теория Халлидея предлагает идею «антимиров», построенных с помощью антиязыков или контрдискурсов, которые бросают вызов господствующим идеологиям общества. В спорах о фактах могут возникать антимирры, поскольку противоборствующие стороны строят свои собственные нарративы, основанные на их собственных антиязыках и контрдискурсах.

В целом споры о фактах можно рассматривать не только как разногласия по поводу доказательств и интерпретаций, но и как столкновения между различными языковыми сообществами и их антимиррами.

Логономические системы, являющиеся правилами успешно-го социального семиозиса, о которых пишут Ходж и Кресс [Hodge, Kress, 1988], важны для споров о фактах. Логономические правила охватывают не только грамматические и лексические аспекты, но и требования убедительного и аргументированного высказывания. Чтобы спорить о фактах, говорящие должны понимать и использовать соответствующие логономические правила, которые могут варьироваться в зависимости от контекста и сообщества говорящих.

Мультимодальные ресурсы, о которых говорят Ходж и Кресс, могут использоваться для поддержки или оспаривания утверждений о фактах, и говорящие должны понимать логономические правила для этих ресурсов, чтобы эффективно использовать их в аргументации.

В целом логономические правила для споров о фактах являются важным аспектом социального семиозиса и требуют понима-

ния логономической системы сообщества для их эффективного использования.

В логономической системе языка правила определяют успешный социальный семиозис. Однако в контексте споров о фактах эти правила могут быть оспорены. Ходж и Кресс утверждают, что оспаривание логономических правил происходит, когда разные сообщества носителей используют язык способами, отличными от логономических норм других сообществ. Это может привести к конфликтам по поводу легитимности различных дискурсов и связанных с ними логономических систем.

Логономические системы можно оспаривать с помощью риторических стратегий, бросающих вызов правилам доминирующей логономической системы. Это может включать использование языка новыми и нетрадиционными способами или выделение противоречий и несоответствий в доминирующей системе. Оспаривание логономических правил может привести к конфликтам по поводу легитимности и авторитетности различных дискурсов и связанных с ними логономических систем.

Прагмасемантика: между миром, языком и контекстом

Последний подход и последняя попытка «прагматического поворота», на которой мы остановимся в этой статье, – это проект прагмасемантики. Он возник как лингвистическая концептуализация интерфейса между смыслом, контекстом и внешним миром. Прагмасемантическая теория подчеркивает роль контекстуальных факторов в формировании интерпретации языка, особенно в понимании прагматического значения высказываний [Verschuere, 1998]. Она предполагает, что значение определяется не только языковой структурой высказывания, но и возникает в результате взаимодействия языковой формы, контекстуальных сигналов и знаний о мире.

Центральная идея прагмасемантики состоит в том, что язык – это социальная практика, а смыслообразование – функция контекста и общих знаний участников. Это означает, что язык является не только инструментом общения, но и средством выражения социальных отношений и динамики власти.

Прагмасемантика также подчеркивает роль интерпретации в понимании языка. Говорящие часто делают неявные предположения о мире и намерениях своих собеседников, а слушатели должны использовать свои собственные знания и предположения, чтобы понять смысл того, что сообщается. Таким образом, интерпретация включает в себя процесс логического вывода и импликаций.

В целом прагмасемантика предлагает тонкое понимание того, как в языке строится значение, и подчеркивает важность контекста, умозаключений и общих знаний при интерпретации высказываний аудиторией.

Одним из аспектов взаимодействия между языком, контекстом и миром, которое изучает прагмасемантика, является рассмотрение модальных контекстов и межмировых отношений. Модальные контексты относятся к установкам и убеждениям говорящего и слушающего по отношению к высказываемому предложению, в то время как межмировые отношения относятся к отношениям между миром и высказываемым предложением, а также между разными мирами, формируемыми в различных дискурсах.

Среди российских ученых, изучавших прагмасемантику, были Ю. Лотман и Б. Успенский. Семиотическая теория Лотмана подчеркивает важность контекста и рассматривает взаимодействие между языком и культурой [Lotman, 1990]. Он утверждает, что значение сообщения определяется не только его содержанием, но и контекстом, в котором оно создается и принимается. Работа Успенского сосредоточена на отношениях между языком и миром, особенно в связи с проблемой референции [Uspensky, 1973]. Он утверждает, что значение языкового знака определяется не только его внутренней структурой, но и его отношением к внешнему миру.

В дискурсе, содержащем споры о фактах, существенную роль в формировании смысла высказываний играют модальные контексты и межмировые отношения. Прагмасемантика предлагает полезную основу для анализа того, как язык используется для построения и согласования модальностей и межмировых отношений в спорах о фактах.

Модальные контексты включают особые условия или обстоятельства, при которых произносится высказывание. Они влияют на значение высказывания и интерпретацию его модального содержания. Межмировые отношения, с другой стороны, относятся к

связям и взаимодействиям между различными модальностями и соответствующими им мирами или областями.

В контексте споров о фактах модальные контексты и межмировые отношения могут быть стратегически применены участниками спора для продвижения своих аргументов и влияния на интерпретацию фактов. Например, участник спора может использовать модальные выражения, такие как «возможно» или «может быть», чтобы внести некоторую неопределенность или сомнение в аргументы своего оппонента, используя в то же время более напористые выражения («определенно» или «несомненно»), чтобы подчеркнуть силу собственных аргументов. Спорщики могут также опираться на различные межмировые отношения для поддержки своих аргументов, например, ссылаясь на научные или эмпирические данные в поддержку своих утверждений или апеллируя к моральным или этическим принципам для обоснования своей позиции.

Прагматический анализ может помочь раскрыть способы, которыми модальные контексты и межмировые отношения строятся и обсуждаются в дискурсе споров о фактах, а также то, как эти контексты и отношения способствуют производству и интерпретации значений и смыслов.

Заключение

Лингвистический поворот в политической науке позволил выработать более глубокое понимание того, как язык формирует политическую реальность, признание важности контекста и интерпретации в политическом анализе, а также разработку новых методов изучения политического дискурса. Однако последовательная реализация такого поворота делает заметными некоторые не реализованные возможности. В результате появляется необходимость искать новые, более систематические и комплексные подходы к изучению языка и политики, исследовать перспективы дальнейшей интеграции лингвистического анализа с другими методами социальных наук, необходимость уделять больше внимания властным отношениям, присущим использованию языка. Кроме того, лингвистический поворот также подвергался критике за то, что он слишком сосредоточен на анализе языка и дискурса на микроуровне, за игнорирование более широких структурных и инсти-

туциональных факторов, влияющих на результаты политической деятельности посредством языка.

Прагматические повороты, суть которых мы попытались представить в этой статье, намечают возможные точки роста методологических новаций, которые позволят выработать новое понимание социальных явлений через призму дискурса как социальной практики и семиозиса как действия. В этом отношении они могут стать основой важных методологических новаций и в политической науке.

Разработка прагматического подхода в политических исследованиях, особенно в изучении споров о фактах, важна по нескольким причинам. Во-первых, споры о фактах лежат в основе политического дискурса и принятия решений, и понимание того, как язык, контекст и власть пересекаются в этих спорах, имеет решающее значение для понимания политических процессов и их результатов. Во-вторых, прагматический подход помогает выделить роль знаков и символов языка в политической коммуникации, включая визуальные и другие невербальные способы. Наконец, прагматический подход обращает внимание на важность контекста, включая исторические и культурные факторы, в формировании политического дискурса и понимании смысла фактических утверждений. В целом этот подход обеспечивает более полный взгляд на сложную динамику политической коммуникации и производство знания в общественно-политической сфере.

I.V. Kazakov, I.V. Fomin*

**Pragmatic aspects of semiosis in political discourse:
disputes about facts**

Abstract. The article explores various aspects of the study of factual disputes from the perspective of the pragmatic turn in political science. First, the article discusses pragmatics in general, starting from Peirce's semiotics and Austin's speech act theory and the theory of modalities, which laid the foundation for understanding how language is used to make truth claims and the various ways in which those claims can be challenged. Then the authors explore the concept of discourse as a social practice

* **Kazakov Илья**, HSE University (Moscow, Russia); Pskov State University (Pskov, Russia), e-mail: i.v.kazakov@list.ru; **Fomin Иван**, independent researcher (USA), email: fomin.i@gmail.com

and its relation to the study of politics, drawing on the ideas of van Dijk and Wodak. We also discuss the role of power and ideology in shaping discourse, and the importance of analyzing multimodal social semiosis in understanding the constructing and contesting the factual disputes. The article also explores the logonomic systems and logonomic rules that underlie successful social semiosis, as well as the role of modal contexts and interworld relations in pragmasemantics. Finally, the authors discuss the importance of linguistic and social semiotic approaches to the study of disputes about facts in political science. By examining the linguistic and semiotic strategies used to construct and contest truth claims, we can gain a deeper understanding of the political forces involved in shaping public discourse and the ways in which language is used to shape public opinion.

Keywords: pragmatics; speech acts; discourse analysis; social semiotics; disputing facts; logonomic rules; pragmasemantics.

For citation: Kazakov I.V., Fomin I.V. Pragmatic aspects of semiosis in political discourse: disputes about facts. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 132–150. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.06>

References

- Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford: Oxford university press, 1962, 163 p.
- Fairclough N. *Language and power*. London: Routledge, 2015, 274 p.
- Foucault M. *The archaeology of knowledge*. New York: Pantheon books, 1972, 254 p.
- Grice H.P. Logic and Conversation. In: Cole P., Morgan J.L. (eds). *Syntax and Semantics 3: Speech Arts*. New York: Academic press, 1975, P. 41–58.
- Hajer M. Doing discourse analysis: coalitions, practices, meaning. In: *Words matter in policy and planning: Discourse theory and method in the social sciences*. Utrecht: Koninklijk Nederlands Aardrijkskundig Genootschap, 2006, P. 65–76.
- Halliday M.A.K. *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold, 1978, 256 p.
- Hodge R., Kress G. *Social semiotics*. Cambridge: Polity press, 1988, 285 p.
- Kress G., van Leeuwen T. *Reading images: the grammar of visual design*. London, New York: Routledge, 2006, 291 p.
- Lotman Y. *Universe of the mind: a semiotic theory of culture*. London, New York: I.B. Tauris & CO. LTD, 1990, 304 p.
- Martin J.R., Wodak R. (eds). *Re/Reading the past: critical and functional perspectives on time and value*. Amsterdam: John Benjamins, 2003, 283 p.
- Morris Ch. *Foundations of the theory of signs*. Chicago: University of Chicago press, 1938, vii + 59 p.
- Niu M. The origin and development of pragmatics as a study of meaning: semiotic perspective. *Language and semiotic studies*. 2023, Vol. 9, N 1, P. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.1515/las-2023-0002>
- Peirce C.S. What pragmatism is. *The monist*. 1905, Vol. 15, N 2, P. 161–181. DOI: <https://doi.org/10.5840/monist190515230>

- Pennycook G., Rand D.G. The psychology of fake news. *Rewiew*. 2021, Vol. 25, N 5, P. 388–402. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>
- Saussure F. *Course in general linguistics*. New York: McGraw-Hill, 1916, 257 p.
- Searle J.R. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge university press, 1969, 203 p.
- Taylor C. *Philosophical papers: Vol. 1, Human agency and language*. Cambridge: Cambridge university press, 1985, 294 p.
- Uspensky B. *The poetics of composition: the structure of the artistic text and typology of a compositional form*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press, 1973, 181 p.
- van Dijk T.A. What is political discourse analysis? *Belgian journal of linguistics*. 1997, Vol. 11, N 1, P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>
- van Dijk T.A. *Ideology: a multidisciplinary approach*. London: Sage, 1998, 390 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446217856>
- Verschueren J. *Understanding pragmatics*. London, New York: Arnold, 1998, 312 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Blackwell, 1953, 321 p.
- Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 2009, 216 p.

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ*
**СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ВЛАСТЬ,
ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАГМАСЕМАНТИКА¹**

Аннотация. Использование концепта власти на уровне общих понятий ведет к парадоксальности и противоречивости теоретических построений политической науки. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них, но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности. Поэтому политическая власть предполагает формирование некоей смысловой картины мира, которая объясняет и оправдывает порядки, реализуемые этой властью. Такая доминирующая смысловая картина дает основание легитимности власти, консолидации социума, общности идентичности. Она многослойна и подвижна, в ее формировании принимают участие не только политический класс, но и гуманитарные науки, система образования, личный опыт. Предлагается прагмасемантический подход, с позиций которого формирование смысловой картины предстает как каскад интерфейсов (контекстов) смыслообразования, каждый из которых операционализируется как ценностно-регулятивная система (ЦРС). С этой точки зрения политическая власть предстает как ЦРС, которая для обоснования влияния на упорядочение других претендует на доминирующую смысловую картину мира. Для развития социума при этом важна конструктивная вариативность осмысления действительности и форматы организации власти, способные породить и поддерживать такую вариативность.

* **Тульчинский Григорий Львович**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); профессор департамента государственного администрирования Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: gtul@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Тем самым и в политической теории необходим переход от оперирования общими абстракциями к конструктивному пониманию процессуального и операционального характера политики применительно к конкретным социумам с учетом их актуальных проблем и исторического опыта. Данная тематика приобретает нетривиальное значение в наши дни, когда радикально меняются форматы ЦРС в управлении, бизнесе, науке, образовании, искусстве, личной жизни. Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможность непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. При этом государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, а также за их пользователями. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предьявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, к поведению каждой личности.

Ключевые слова: власть; идеология; политика; прагмасемантика; символическая политика; смысл; смысловая картина мира.

Для цитирования: Тульчинский Г.Л. Смыслообразование и власть, или Политическая прагмасемантика // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 151–169. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.07>

Политика, власть и смысл

Выявление соотношения власти и смыслообразования принципиально важно для оснований политической теории и практики. Политика обычно определяется как деятельность, совокупность средств и методов по урегулированию внешних и внутренних отношений между государствами, нациями, народами, элементами политической системы. А поскольку способность навязывать свою волю другим на протяжении всей истории политической мысли является классической характеристикой власти [Гоббс, 1991, с. 116–127; Weber, 1968, р. 53; Lukes, 2021, р. 26; Даль, 2003], постольку концепция и практика власти оказываются существенным содержанием политики, выражающимся во влиянии группы лиц на других людей, принимающих это влияние вынужденно или добровольно.

Формы власти историчны, но она сама является универсальным феноменом, коренящимся в природе человека как общественного существа. Неспроста история любого общества есть прежде всего история его политической власти. Однако в любом случае власть выступает ограничением или даже блокировкой, «усмирением» личностной субъектности. В неинституционалистской терминологии это означает «ограничение доступа к ресурсам», что

позволяет различать общества с ограниченным и неограниченным доступом к ресурсам [Норт, 1997 ; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2013]. Различение ресурсов, в свою очередь, позволяет говорить о разных типах власти и строить типологии власти – в зависимости от профиля комбинации таких ограничений и нормативностей. Так, М. Вебер различал три типа власти – в зависимости от ключевой роли традиций, харизматичности лидера и развитой правовой системы [Вебер, 2021]. Согласно А. Кожеву, любая реальная политическая власть предстает в виде конкретной специфической комбинации четырех типов доминирования: происхождения, порождения власти (власть Отца); господства победителя (власть Господина); мудрой идеи (власть Вождя), торжества справедливости (власть Судьи). Эти четыре компонента присутствуют практически в любой власти, но выход на первый план одного из них и различные веса представленности остальных позволяет строить конкретные типологические комбинаторики квалификации и анализа. В этой связи А. Кожев выделял помимо четырех чистых типов власти 12 комбинаций двух чистых типов, 24 варианта сочетания трех чистых типов, 24 варианта сочетания четырех типов – итого 64 смешанных типа [Кожев, 2006]. Еще большая степень конкретизации была предложена в прагматической социологии «градов» Л. Болтански и Л. Тевено – в зависимости режима политической власти от этоса доминирующей социальной силы [Болтански, Тевено, 2013].

Не углубляясь в детали таких типологий [Тульчинский, 2015] можно констатировать, что все они предстают выстраиванием определенной доминирующей системы ориентиров в образе жизни, которой руководствуются члены данного социума – как в своих действиях, так и в стоящих за ними стремлениях, надеждах, представлениях о мире, обществе, себе самих. В качестве такой системы ориентиров обычно рассматривается некая идеология, задающая смысловую картину конкретного социума, прежде всего – обосновывающая место и роль власти в жизни этого социума.

Смысл всегда представляется выходом в некий контекст: смысл слова из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста его порождения и использования. В качестве контекстов как интерфейсов смыслообразования выступают различные социально-культурные практики, включая политику как *policy* и как *politics*. Дополнительные возможности такого рассмотрения дает

прагмасемантический подход [Zolyan, 2022, p. 247–248 ; Тульчинский, 2022], позволяющий конкретизировать контексты смыслообразования в каскаде интерфейсов социально-культурных практик, которые могут конкретизироваться как ценностно-регулятивные системы (ЦРС), задаваемые ценностно-целевыми, нормативными параметрами, а также способами организации деятельности по достижению целей по соответствующим правилам (нормам) [Тульчинский, 2019]. Действие ЦРС предполагает коммуникацию, порождающую соответствующие дискурсивные практики. А интенсивность и регулярность коммуникации в ЦРС способны поэтапно приводить к институционализации идей от неформального общения вплоть до организационных структур, включая бюрократические. В этом каскаде интерфейсов власть выполняет роль ЦРС, выстраивающей порядки, которые интегрируют социум. Неспорно ключевые ценности политической власти – безопасность, справедливость и свобода – являются базовыми ценностями социогенеза, на которых строятся профили не только политических идеологий, но и различных культур [Инглхарт, 2018 ; Публичные ценности ... , 2014, с. 35–51].

Смысл и политика – глубоко и прочно связанные проявления социального и личного плана жизни. Человек всегда постигает реальность с какой-то позиции, с какой-то точки зрения, в каких-то целях, в каком-то смысле. Именно смысловая картина мира определяет ценностную шкалу, на которой принимаются решения, включая политические – как самой властью, так и ее подопечными.

Согласно С. Льюксу, власть и ее теория не могут ограничиваться прямым воздействием на поведение людей, принятием решений или отказом от них, чтобы оказывать косвенное влияние. Власть можно осуществлять превентивно, предотвращая недовольство и сопротивление – формируя восприятие, знания и предпочтения. Тем самым обеспечивается принятие власти и ее проявления, поскольку альтернативы им не оказывается, или потому что власть рассматривается как нечто неизменное, естественное и даже полезное [Lukes, 2021]. Политика (и как *policy*, и как *politics*) не только сама выступает осмыслением действительности, но и играет важнейшую роль в осмыслении действительности практически во всех сферах социальной жизни. Более того, выстраивание смысловой картины в целях консолидации социума на основе общей

исторической памяти, образов будущего составляет содержание специальной символической политики.

Символическая политика и смысловая картина мира

В отличие от животного, человеку свойственно строить свое поведение не только генетически определено, но и на основе осмысления прошлого и настоящего, чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в нарративах, образах, символах, мифах, что делает возможным понимание и взаимопонимание, абстрагирование, категоризацию, построение сложных рассуждений, планирование действий, поступков, предопределяя даже чувственные восприятия и ощущения [Харари, 2021 ; Lakoff, 2009 ; Edelman, 2013]. Поэтому политическая консолидация социума происходит не столько в результате реализации принятых решений, сколько в процессе их принятия. Именно рациональная и – главное – эмоциональная сопричастность этим решениям, их поддержка консолидируют социум, формируют политическую идентичность, сторонников и т.п.

Более того, саму политику можно и следует изучать как «символическую форму» [Edelman, 1985, p. 2], когда власть, согласно П. Бурдьё, – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира». Тем самым она предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир...» [Бурдьё, 2007, с. 95]. По мнению П. Бурдьё, государство обладает властью «...производить и навязывать категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [Бурдьё, 2007, с. 220]. Правящий политический класс не ограничивается формированием и трансляцией некоего идеологического конструкта – он сам действует в рамках задаваемых представлений, приоритетов, целей.

Поэтому выстраивание смысловой картины мира не ограничивается манипулятивными технологиями – оно предстает социальной инженерией конструирования реальности [Бергер, Лукман, 1995], которую Д. Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом [Lakoff, 2009]. И современные технологии массовых коммуникаций дают для этого мощные инструменты.

Идеи «мягкой силы» (*soft power, smart power*) [Nye, 2004 ; Nye, 2008], «символической власти» [Бурдье, 2007], упоминавшейся «символической политики» (как *symbolic politics*, так и *symbolic policy*) не только активно обсуждаются, осмысляются, но и – что самое главное – активно используются в решении политических задач различного уровня, включая реформы и революции, гражданские и межгосударственные конфликты. Речь идет о широком наборе технологий и инструментов: традиционные и новые СМИ, дискурсивные практики, идеи, образы, нарративы, знаки, изображения, образы, брендинг (стран, регионов, лидеров, программ, проектов), специальные события (праздники, церемонии, конкурсы, фестивали, выставки, соревнования и т.п.) [Герасимов, 2022]. Даже экономика все в большей степени предстает производством и потреблением знаков, символов – не только брендов, но маркетизированных симулякров [Мосейчик, 2015].

Собственно, любые (если не все!) феномены социальной реальности (тексты, изображения, личности, природные катаклизмы и проч.) могут выступать инструментами символической политики при двух условиях. Во-первых, они становятся предметом интерпретации в публичном коммуникативном пространстве. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики. И во-вторых, в этих интерпретациях они связываются с современным контекстом (проблемами, целями). В этом плане прошлое, образы будущего тоже становятся средством символической политики. Вне контекста настоящего они предстают исследованиями, проектированием. Впрочем, лишить их актуального контекста также весьма сложно.

Функционал символической политики важен и широк. Прежде всего, это задание системы социальной мифологии, позволяющей ориентироваться в социальной реальности, обеспечивая «ага-узнавание». Тем самым обеспечивается не только узнавание, но и понимание, объяснение происходящего. На основе этого общего понимания формируется как консолидация социума, так и идентичность индивидов (принадлежность и сопричастность социуму).

Важно и то, что концепты и технологии символической политики, осуществляемой посредством массовых публичных коммуникаций, не только обеспечивают влияние, «мягкую силу», но и открывают теоретические возможности, дают новые инструменты

анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии, социологии и социальной психологии. Более того, эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.) сами становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные интерпретации, объяснения социальной реальности. Особую роль при этом играет включение их в медийное пространство.

В результате многолетних систематических исследований символической политики [Киселев, 2006 ; Символическая политика, 2012; 2014; 2015; 2016; 2017] все более очевидно проявляется недостаточность трактовки символической политики как одной из функций политической власти, реализуемой коммуникативными средствами. Деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование [Малинова, 2012], сопряжена не только с попытками индоктринации, но и, с учетом и формированием смысловой картины мира, в контексте которой выстраивается система приоритетов в балансе интересов социальных сил, со сценариями поведения носителей этих интересов. И это не линейный односторонний процесс, а встречное движение, в котором обеспечивается решение проблемы легитимности власти.

Символическая политика и формирование смысловой картины мира не сводятся к манипулятивной «игре в одни ворота» – от угроз и насилия до пропаганды и манипулирования [Олейник, 2011]. Как показали исследования, проводившиеся департаментом политологии НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) и РАПН в 2014–2018 гг. на материале исторической памяти [Кочерягина, 2019 ; Тульчинский, 2016 ; Тульчинский, 2018], смысловая картина мира, во-первых, динамична, а во-вторых, реализуется как минимум на трех уровнях со свойственными им лагом динамики и ключевыми акторами. Наиболее подвижен (лаг до трех-пяти лет) уровень, формируемый политиками, медиа, сферой искусств, культурными индустриями. И эта динамика понятна и оправдана – внешние и внутренние обстоятельства достаточно изменчивы, требуют довольно оперативной реакции и осмысления. Общество, как и человек, осмысляет и переосмысляет пройденный путь, заново выстраивая новые перспективы. Менее подвижен уровень, на котором ведущую роль играют гуманитарные и социальные науки, образование. Здесь лаг составляет 10–15 лет – ученые проводят

исследования, представляют их в научных докладах и публикациях. Образовательные программы и учебники также имеют определенную необходимую инерционность. Наиболее устойчив (лаг 25–30 лет, фактически – два поколения) уровень культурной идентичности, на котором ключевую роль играет семейное воспитание, коммуникации в ближнем окружении личности. Для консолидации социума очень важно, чтобы, несмотря на разные скорости изменения, содержание уровней смысловой картины не вступало в противоречие – в противном случае образуется расколотый социум, когда элиты транслируют смысловую картину мира, отличную от культурной идентичности. Таким примером до последнего времени служили Алжир, Мексика, Турция и отчасти Россия.

Таким образом, соотношение власти и смыслообразования оказывается принципиально фундаментальным для политической теории и практики. Доминирующая смысловая картина мира играет принципиально важную роль в конфликтах исторической памяти, информационных (смысловых) войнах как критерий «правильной интерпретации» в квалификации фейков [Фейки ... , 2021]. Особый интерес представляет роль смысловой картины мира в приходе к власти меньшинства и последующем формировании новой элиты по определенным качествам [Даль, 2003]¹.

Парадоксальность объяснения / оправдания власти

Перебрав практически все используемые в наше время политические концепции и идеологии, В.П. Макаренко показывает, что любая концепция, идеология, объясняющая и оправдывающая власть, не самоценна, и в том числе для самой власти. Главное – реализация влияния, обеспечение принятия власти, ее легитимность, и для достижения этой цели может использоваться любая идеология, ее модификации, трансформации. К этому выводу автор приходит в результате очень подробного рассмотрения трансформации марксизма на этапах освоения этого учения российскими социал-демократами, включая этапы: оформления и борьбы за

¹ См. также: Талев Н. Побеждает наименее толерантный: как работает диктатура меньшинства. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2017-11-07/nassim-taleb-kak-rabotaet-diktatura-menshinstva-257087> (дата посещения: 19.02.2023).

доминирование ленинской трактовки, ее трансформации в ходе событий 1917 г., Гражданской войны, установления светской власти, строительства нового государства, существенных трансформаций марксизма-ленинизма в предвоенный и послевоенный периоды [Макаренко, 2021, т. 2]. В ходе борьбы за власть, ее удержание большевики и советские коммунисты не ограничивали себя теоретическими и идеологическими рамками, легко отказываясь от одних идей и адаптируя другие. Этот кейс очень нагляден своей динамикой, хотя аналогичная пластичность свойственна практически любому политическому режиму.

В развитии своего анализа В.П. Макаренко неожиданно, но вполне закономерно в плане последовательности проводимой аналитики приходит к проблеме политической теодицеи – оправдания Бога перед лицом противостояния злу: как оправдать Всеблагую, Всезнающую, Всемогущую и Всесильную сущность в допущении ею зла [Макаренко, 2021, т. 5, с. 93–128]. Действительно, если Господь обладает полным влиянием на происходящее, включая дела человеческие, то он может рассматриваться как воплощение полной, абсолютной власти. И как тогда понять и оправдать несовершенства и зло, творимое в подвластном ему мире? Получается модельный кейс по отношению к объяснению и оправданию власти несомыми ею благами социуму.

В случае абсолютной власти или власти как таковой мы сталкиваемся с отождествлением двух крайних трактовок – «власти для» (общего блага) и «власти над» (как блага для власти), наиболее ясно выраженных соответственно Х. Арендт и К. Шмиттом. Нередко эти две точки зрения абсолютизируются до взаимоисключения, что порождает «сущностную спорность» политической власти [Lukes, 1991; 2003 ; Ледяев, 2001]. Анализ концепта власти на уровне общих понятий ведет к парадоксальному аналогу теодицеи.

Можно провести прямую аналогию между теорией множеств и теорией власти. Любое множество определяется свойством, объединяющим элементы этого множества. Так и власть – ключевая характеристика и фактор образования социума, задания его упорядоченности. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них (выжить, продолжить род, самореализоваться), но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности.

Любая концепция объяснения власти, исходящая из абстрактных характеристик благополучия социума и его членов, впадает в противоречие, подобное парадоксу множества всех множеств, популярной версией которого является парадокс о брадобрее, который должен брить всех мужчин селения, которые не бреются сами; и должен ли он брить самого себя – если да, то не должен, а если нет, то должен. Политическая наука оказывается в ситуации сродни ситуации с кризисом оснований математики, когда на упомянутом парадоксе множества всех множеств Б. Расселом была показана противоречивость математики и была предложена теория типов – способа языкового выражения, различающего уровни описания. Позже это в теории истины А. Тарского привело к различению языка объектного и метаязыка, что позволило избежать парадоксы типа Лжеца (лжет ли тот человек, который говорит, что он лжет и более не говорит ничего – если он лжет, то он говорит истину, а если не лжет, то он лжет). Однако К. Гёдель в своей знаменитой теореме объяснил слабость теории типов, противоречивость любой содержательной теории, что открыло в основаниях математики дорогу конструктивизму, сводящему теоретические концепты к алгоритмам построения соответствующих объектов. В конечном счете именно такой подход воплотился в алгоритмизации, программируемости, цифровых технологиях, определяющих современную цивилизацию.

Осмысление власти, наделение ее конкретными характеристиками, выражающими представления о добре и зле – удел не предельных абстракций, а конкретных людей в конкретных ситуациях. Похоже, именно в этом ключ разрешения парадоксальности власти, ее «сущностного противоречия». Так, рассмотрев возникающие в теодицее власти парадоксы, В.П. Макаренко приходит к выводу, что к Господу не применимы этические, моральные и прочие характеристики оценки власти. Фактически речь идет об аналоге теоремы Геделя в политической науке. Политическая жизнь и политическая теория оперируют достаточно содержательными языками и, пытаясь описать себя, с неизбежностью оказываются противоречивыми. Наделение абсолютной власти как таковой морально-этическими характеристиками – суть претензии на знание мотивации Господа, этакое человекобожие. Но человеку, существу конечному, не дана полнота божественного знания бесконечного сущего. Человек всегда постигает мир с какой-то пози-

ции, точки зрения, в каком-то смысле. Смысл – сугубо человеческое измерения бытия – не больше, но и не меньше. А упования наши на Господа и его волю, как отмечал И. Кант, должны быть настолько полными, что не должны его примешивать к нашим делам. Поэтому оценки власти, отношение к власти – дело именно и сугубо человеческое.

Для легитимности, для формирования, реализации и удержания власти необходима именно ее содержательная характеристика, роль которой выполняет доминирующая смысловая картина мира, идеология. И тогда понятно, почему для любой власти (как в рамках государства, так и религии, научной школы) важна не столько борьба с врагами (реальными или выдуманскими), сколько – с инакомыслием, борьба за чистоту рядов, являющаяся борьбой за само существование этой власти. Всякое сомнение в доминирующей смысловой картине мира, предложение иных осмыслений предстает для существующей власти как «семиотическое вредительство» [Архипова, Михайлик, 2017].

Такая «смысловая зачистка» может привести к формированию социума, в котором для утверждения власти осмысление обязательно, где доминирование оказывается самодостаточным. При этом общество, редуцированное до состояния инфантильной безответственности, готово принять любую предлагаемую смысловую картину мира на прошлое, настоящее и будущее, предлагаемую правящим политическим классом. Тем самым фактически полностью перекаладывая на этот класс ответственность за происходящее и транслируя встречный запрос на «грозность к непокоривым».

Более того, в современной цифровизированной цивилизационной среде власть не только несколько иначе расставляет акценты в выполнении традиционных функций, но и придает им радикально новый формат – например, секьюритизации всех сфер общественной жизни, обеспечения безопасности не только военной, но и информационной, экологической, биологической, демографической, экономической, финансовой, пищевой, образовательной и т.д., что по-новому ставит вопрос об осмысленном ее обосновании. Рассуждения Ж.-П. Сартра, а потом М. Фуко о человеческом бытии как «бытии-под-взглядом» буквально технологически воплощаются в «общество надзора» [Lyon, 1994] в духе классической дистопии Е. Замятина. В таком обществе снимается

вопрос о динамике смысловой картины мира, образа будущего – дело сводится к технологическому воспроизводству сложившегося порядка. И это уже вопрос об основаниях не только политической теории или даже социально-гуманитарных наук, но и человеческой цивилизации в целом, для которой различение «власти над» и «власти для», динамики смысловой картины мира (до сих пор было) нетривиально и существенно.

Гиперсемиотизация власти и конструктивные перспективы

В этом плане реализуемый в последнее время тренд «нормализации мысли» в современной культурологии и политологии, преодолении концептуального разнообразия, многообразные практики «отмен» – проявления тренда «гиперсемиотизации». По сути, речь идет о подавлении субъектности, которая была и остается универсальным интерфейсом смыслообразования – прокреации и преадаптивности, обеспечивающих динамику развития цивилизации [Человек как открытая целостность ... , 2022].

Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможности непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. При этом государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, а также за их пользователями. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, к каждой личности.

В этой связи особую роль играют два фактора. Во-первых, история становления власти и формирования соответствующей политической культуры. В этом процессе ключевую роль играет не просто некая сложившаяся культура, предопределяющая все последующее развитие общества в духе концепции *culture matters* [Харрисон, 2008 ; Культура имеет значение ... , 2002], а именно траектория, этапы становления конкретного социума (*history matters*), которые формируют и иногда меняют его культуру [Травин, 2021]. Это уже не отнесение к некоей категории (множеству), не этикетки-

рование, а конкретное, пошаговое прослеживание становления социума, а значит, и возможности его дальнейшего развития.

Кстати, такой конструктивистский подход уже проявляется в социальных науках, включая экономику и политологию [Тульчинский, 2017]. Так, согласно неоинституционализму, главный интерес представляет не просто необходимость социальных институтов, а проблема их возникновения и развития, если не выращивания [Асемоглу, Робинсон, 2015 ; Норт, 1997 ; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. И в любом случае – как естественной эволюции, так и сознательного реформирования – одной из задач становится трансформация смысловой картины мира. Решать эту задачу можно двояким путем. Прежде всего, это сменяемость самой власти, когда другие партии, социальные силы предлагают новые ориентиры и решения. Собственно, именно этому и служит процедура выборов. Если в силу каких-то причин эта процедура не работает, то сама власть прибегает в смене курса, опираясь на новые идеи и новых акторов. Каждый путь не однозначен. В первом случае имеется опасность прихода к власти носителей популистской идеологии, способной привести общество к деградации, включая гипертрофию бесполезной бюрократии. Во втором случае разрастание все той же бюрократии может тормозить принятие необходимых решений и привести общество к революционной ситуации с перспективой серьезного катаклизма. Но в обоих случаях сущностной проблемой является синхронизация динамики политического режима и смысловой картины мира.

Примером такой асинхронности и ее последствий является советский опыт, когда декларируемая и транслируемая смысловая картина мира и соответствующий антропологический идеал были ориентированы на ответственную активную жизненную позицию по справедливому переустройству мира. Однако в реальности советский режим чем дальше, тем во все большей степени прибегал к практикам регламентации и контроля поведения и социальной жизни в целом.

В результате у нескольких поколений советских людей выработались представление и привычка, что все проблемы – от производственных и политических вплоть до личных – можно решать только «вертикально», т.е. посредством обращения, жалобы, доноса в «инстанции». Эта неспособность решать свои проблемы самостоятельно, «горизонтально» – во взаимодействии с другими –

сформировала устойчивый синдром выученной беспомощности в сочетании со столь же устойчивой недоговороспособностью на всех уровнях.

Как итог: даже в наше время практически все – в бизнесе, в политике, в личной жизни – решают проблемы и конфликты в формате игр с нулевой суммой, демонстрируя неумение и нежелание идти на компромиссы. А тысячи подготовленных в постсоветское время медиаторов – специалистов-посредников в разрешении конфликтов, включая досудебный уровень, не находят применения. И дело не только в противодействии адвокатов и судебных работников, для которых медиаторы – нежелательные конкуренты, или просто в недоверии к посредникам со стороны граждан. Сами эти противодействия, недоверие – проявления закрепления «двойной морали», «расщепленного сознания», когда декларируемые ценности и нормы рассогласованы с реальной практикой.

Представляется, что в настоящее время мы имеем дело с интенсивным общецивилизационным процессом столкновения смысловых картин мира, латуровской пересборки социально-культурных практик, что требует – особенно применительно к политической сфере – инжиниринга, основанного не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.

G.L. Tulchinskii*

Power and making of meaning, or political pragmasemantics¹

Abstract. Political power abstract concept using leads to paradoxicality and inconsistency in the theoretical constructions of political science. Without power, individuals cannot form a community necessary to achieve the good of each of them, but at the same time, any power is a restriction, suppression of subjectivity. Therefore, political power presupposes the formation of a certain semantic picture of the world, which explains and justifies the orders implemented by that power. Such a dominant

* **Tulchinskii Grigorii**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); HSE University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: gtul@mail.ru

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-18-00591.

semantic picture of the world provides the basis for the legitimacy of power, the consolidation of society, and common identity. It is multi-layered and fluid; and its formation involves not only the political class, but also the humanities, the education system, and personal experience. This process can be represented by the pragmasemantic approach as a cascade of interfaces (contexts) of meaning formation, each of which is operationalized as a value-regulatory system (VRS). From this point of view, the political power appears as the main VRS, which, in order to justify its influence on the ordering of others, claims to have the dominant semantic picture of world. However, society development needs the constructive variability of the reality comprehension and needs the power organization formats, capable of generating and maintaining such variability. Thus, political theory also needs a transition from operating with general abstractions to the constructive understanding of the procedural and operational nature of politics as applied to specific societies, taking into account their current problems and historical experience. Nowadays, this topic acquires a non-trivial significance, when the formats of the VRS in management, business, science, education, art, and personal life are radically changing.

Keywords: power; ideology; politics; pragmasemantics; symbolic politics; meaning; semantic worldview.

For citation: Tulchinskii G.L. Power and making of meaning, or political pragmasemantics. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 151–169. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.07>

References

- Arkhipova A., Mikhajlik E. Dangerous signs and Soviet things. *New literary review*. 2017, N 143 (1), P. 130–153. (In Russ.)
- Asemoglu D., Robinson J.A. *Economic origins of dictatorship and democracy*. Moscow: HSE Publishing House, 2015, 512 p. (In Russ.)
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow: Academia, Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Boltanski L., Thévenot L. *Criticism and justification of justice. Essays on the sociology of cities*. Moscow: New Literary Review, 2013, 576 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. St.Petersburg; Moscow: Aletheia, 2007, 288 p. (In Russ.)
- Dahl R.A. *Democracy and Its Critics*. Moscow: Rosspen, 2003, 576 p. (In Russ.)
- Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*. Chicago: Academic Press, 2013, 198 p.
- Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois press, 1985, 232 p.
- Gerasimov S.V. *Special events as triggers of sociocultural processes*. St.Petersburg: Aletheia, 2022, 492 p. (In Russ.)
- Gobbes T. *Works in 2 volumes. Vol. 2*. Moscow: Mysl, 1991, 731 p. (In Russ.)
- Harari Yu.N. *Sapiens. Brief history of humankind*. Moscow: Sinbad, 2021, 520 p. (In Russ.)

- Harrison L. *Who Thrives? How cultural values contribute to economic and political success*. Moscow: New publishing house, 2008, 300 p. (In Russ.)
- Harrison L., Huntington, S. (eds). *Culture matters. How values contribute to social progress*. Moscow: MShPI, 2002, 320 p. (In Russ.)
- Inglehart R. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Moscow: Mysl, 2018, 347 p. (In Russ.)
- Kiselev K.V. *Symbolic politics: power vs. society*. Ekaterinburg: Publishing House "Discourse-Pi", 2006, 132 p. (In Russ.)
- Kiyashchenko L.P. (ed.) *Man as an open integrity: a collective monograph*. Novosibirsk: Academizdat, 2022, 530 p. (In Russ.)
- Kozhev A. *The concept of power*. Moscow: Praxis, 2006, 192 p.
- Kocheryagina E.P. *Cinema as an instrument of symbolic politics in Russia 2000–2017: experience in the formation of historical memory*. *Public Policy*, 2019, Vol. 3, N 1, P. 61–74. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Power: a conceptual analysis*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 384 p. (In Russ.)
- Lyon D. *The electronic eye: the rise of surveillance society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994, 290 p.
- Makarenko V.P. *Collected works in 5 volumes*. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2021. Volume 1. – 628 p.; Volume 2. – 661 p.; Volume 3. – 638 p.; Volume 4. – 657 p.; T. 5. – 661 p. (In Russ.)
- Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics*. New York etc., 2009, 320 p.
- Lukes S. *Moral Conflict and Politics*. Oxford: Clarendon Press, 1991, 324 p.
- Lukes S. *Liberals and Cannibals*. London: Verso, 2003, 192 p.
- Lukes S. *Power: A Radical View. 3rd ed.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2021, 204 p.
- Malinova O. Yu. *Symbolic policy: contours of the problem field*. *Symbolic policy. Issue. 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2012, p. 5–16. (In Russ.)
- Moseychik G.I. *Economics of semiotics as an economics of vices and virtues of the post-modern era*. *Economics of vices and virtues*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015, P. 68–69. (In Russ.)
- North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: FEK Nachala, 1997, 180 p. (In Russ.)
- North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of humankind*. Moscow: Gaidar Institute, 2011, 480 p. (In Russ.)
- Nye J.S. Yr. *The Powers to Lead*. New York: Oxford University Press, 2008, 248 p.
- Nye J.S. Yr. *Soft Power: The means to Success in World Politics*. New York Public Affairs, Perseus books Group, 2004, 191 p.
- Olejnik A.N. *Power and the market: The system of socio-economic domination in Russia in the "zero" years*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 437 p. (In Russ.)

- Public values and public administration: Collective monograph.* Moscow: Aspect-Press, 2014, 400 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 1: Designing ideas about the past as a powerful resource* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2012, 334 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 2: Disputes about the past as the design of the future* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2014, 382 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 3: Political functions of myths.* /ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2015, 372 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 4: Social construction of space* / ed.by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2016, 371 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 5: Identity policy* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2017, 356 p. (In Russ.)
- Travin V. Ya. *Why is Russia behind?* St. Petersburg: St.Petersburg European University, 2021, 368 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Historical memory, heritage and education. *Heritage.* 2018, N 1 (12), P. 8–15. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Narration in Symbolic Politics: Levels and Diachrony. *Symbolic Policy. Issue 4: Social construction of space* / ed.by O. Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2016, P. 65–83. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. *The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning.* St. Petersburg: Aletheia, 2019, 470 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (ed.) Fakes: communication, meanings, responsibility. Collective monograph. St. Petersburg: Aletheia, 2021, 288 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Explanation in political science: constructivism vs positivism. *Public Policy.* 2017, N 1, P. 76–98. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Justice and justice: types of justice, power and related conflicts. *Man. Culture. Education.* 2015, N 2 (16), P. 52–75. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Pragmasemantics of digital communications: semantic pictures of the world, value-regulatory systems and responsibility. *State and citizens in the electronic environment. Issue 6.* St. Petersburg: ITMO, 2022, P. 9–23. (In Russ.)
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology.* New York: Bedminster Press, 1968, 1469 p.
- Weber M. *Politics as a calling and a profession.* Moscow: Ripol classic, 2021, 130 p. (In Russ.)
- Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In: Haselow A., Hancil S. *Studies at the Grammar-Discourse Interface.* Amsterdam: J. Benjamins Publ., 2021, P. 245–271.

Литература на русском языке

- Архипова А., Михайлик Е.* Опасные знаки и советские вещи // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 143 (1). – С. 130–153.
- Асемоглу Д., Робинсон Д.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: ИД ВШЭ, 2015. – 512 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М.: Academia, Медиум, 1995. – 323 с.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. – М.: НЛЮ, 2013. – 576 с.
- Бурдьё П.* Социология социального пространства. – СПб.; М.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия. – М.: Рипол классик, 2021. – 130 с.
- Герасимов С.В.* Специальные события как триггеры социокультурных процессов. – СПб.: Алетейя, 2022. – 492 с.
- Гоббс Т.* Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – 731 с.
- Даль Р.* Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН. 2003. – 576 с.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
- Киселев К.В.* Символическая политика: власть vs. общество. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.
- Кожев А.* Понятие власти. – М.: Праксис. 2006. – 192 с.
- Кочерягина Е.П.* Кинематограф как инструмент символической политики в России 2000–2017 гг.: опыт формирования исторической памяти // Публичная политика. – 2019. – Том 3. – № 1. – С. 61–74.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: МШПИ, 2002. – 320 с.
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
- Макаренко В.П.* Собрание сочинений: в 5 т. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 2021. – Том 1. – 628 с.; Том 2. – 661 с.; Том 3. – 638 с.; Том 4. – 657 с.; Т. 5. – 661 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
- Мосейчик Г.И.* Экономика семиотики как экономика пороков и добродетелей эпохи пост модерна // Экономика пороков и добродетелей. – СПб.: СПб ГУ, 2015. – С. 68–69.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: ФЭК Начала, 1997. – 180 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Институт Гайдара, 2011. – 480 с.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 437 с.

- Публичные ценности и государственное управление: Коллективная монография / под ред. *Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой*. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 400 с.
- Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 334 с.
- Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего / гл. ред. *Малинова О.Ю.* – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 382 с.
- Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов. / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 372 с.
- Символическая политика. Вып. 4: Социальное конструирование пространства / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – 371 с.
- Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 356 с.
- Травин В.Я.* Почему Россия отстала? – СПб.: ЕУ СПб., 2021. – 368 с.
- Тульчинский Г.Л.* Историческая память, наследие и образование // Наследие. – 2018. – № 1(12). – С. 8–15.
- Тульчинский Г.Л.* Нарратив в символической политике: уровни и диахрония // Символическая политика. Вып. 4. Социальное конструирование пространства / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 65–83.
- Тульчинский Г.Л.* Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 76–98.
- Тульчинский Г.Л.* Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6. – СПб.: ИТМО, 2022. – С. 9–23.
- Тульчинский Г.Л.* Справедливость и справедливости: типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов // Человек. Культура. Образование. – 2015. – № 2(16). – С. 52–75.
- Тульчинский Г.Л.* Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. – СПб: Алетейя, 2019. – 470 с.
- Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность: коллективная монография / С.Т. Золян [и др.]; под ред. Г.Л. Тульчинского. – СПб.: Алетейя, 2021. – 288 с.
- Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2021. – 520 с.
- Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. – М.: Новое издательство, 2008. – 300 с.
- Человек как открытая целостность: коллективная монография / *Л.П. Киященко* (отв. ред.). – Новосибирск: Академиздат, 2022. – 530 с.

Н.А. ПРОБСТ*

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДНОВЕРАМИ: ФЕЙК В АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КАРТИНЕ ИСТОРИИ¹

Аннотация. В статье анализируются прагмасемантические аспекты создания приверженцами родноверия фейковой картины истории в русскоязычном интернет-дискурсе. Формирование соответствующей мифологии является способом преодоления кризиса идентичности родноверов и частью неоязыческой деятельности по массмедийному продвижению этой идентичности. В статье объясняются причины привлекательности жанра интернет-комментария для манипуляции общественным мнением. Основными приемами искажения информации являются инверсия, контраст, подмена, стигматизация и др. Базовые способы установления идентичности эксплуатируют оппозицию «свой – чужой». Действенность манипулятивного воздействия пропаганды родноверов с помощью фейковых картин истории объясняется ожиданиями значительной части традиционалистски или националистически настроенных пользователей Рунета и их некомпетентностью в области истории.

Ключевые слова: прагмасемантика; идентичность; неоязычество; историческая память; интернет-дискурс; фейк.

Для цитирования: Пробст Н.А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 170–189. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.08>

* **Пробст Никита Артурович**, кандидат филологических наук, доцент ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», младший научный сотрудник Лаборатории документной коммуникации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: NProbst@kantiana.ru

¹ Исследование выполнено за счет проекта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия).

© Пробст Н.А.

DOI: 10.31249/poln/2023.03.08

Введение

Идентичность – «это не статичное, а динамичное явление, это постоянный процесс, который осуществляется как непрерывная коммуникация между различными общественными группами» [Идентичности, 2022, с. 38]. В рамках настоящей статьи в качестве примера такой группы выступают родноверы. Пример родноверия прекрасно иллюстрирует актуальное состояние общей для нашего общества проблемы кризиса идентичности после распада СССР и последующих исторических событий (см. об этом: [Кавыкин, 2007; Шнирельман 2012; и др.]).

В процессе решения проблемы кризиса идентичности у представителей многих социальных групп проявляется стремление к быстрому созданию максимально простых и понятных массам идеологических схем, многие из которых уже можно назвать архетипическими – например, формирование групповой идентичности на религиозной основе (см., напр.: [Шнирельман, 2003; Ward, Voas, 2011; Staley, 2021; и др.]). Однако быстрое конструирование таких схем под нужды сиюминутной социально-политической ситуации неизбежно приводит к построению фейковых моделей исторической реальности, что и иллюстрирует пример родноверов (см., напр.: [Шиженский, 2009; Осинцев, Кузнецова, 2015; Пробст, 2021]). Для них использование специфической фейковой базы является основой не только для построения собственной модели идентичности, но и для манипулятивного воздействия, направленного на ее продвижение в медиадискурсе. Весьма репрезентативным материалом в этом плане является интернет-комментарий как жанр письменной сетевой коммуникации.

Продуктивное исследование вопросов, связанных с построением и продвижением той или иной модели идентичности в массмедиа, требует привлечения новых методов исследования. В этой связи является перспективным обращение к прагмасемантике как интерфейсу и операциональной системе смыслообразования. Соответствующая методика базируется на использовании прагматичного позиционирования в процессе генерации смыслов, а также их трансформации под воздействием прагматических установок участников коммуникации. Этот подход позволяет по-новому взглянуть на возможности интернет-коммуникации в процессе генерирования и распространения новых смыслов, механизмов по-

литически мотивированного порождения и распространения смысловых комплексов (мемов, прецедентных фактов и текстов, образов). Применение прагмасемантического подхода, по нашему убеждению, эффективно при изучении проблем образования новых содержательно-смысловых конструкторов в политическом, образовательном и иных видах дискурса, при изучении связанных с этим процессом явлений вроде столкновения идеологий, межгрупповых и межличностных конфликтов и пр. Прагмасемантический подход получил успешную апробацию в ходе реализации различных исследовательских задач, представленных в целом ряде актуальных научных работ (см., напр.: [Золян, 2022, 2023; Тульчинский, 2022; Чернявская, 2023; Тесля, 2022; Белецкая, 2022; и др.])¹.

Интернет-комментарий как коммуникативная площадка для реализации прагматических установок сторонников родноверия

Интернет-комментарий (далее – ИК) – один из новейших публицистических жанров, возникновение которого напрямую связано с развитием современной интернет-среды (см., например: [Стексова, 2013; Абдуллина, 2016; Сетевые жанры ... , 2018, с. 53]). В плане оказания манипулятивного воздействия на читателя ИК имеет ряд преимуществ перед более крупными жанровыми формами вроде интернет-блога, новостной статьи и пр.

1. Сравнительно небольшой текстовый объем. Это, с одной стороны, обуславливает незначительность временных затрат, необходимых читателю для ознакомления с ним, что в эпоху *digital*-коммуникации весьма немаловажно. С другой стороны, малый текстовый объем вполне отвечает возможностям так называемого клипового мышления многих современных интернет-пользователей, позволяя им в полной мере усвоить те смыслы, которые создатель комментария вкладывает в свой текст.

¹ Данный подход был разработан и апробирован в рамках реализации исследовательского проекта, поддержанного грантом РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках» и продолженного в рамках гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

2. Доступность. Автором ИК в большинстве случаев может стать любой потребитель определенного медиаконтента, что создает иллюзию «народности» создаваемого в процессе комментирования коммуникативного поля.

3. Условно естественный характер коммуникации. Пространство ИК представляет собой, по сути, особую коммуникативную мини-среду, позволяющую адресанту сообщения выразить свои идеи и установки в более-менее естественной для него вербальной форме. Этот же фактор в некоторых случаях, на наш взгляд, может способствовать большей (по сравнению даже с исходным медиаматериалом) степени читательского доверия к искренности высказанного в комментарии суждения как независимого мнения.

Указанные причины определяют привлекательность коммуникативного поля интернет-комментирования для попыток манипуляции общественным мнением различными социальными группами, что особенно показательно при анализе соответствующих текстов в русле прагмасемантики. В этом ключе интернет-комментирование – распространенная практика социальной деятельности родноверов – представляется важной частью социоязыковой стратегии формирования в массовом сознании смысловых комплексов, отражающих и продвигающих основополагающие для их исторической мифологии сюжеты.

Для аргументации своей позиции родноверы-комментаторы активно применяют приемы речевой манипуляции, основанные на искажении смыслового наполнения актуальных образов исторических событий и явлений.

1. Инверсия (изменение смысловых полюсов в оценке отраженных в современном массовом сознании образов исторических событий и персон). Этот прием используется, например, в нижеприведенных ИК о Крещении Руси и его инициаторе: *Насаждение христианства на Руси было верхом жестокости по отношению к своему населению. “Гардарика” потеряла треть городов и населения, нам осталась только одна поговорка про крещение, что Путята крестил мечом, а Добрыня огнем..., но их были десятки... церковь старательно все зачистила* (замена принятого в православии образа добровольного и сравнительно бескровного Крещения на противоположный по значению образ кровавого акта государственного террора). *И сюда хорошо вписался убийца, блядун и гуляка (10 жен и 17 наследников) хазарин Владимир “красно сол-*

нышко”, у которого руки красные от крови по локоть. И с того времени и до 17 века насаждалось христианство огнем и мечом. А князя Владимира “Красно Солнышко” прозвали так не потому что он был там светлым и красивым. А потому что он был кровавым, он убил часть своего народа, которая не хотела свою веру променять на Христианство (VK)¹ (известный образ Владимира как праведного и мудрого государя трансформируется в образ безнравственного и жестокого тирана) и т.д.

2. Контраст (характеристика объекта через его субъективно окрашенное сопоставление с другим объектом, акцентирующая положительные (с точки зрения пишущего) стороны одного и отрицательные – другого). Такой прием используется авторами родноверческих ИК при трансляции различных мифов: о рабской сущности христианства: *...Это евреи – рабы божьи, а мы, славяне – дети бога и от них ведем свой род* (Дзен); *Я – язычник, и мной никто не управляет, мой Бог СОВЕТУЕТ мне, но не управляет, в отличие от жидохристиан мой Бог не пугало и страшилка, а отец родной, и я ему не раб, а сын любимый, разницу чувствуешь?* (Дзен) (акцентирование преимущества гуманистического языческого мировосприятия по сравнению с христианским); о различных аспектах языческого золотого века: *В период раздробленности Рюриковичи воевали с Рюриковичами – что в “языческие” времена было бы маловероятным* (Дзен) (изображение гармоничности династических отношений языческой Руси по сравнению с православной); *...Так называемые Просветители Кирилл и мефодий переделали старославянскую глаголицу, урезав ее с 44 до 36 букв (т.е. опрIMITивив ее) (...). а вместе с глаголицей ‘необразованный русский народ’ имел еще три азбуки: для каждого сословия была своя (жрецы, воины, ремесленники-труженники и холопы). И тут появились просветители...* (Дзен) (пересмотр значения деятельности Кирилла и Мефодия через сравнение результатов их трудов с достижениями дохристианской письменной культуры) и т.д.

3. Подмена данных. Этот прием связан с представлением субъективных мнений и непроверенных / заведомо ложных данных как объективных и несомненных фактов. Он ориентирован на замещение одних элементов образа определенного исторического или социального явления другими, выгодными конкретной соци-

¹ Здесь и далее: авторские орфография и пунктуация сохранены.

альной группе. При этом автор ИК может уверенно приводить конкретные цифры, ссылаться на «авторитетные источники» и т.д. Значительная часть фейковой информации в ИК базируется на использовании именно подмены – например, при тиражировании основополагающего мифа о золотом языческом веке: *По чему проигрывал китаи (тогда это было царства дракона и народ чинайцы), потому, что 7530 лет назад они проиграли войну славянам и был заключен мир в звездном храме. (...) Жидо масоны или англосаксы вдолбили вам в бошки, что у славян история началась с принятием иудо=христианства* (Дзен); *Цивилизация языческой Руси практически по своей человечности и демократии превосходила европейско ватиканскую смердящую извращениями культуру как и сегодня* (VK); *А откуда тогда более 7500 лет в славянском календаре? И это только один из известных календарей. Если взять календарь, исчисляемый по т.н. Коло Коляды то все 27000 лет* (Дзен) и т.д.

Отдельного упоминания заслуживает использование данного приема при создании лингвистических фейков, основанных на различных опытах в области народной этимологии и часто связанных с оперированием данными известными фальсификаций вроде «Велесовой книги» или «Славяно-арийских вед». Цель этого – аргументация идей о древнем и автохтонном характере дохристианской славянской культуры. Ярким примером реализации этого приема служат тексты нижеприведенных ИК об исконно языческой природе понятия «православие»: *...«на законных» еще оооочень занимательно непаханое поле (кон, веста, ведьма, щуры, коцун, Ра-дуга (-дость, -мольный, п-ра-во-славие (искусно подмененное мимикрировавшим христианством), -ссвет и т п... (Дзен); ...Были они ПРАВОВЕРНЫЕ ИУДОХРИСТИАНЕ, согласно энциклопедии, а потом резко стали православными христианами, хотя ПРАВОСЛАВНЫЕ-суть ПРАВЬ СЛАВЯЩИЕ, никоим образом не связаны с христианами, скорее они - антиподы* (Дзен) и т.д.

4. Стигматизация. Этот прием связан с включением в смысловую структуру образа определенного объекта истории негативных семантических значений посредством вербализации манипулятивной тактики «навешивания ярлыков» (использование отрицательно маркированных по эмоционально-оценочному признаку определений, метафор и т.д. для дискредитации указанного объекта). Смотреть, например: *Христианство зло и язычество!* (VK).

*Эта вера жидов и царьков для порабощения людей! (VK); Язычники это иудохристиане а мы Ведрусы. Русь Ведическая (VK) и т.д. Характерной чертой использования данного приема родноверами является активное включение в ИК негативно окрашенных слов и конструкций, отражающих националистические (прежде всего антисемитские) идейные установки адресантов сообщения: *История написана евреями для унижения русских и сокрытия были (Дзен); ... А с каким Царём-то? Их в «Новой Хазарии» трое: Михаил, Борис, Владимир.») А за какого Бога: Иешуа, Магомеда, Вишну, Яхве?) За какое Отечество: Абрамовичей, Грефов, Миллеров, Хуснулкиных?) (Дзен) и т.д. В этом случае осуществляется один из древнейших видов речевой манипуляции – игра на ксенофобских настроениях читателя. Отметим, что последняя характерна для всех рассмотренных манипулятивных приемов.**

Отдельного упоминания заслуживает прием, который можно условно назвать приемом копирования. Его суть, на наш взгляд, заключается в «заимствовании» архетипических смысловых конструкций у других крупных ценностно-регулятивных систем. Например, родноверы могут использовать характерную для советского атеизма идеологему о сущности христианской религии как средства угнетения элитами простого народа, транслируемую через апелляцию к чувству социальной справедливости читателя: *...Едросья эту религию [православие – Н. П.] из каждого утюга давит, скоро младенцам будут религию прививать через вену, покорность, смирение, а за любое недовольство однозначно ... (Дзен); Попы помогают дворянам сохранить власть, дворяне попам – бабки. Гармония! И ведь что характерно – а что изменилось-то?? (VK).*

Все перечисленные приемы, на наш взгляд, способствуют формированию родноверческой модели идентичности на основании примитивной «черно-белой» картины мироустройства. Соответствующая модель является очередной итерацией идеологической структуры, базирующейся на первичном уровне противопоставления ключевых переменных в рамках системы «свой – чужой». В родноверческой формуле переменными являются «славянин – иноземец (семит)», со всеми смысловыми производными религиозного («язычник – христианин»), культурно-ценностного («патриот – космополит», «воин – раб» и т.д.) и иных уровней. Обращение к различным фейкам в рамках ИК является частью стратегии

аргументации, необходимой для реализации целого комплекса прагматических установок, о которых будет сказано ниже.

В качестве иллюстрации проведем подробный прагмасемантический анализ конкретного комментария, который был размещен под статьей «Крещение Руси: как это было, зачем и почему?» на канале «ED-STAR.RU»¹ (позиционируется как образовательный канал, посвященный истории). Автор статьи рассматривает исторические предпосылки Крещения Руси при князе Владимире, а также последствия данного решения. Пользователь с ником «Глубина 52» следующим образом комментирует указанный материал:

Полу вымысел [информация, представленная в статье – Н. П.]. Крещение-это происки Византии, которая на тот момент была слабой и не могла противостоять Руси. Вот и подсунули бабу. Но опять не вяжется... Владимир держит город в осаде, а ему условия ставят?? Евреи со времен Вещего Олега подсылали жен-жин в жены ибо у них кровь по матери признается. Все продумали. У Владимира за весь путь военных походов было больше 300 жен... 5 тысячелетий великой истории закопали и начали заново от рождения и крестики носят. Крест-символ смерти. Роду поклонялись и Славилы богов, не от кого не зависили и жили нормально. А что же шибко верующие сыны Владимира воевали между собой за княжество...? Не важно как зовут Бога, когда на кону власть. И сейчас в православии такое же язычество творится, куча святых. Одному от болезни, другому за победу молятся. Православие стало, а были Славяне. Был Иван купала а стал рождество Иоана. Праздники свои под Славянские подогнали и радуются. Но народ постепенно просыпается от лжи. Род свой почитай и предков. Всем добра (Дзен).

Структура содержательного поля этого ИК определяется двумя основными темами, которые условно можно сформулировать следующим образом.

1. «Причины и последствия Крещения Руси в культурно-историческом контексте» («Крещение – это происки Византии...»).
2. «Идейная суть современного христианства» («И сейчас в православии...»).

¹ Крещение Руси: как это было, зачем и почему? // ED-STAR.RU. – 2018. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/W92Zr0VihwCsmvgh> (дата посещения: 14.04.2023).

В рамках первой темы автором формируются следующие ключевые смыслы, выраженные как эксплицитно, так и на контекстуальном уровне.

1. «Языческая Русь – более сильный соперник Византии»: *[Византия] на тот момент была слабой и не могла противостоять Руси*. Этот тезис служит логическим обоснованием рассмотренной ниже идеи о христианизации славян как о вражеской «военной хитрости».

2. «Крещение – часть византийской культурно-политической диверсии»: *Крещение – это происки Византии*. Таким образом, факты, связанные с Крещением и христианизацией Руси, получают в тексте комментария смысл, не совпадающий с существующим в официальной истории взглядом на данные факты: они интерпретируются как результат внешнего геополитического давления, что обуславливает интеграцию в лексико-семантические поля понятий «крещение» и «христианизация» не только значения «чуждость (неавтохтонный, неславянский характер происхождения)», но и значения «враждебность (по отношению к славянству)».

3. «Князь Владимир (как инициатор Крещения) – виновник поражения Руси». Фраза *Подсунули [Владимиру] бабу [царевну Анну. – Н. П.]* вполне однозначно интерпретируется как утверждение о поражении («подкупе») князя Владимира. При этом использование сниженно-просторечной дефиниции «баба» в совокупности с глаголом «подсунуть», маркированному по отрицательному оценочно-экспрессивному признаку, способствует, с одной стороны, формированию образа князя Владимира как недалекого правителя (который поддается на столь примитивные уловки), с другой – усилению эмоционального эффекта от предшествующего утверждения о «диверсионном» характере Крещения.

Отдельного упоминания заслуживает содержание фрагмента: *Но опять не вяжется... Евреи со времен Вещего Олега подсылали женжин в жены ибо у них кровь по матери признается. Все продумали. У Владимира за весь путь военных походов было больше 300 жен....* Данный фрагмент отражает популярную в родноверческой среде идею о еврейском следе в факте христианизации Руси. Здесь же довольно любопытно может обыгрываться другой родноверческий миф. Показательны конструкции, содержащие рассуждения автора о странности сделки с византийцами в условиях почти свершившегося их военного разгрома (*Но опять не вяжется...*

Владимир держит город в осаде, а ему условия ставят??). В контексте всего абзаца эти конструкции можно интерпретировать как манипуляцию, основанную на эксплуатации фейка о еврейском происхождении Владимира Святославовича. Как известно, в неязыческой среде матери последнего, ключнице княгини Ольги Малуше, приписывается еврейское происхождение (см., напр.: [Емельянов, 2005, с. 7–9]). На этот миф косвенно может указывать и последующие фразы: *Евреи со времен Вещего Олега подсылали женжин в жены ибо у них кровь по матери признается. Все продумали*. В этом случае в рамках содержательного поля рассматриваемого отрывка автором конструируется следующая причинно-следственная цепочка: «1) Евреи подсылали славянским правителям своих женщин в жены; 2) родство у евреев передается по женской линии; 3) Владимир – сын еврейки; 4) Владимир – еврей; 5) еврей Владимир легко соглашается на неславянскую жену и предательство славянской веры».

4. «Дохристианская Русь – великая держава (с сопутствующими атрибутами в виде древней истории, культуры и религии)»: *5 тысячелетий великой истории закопали, ... не от кого не зависели и жили нормально*. Упоминание конкретного срока («5 тысячелетий») и специфики бытия языческой Руси как государства очевидным образом отсылает нас к фейку о языческом золотом веке с сопутствующим набором коннотаций.

5. «Крещение Руси – начало ее длительной деградации»: здесь автором комментария устанавливается причинно-следственная связь между «сверхдержавным» бытием Руси и исповедуемой религией: *Роду поклонялись и славили богов, не от кого не зависели и жили нормально*. Это очевидно в контексте предшествующего замечания автора о переходе славян на всеобщее ношение нательных крестов с их макабрической, по его мнению, символикой (*...Начали заново от рождества и крестики носят. Крест – символ смерти*), благодаря чему создается противопоставление положительно маркированного на семантическом уровне образа языческой Руси и негативного – христианизированной.

6. «Православие – сугубо инструмент политики». На наличие этого смысла указывает как использование автором приема иронии (*А что же **шибко верующие** сыны Владимира воевали между собой за княжество...?*), так и изъяснительной сентенции:

Не важно как зовут Бога [т.е. какой религии придерживаться. – Н. П.], когда на кону власть.

Таким образом, реализация в рассматриваемом тексте темы «Причины и последствия Крещения Руси в культурно-историческом контексте» представляет собой совокупность утверждений, объединенных негативной оценкой рассматриваемого исторического события. Обоснованием такой оценки служит обращение к ранее упоминаемым нами фейкам: во-первых, мифу о существовании языческого золотого века в историческом развитии Руси; во-вторых, мифу о культурно-духовной деградации, связанной с принятием православия.

Также сюда может входить фейк о еврейском происхождении князя Владимира.

Ключевыми приемами смысловой манипуляции в данном случае являются подмена и стигматизация.

В рамках темы «Идейная суть современного христианства» автором комментария формируются следующие смысловые концепции.

1. «Христианство – форма язычества». Этот смысл формируется посредством сравнения православия с языческим политеизмом: *И сейчас в православии такое же язычество творится, куча святых [= объектов поклонения. – Н. П.]. Одному от болезни, другому за победу молятся.* С помощью данного сопоставления имплементируется идея о том, что православие по своей сути идентично преследуемому им язычеству (а значит, никакого морального права на подобное преследование не имеет).

2. «Христианство – религия, паразитирующая на вере предков». Этот смысл формируется посредством использования следующей антитезы: *«Православие стало, а были Славяне. Был Иван купала а стал рождество Иоана. Праздники свои под Славянские подогнали и радуются.*

3. «Современность – начало духовного (в родноверческом ключе) ренессанса русского народа»: *Но народ постепенно просыпается от лжи* [т.е. поражение православия с течением времени весьма вероятно. – Н. П.]».

Основным манипулятивным приемом для раскрытия этой темы является контраст и (отчасти) стигматизация.

Можно заключить, что все перечисленные идейные конституенты содержательного поля рассматриваемого ИК формируют

его пропозициональную основу, которую условно можно выразить фразой «Христианизация Руси через акт Крещения – глобальный государственный и духовный кризис славянской цивилизации». При этом указанная основа во многом имплементируется за счет обращения автора комментария к основополагающим родноверческим фейкам, что также косвенно способствует их популяризации посетителей канала «ED-STAR.RU».

С точки зрения прагматической, очевидной является связь между положением социального субъекта в пространстве социальных отношений и характером его восприятия и реконструирования смысловых параметров сообщения. В этом контексте важно понимание того, что один и тот же текст (в нашем случае родноверческий ИК) имеет различные адресаты и, соответственно, ориентирован на реализацию разных целевых установок.

Текст ИК, как и любой другой текст, размещенный в публичном доступе (даже при наличии конкретно названного адресата), автоматически превращается в текст, «обращенный ко всем», т.е. к любому адресату, говорящему на данном языке и принадлежащему к данной культуре [Лотман, 2009, с. 203]. По нашему мнению, состав целевой аудитории родноверческих ИК – как и любых других идеологически маркированных медиатекстов – может быть условно разделен на следующие категории.

1. Реципиенты ИК, отрицательно воспринимающие представленную в нем мировоззренческую модель автора.
2. Реципиенты ИК, воспринимающие эту модель положительно.
3. Нейтральные реципиенты, не имеющие четко сформированного отношения к репрезентируемой в ИК мировоззренческой модели автора.

Таким образом, формируется трехполюсная модель адресации содержащегося в ИК сообщения. Мы полагаем, что воздействие на последнюю категорию в большинстве случаев воспринимается авторами ИК (осознанно или нет) как приоритетное, поскольку, как и в случае многих подобных псевдорелигиозных движений, родноверы заинтересованы в притоке новых сторонников (или хотя бы уменьшении вероятности их перехода в стан идеологических оппонентов).

С учетом всего сказанного, формирование комментирующего текста с рассмотренной пропозициональной основой способствует, на наш взгляд, реализации следующих прагматических установок.

1. Самопрезентация мировоззренческих позиций автора комментария. Последний ясно демонстрирует другим читателям свою принадлежность к родноверам и соответствующую модель мировоззрения. Целевой аудиторией для реализации такой установки выступают все возможные в данном случае читатели. Ее реализация во многом облегчает достижение всех остальных целеустановок.

2. Утверждение истинности разделяемой автором комментария модели реальности посредством компрометации противоречащих ей моделей и / или их трансляторов – других участников онлайн-коммуникации. В рассматриваемом случае оспаривается та модель реальности, которую транслирует автор медиатекста «Крещение Руси: как это было, зачем и почему?» и его единомышленники из числа посетителей канала. Для этого автором ИК применяются следующие коммуникативные ходы.

1. Частая апелляция к известным сюжетам родноверческой мифологии. Благодаря ей на содержательно-смысловом уровне конкретного текста автором формируется следующее суждение: «Принятие православия разрушило великую славянскую цивилизацию; мои оппоненты положительно оценивают данный факт; следовательно, мои оппоненты одобряют разрушение великой славянской цивилизации». Логическим следствием такого суждения является представление оппонентов и их позиции в негативном антиславянском (антирусском) ключе. В этом контексте их точка зрения – следствие либо заблуждения (из-за недостатка знаний, из-за ограниченности кругозора и т.д.), либо отсутствия патриотизма.

2. Описание православия с использованием таких приемов, как навешивание ярлыков (характеризация посредством трафаретных символов и нарративов, имеющих в данной системе негативные коннотации: *крест – символ смерти; в православии – то же язычество*), контраст (по этническому признаку) и т.п. Это способствует формированию образа православия и связанных с ним исторических событий как чужого и враждебного славянам явления, а язычества – как духовно-религиозной первоосновы их культуры. В результате в отношении позиции идейных оппонентов автором ИК на контекстуальном уровне формируется контраргумент, основанный на умозаключении вида «одобряющие Крещение (поддерживающие православие) = противники русского народа».

При этом следует отметить в целом неконфликтную модель речеповедения автора анализируемого ИК в процессе реализации

рассматриваемой прагматической установки: например, он почти не использует средств речевой агрессии. В родноверческой полемике, по нашим наблюдениям, высокую частотность имеют гораздо менее «сдержанные» методы ведения дискуссии, сравнить: *Что вы вообще об истории славян знаете которой 7530 лет? Вы гундяевский агитатор и раб бога иудо-христианского* (Дзен); *Просто то жулье, которое писало Повесть Временных Лет в XVII веке, пользовалось сказками, былинами и легендами, вот и втюхало российский лохам лапшу на уши о великом крестителе* (Дзен) и т.д.

3. Консолидация с другими участниками интернет-комментирования, имеющими идентичное или схожее с представленным в тексте ИК мировоззрение. В рассматриваемом случае комментатор, как уже было отмечено выше, фактически обозначает свою принадлежность к родноверам. Следовательно, самим фактом размещения подобного комментария пользователь «Глубина 52» указывает на присутствие в инфополе канала «ED-STAR.RU» членов своего сообщества, поддерживает других коммуникантов-родноверов, инициирует обсуждение и оценку конкретного медиаматериала в желательном для этого сообщества ключе. Наличие же маркеров одобрения со стороны единомышленников комментатора придает дополнительный вес его мнению в глазах остальных пользователей – т.е. способствует реализации нижеописанной интенции.

4. Распространение родноверческого мировоззрения среди условно нейтральных потребителей конкретного медиаматериала. Реализация всех вышеописанных интенций в конечном счете ведет к тому, что кто-либо из актантов обсуждения заинтересуется высказанными в ИК идеями, сочтет их достаточно правдоподобными и убедительными, что создает определенную предпосылку для его последующего «рекрутирования».

В рассматриваемом комментарии воздействие на чужие «неокрепшие умы» осуществляется по следующим направлениям: 1) апелляция к чувству национальной гордости адресата сообщения; 2) эксплуатация ценностных установок адресата сообщения, связанных с идеей генетической принадлежности к славянской этнической общности; 3) игра на недоверии читателя к официальной версии отечественной истории.

Перечисленные прагматические установки в той или иной мере характерны для комментаторской деятельности и других родноверов. Наблюдаемое при этом широкое использование фей-

ковой информации представляет собой значительное по силе эмоционально-оценочного воздействия средство, являющееся частью общей стратегии медиапродвижения родноверческой модели идентичности. Это обусловлено следующими факторами.

1. Привлекательность создаваемой родноверами фейковой исторической реальности для значительной массы традиционалистски настроенных пользователей Рунета. Это может быть обусловлено как полным или частичным совпадением реальных / мнимых ценностных установок коммуникантов (противодействие глобализму, любовь к образу великого прошлого родины и т.д.), так и недовольством читателя официальной государственной культурно-исторической политикой.

2. Недостаточный уровень компетентности рядовых пользователей в области идентификации фейковых элементов транслируемой родноверами картины исторической реальности. Для подобной идентификации требуется достаточно широкий объем научных знаний, способность (и готовность) к полноценному критическому анализу информации, навыки в области публичной дискуссии и т.п. При отсутствии соответствующих компетенций фальсифицированная картина исторической реальности в восприятии отдельного интернет-пользователя фактически перестает быть фейковой: «Фейк без возможности верификации и не проверенный экспертными системами – это правда..., а правда без верификации и анализа эксперта – потенциальный фейк» [«”Фейки” – люди или...», 2021, с. 18].

3. Представленность и высокая активность членов родноверческого движения в информационном поле интернет-комментирования. Данный фактор позволяет им во многих случаях последовательно создавать нужный информационный фон вокруг того или иного медиаматериала, обеспечивает массовость и разнообразие средств продвижения транслируемой ими картины мира. Это, безусловно, способствует закреплению различных ее аспектов в массовом сознании, а также формированию нейтрального или положительного ее восприятия.

Даже если большинство продуцентов данного контента сознательно не ставят перед собой задачу исказить и таким образом дискредитировать историю нашей страны, тем не менее эти коллективные усилия по созданию новой славянской идентичности парадоксальным образом способствуют дальнейшей деструктуризации поля русской идентичности (см.: [Бесков, 2022, с. 182]).

Заключение

Недостаточность аргументационного базиса родноверческой модели установления идентичности вынуждает ее сторонников конструировать собственную версию российской культурно-исторической реальности на основе целого комплекса взаимосвязанных фейков. Активным полем трансляции этой модели является область интернет-комментирования.

Аргументируя свою позицию, родноверы-комментаторы активно применяют приемы речевой манипуляции, связанные с искажением исторических данных: инверсию, контраст, подмену данных, стигматизацию, копирование и т.д.

Целевую аудиторию родноверческих ИК можно разделить на три группы: 1) читатели, демонстрирующие отрицательное отношение к позиции автора комментария (его оппоненты); 2) читатели, положительно воспринимающие позицию автора (его сторонники); 3) нейтральная по отношению к авторской позиции группа читателей, воспринимаемая комментатором в качестве потенциальных «прозелитов» его движения. В отношении каждой из этих групп автором реализуется своя прагматическая установка.

1. Самопрезентация мировоззренческих позиций автора комментария.

2. Утверждение истинности разделяемой автором комментария модели реальности посредством оспаривания истинности других, противоречащих ей моделей, а также дискредитации их трансляторов – других участников текущей онлайн-коммуникации.

3. Консолидация с другими участниками интернет-обсуждения в конкретном интернет-сегменте, имеющими идентичное или схожее с представленным в тексте комментария мировоззрение.

4. Распространение родноверческого мировоззрения среди условно нейтральных потребителей комментируемого медиаматериала.

Частью стратегии по реализации этих целевых установок и является обращение к родноверческому мифологическому комплексу. Действенность манипулятивного воздействия пропаганды родноверов с помощью фейковых картин истории объясняется ожиданиями значительной части традиционалистски или националистически настроенных пользователей Рунета и их некомпетентностью в области истории.

N.A. Probst*

**Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers:
fake in the alternative historical picture¹**

Abstract. The article analyzes the pragmase­mantic aspects of creating a fake picture of history in the Russian-language Internet discourse by adherents of the Rodnoverie. The formation of an appropriate mythology is a way to overcome the identity crisis of the Rodnoverians and is also a part of the neo-pagan activity for the mass media promotion of this identity. The reasons for the attractiveness of the Internet commentary genre for manipulating public opinion are explained. The main techniques of information distortion are inversion, contrast, substitution, stigmatization, etc. The basic ways of establishing identity exploit «the self – the other» opposition. The effectiveness of manipulative influence of Rodnover propaganda with the help of fake pictures of history is explained by the expectations of a significant part of traditionalist- or nationalist-minded users of the Runet and their incompetence in history.

Keywords: pragmase­mantics; identity; neo-paganism; historical memory; Internet discourse; fake.

For citation: Probst N.A. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture. *Political science* (RU). 2023, N 3, P. 170–189. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.08>

References

- Abdullina L.R. The internet-commentaries as reflection of national attitude (French and Russian of languages). *Proceedings of Voronezh state university. Series: philology. Journalism.* 2016, N 1, P. 5–6. (In Russ.)
- Arato, A., Cohen, J.L. *Civil society, populism, and religion.* Routledge Handbook of Global Populism, 2018, P. 112–126.
- Beletskaya T.V. Representation of the image of Kaliningrad in the names of guided city tours. *Slovo.ru: Baltic accent.* 2022, Vol. 13, N 4, – P. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-11> (In Russ.)
- Beskov A.A. Contradictory images of the past in the Russian information space as a factor of fragmentation of mass historical consciousness. In: Badikov R.A. (ed.). *Fortunes of national cultures in globalization context: between tradition and the new reality.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2022, P. 179–183. DOI: <https://doi.org/10.47475/9785727118559-38> (In Russ.)

* **Probst Nikita**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: NProbst@kantiana.ru

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and operational system for meaning production» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

- Chernyavskaya V.E. "They call the main entrance a porch": social meaning in semantics and metapragmatics. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2023, Vol. 1, N 1, P. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-5> (In Russ.)
- Emelyanov V.N. *Desionization*. Moscow: Russian Truth, 2005, 318 p. (In Russ.)
- Kavykin O.I. "Rodnovers". *Self-identification of neo-pagans in modern Russia*. Moscow: IAFRAN, 2007, 232 p. (In Russ.)
- Klushina N.I., Smirnova N.V., Kasperova L.T., Ivanova M.V., Barysheva S.F. Internet genres: news and commentary in the World Wide Web. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018, N 3, P. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10134> (In Russ.)
- Lotman Yu.M. *Text in motion: author – audience, idea – text*. Moscow: Russian School Library Association, 2009, 255 p. (In Russ.)
- Miechová M. *Radical paganism: contemporary heathens in search of political identity. Diplomová práce. Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav filosofie a religionistiky*. Vedoucí práce Matějčková, Tereza, 2019, 56 p.
- Osintsev A.V., Kuznetsova O.V. The myth of the ancestral homeland in Russian neo-paganism. *Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences*. 2015, Vol. 8, N 6, P. 1037–1042. (In Russ.)
- Probst N.A. Ideological prerequisites for the deformation of historical memory. In: Tulchinskii G.L. (ed.). *Fakes: communication, meanings, responsibility*. Saint Petersburg: Aleteya, 2021, P. 166–183. (In Russ.)
- Staley S.L. The Relationship Between religion and populism: a review of the critical literature. *Audens*. 2021, N 5, P. 35–45.
- Steksova T.I. Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension. *Political Linguistics*. 2013, N 3 (45), P. 77–81. (In Russ.)
- Teslya A.A., Tulchinskii G.L., Zolyan S.T., Sladkevich J.R., Gerasimov S.V., Molodychenko E.N. *Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning*. Kaliningrad: IKBFU, 2022, 347 p. (In Russ.)
- Teslya A.A. 'The most important writer for me': Lydia Ginsburg on marcel Proust. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2022, Vol. 6, N 2, P. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-2-191-208> (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Setting, seriality and request for a stable semantic picture of the world. In: Avtuhovich T.E. (ed.). *Recreational goods. Mass culture in modern Russia: the construction of worlds, the multiplication of series*. Godno: Yanka Kupala State University of Grodno, 2020, P. 7–17. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Pragmasemantics of digital communications: semantic worldviews, value-regulatory systems and responsibility. *The state and citizens in the electronic environment*. 2022, N 6, P. 9–23. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23> (In Russ.)
- Shizhensky R.V. Neo-pagan myth of Vladimir. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, N 6. P. 250–256. (In Russ.)
- Shizhensky R.V., Tyutina O.S. Projections of institutional identity in the modern Slavic paganism according to field studies. *International Journal of applied and fundamental research*. 2016, N 1–2, P. 278–282. (In Russ.)
- Snirelman V.A. Ethnogenesis and identity: nationalist mythologies in contemporary Russia. *Ethnographic review*. 2003, N 4, P. 3–14. (In Russ.)

- Snirelman V.A. *Russian rodnoverie: neo-paganism and nationalism in modern Russia*. Moscow: St. Andrews's Biblical Theological Institute Publishing House, 2012, 316 p. (In Russ.)
- Zolyan S.T., Beletskaya T.V., Tulchinskii G.L. "Fakes" – people or texts? Round table discussion. *Society. Communication. Education*. 2021, Vol. 12, N 2, P. 7–32. (In Russ.)
- Zolyan S.T. Modal semantics and semiotic instruments of constructing of a historical memory. *RGGU Bulletin. Series: Literary theory. Linguistics. Cultural studies*. 2022, N 4–3, P. 365–377. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-365-377> (In Russ.)
- Zolyan S.T. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: possible extensions. *Voprosy jazykoznanija*. 2023, N 1, P. 151–168. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.151-168> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Абдуллина Л.Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 5–6.
- Белецкая Т.В. Репрезентация образа города в названиях экскурсий по Калининграду // Слово. ру: балтийский акцент. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-11>
- Бесков А.А. Противоречивые образы прошлого в российском информационном пространстве как фактор фрагментации массового исторического сознания // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета. – 2022. – С. 179–183. DOI: <https://doi.org/10.47475/9785727118559-38>
- Емельянов В.Н. Десионизация. – М.: Рус. Правда, 2005. – 318 с.
- Золян С.Т., Белецкая Т.В., Тульчинский Г.Л. «Фейки» – люди или тексты? Материалы круглого стола // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. – Т. 12, № 2. – С. 7–32.
- Золян С.Т. О модальной семантике и семиотических инструментах построения исторической памяти // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4–3. – С. 365–377. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-365-377>
- Золян С.Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения // Вопросы языкознания. – 2023. – № 1. – С. 151–168. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.151-168>
- Кавьякин О.И. «Родноверье». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007. – 232 с.
- Клушина Н.И., Смирнова Н.В., Касперова Л.Т., Иванова М.В., Барышева С.Ф. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве интернета // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10134>

- Лотман Ю.М.* Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст / – М.: Рус. шк. библиот. ассоц., 2009. – 255 с.
- Осинцев А.В., Кузнецова О.В.* Миф о прародине в русском неоязычестве. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8. – № 6. – С. 1037–1042.
- Пробст Н.А.* Идеиные предпосылки деформации исторической памяти // Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. – Коллективная монография / под ред. Г.Л. Тульчинского. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 166–183.
- Стексова Т.И.* Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 77–81.
- Тесля А.А., Тульчинский Г.Л., Золян С.Т., Сладкевич Ж.Р., Герасимов С.В., Молодыхенко Е.Н.,* Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. – 347 с.
- Тесля А.А.* «Для меня самый важный писатель»: Лидия Гинзбург о Марселе Прусте // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 191–208. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-2-191-208>
- Тульчинский Г.Л.* Сеттинг, сериальность и запрос на стабильную смысловую картину мира // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2020. – С. 7–17.
- Тульчинский Г.Л.* Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. – 2022. – № 6. – С. 9–23. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23>
- Чернянская В.Е.* «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово. ру: балтийский акцент. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-5>
- Шиженский Р.В.* Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 250–256.
- Шиженский Р.В., Тютина О.С.* Проекция институциональной самоидентификации в современном славянском язычестве по данным полевых исследований // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–2. – С. 278–282.
- Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 3–14.
- Шнирельман В.А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: Издательство Библиейско-богословского института Св. апостола Андрея, 2012. – 316 с.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

В.В. БАБАЯН*

ОТ ПРАВА ДО ПОЛУЧЕНИЯ УСЛУГИ: КАК ДИСТАНЦИОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРУЕТ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ?

Аннотация. Дистанционное голосование изначально предусматривалось как способ демократизации электоральных процедур, однако его внедрение во многих странах бросает вызов легитимности выборов, повышая риски мошенничества, потенциально меняя композицию электората и ставя избирателей в неравные условия. Настоящая статья представляет собой обзор и синтез ответов на вопросы о том, как дистанционное голосование (по почте и через Интернет) трансформирует электоральные процессы в демократических режимах как на микро-, так и макроуровне. В частности, обзор фокусируется на нормативной критике дистанционного голосования, теоретических и эмпирических ответах на эту критику, а также выявленных исследователями положительных и отрицательных эффектах его внедрения – как масштабных, так и выраженных в электоральном поведении граждан, выбирающих различные способы голосования. В статье также приводится полусистематический обзор результатов исследований, отвечающих на вопросы о влиянии дистанционного голосования на явку и композицию электората. Поскольку затрагиваемые в статье сюжеты, как правило, не изучаются под предлагаемым здесь углом и не являются в чистом виде эмпирическими, обзор направлен на извлечение нового знания из синтеза и критики релевантных исследований. Статья демонстрирует потенциал для объединения усилий в рамках изучения дистанционных форматов голосования вместо фокусирования на отдельных способах как принципиально отличных друг от друга.

* **Бабаян Валерия Витальевна**, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: vv.babayan@hse.ru

Обзор также позволяет выделить перспективные направления изучения как дистанционного, так и других альтернативных форматов голосования: анализа субнациональной вариации их эффектов, а также лонгитюдных исследований на микроуровне.

Ключевые слова: дистанционное голосование; голосование по почте; онлайн-голосование; электоральные процессы; электоральное поведение; демократические выборы.

Для цитирования: Бабаян В.В. От права до получения услуги: как дистанционное голосование трансформирует электоральные процессы? // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 190–212. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.09>

Введение

10 марта 2022 г. Государственная дума Российской Федерации приняла поправки по совершенствованию законодательства в части дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Благодаря этим изменениям, проведение онлайн-голосования¹ по единым правилам становится возможным на выборах всех уровней на территории РФ. Россия – вторая (после Эстонии, принявшей подобные меры в 2007 г.) в мире страна, которая легализовала онлайн-голосование на всей территории. В то же время все более широкое распространение в демократических странах получает другой формат дистанционного голосования – голосование по почте. Оба способа голосования имеют схожую проблему: в них «гораздо больше шагов [чем в традиционном голосовании], где процесс может пойти не так» [Alvarez et al., 2008, p. 674]. Оба вида голосования ставят под сомнение выполнение основных принципов демократических выборов, включая равенство голосов, поскольку заочное голосование традиционно проводится раньше, и избиратели голосуют, обладая различными объемами информации.

Подобная масштабная реформа избирательного процесса вызывала сопротивление во всех странах, где ее пытались провести или успешно провели. Первые попытки внедрения онлайн-

¹ Фокус данной статьи – наиболее распространенные способы дистанционного голосования, не подразумевающие необходимость посещения избирательного участка, поскольку они сильнее всего отличаются от конвенциональных способов голосования, а, следовательно, их эффект для электоральных процессов должен быть наиболее велик. Под онлайн-голосованием здесь имеется в виду только дистанционное голосование через Интернет.

голосования в России встретили сопротивление некоторых сегментов общества, сопоставимое с оным во многих демократических странах, где инициировались такие эксперименты (Швеция, Норвегия, Швейцария, Германия, Франция и др.).

Техническая невозможность наблюдения за ходом выборов, угрозы несоблюдения принципов анонимности избирателей и тайны голосования¹, возможность голосования за сотрудников и членов семьи [Schuelke-Leech, 2018], риски взлома системы, скорость подсчета голосов – универсальные проблемы, создающие перманентный кризис легитимности выборов как «черного ящика» [Loeber, 2011 ; Hall, 2015]. И если в Эстонии этот кризис сосуществует с электоральным процессом (одна из двух крупнейших политических сил – Центристская партия с более возрастным, бедным и менее образованным электоратом – так и не смирилась с универсальным онлайн-голосованием, несмотря на общественный контроль за системой и возможность переголосовать как в Интернете, так и на участке) (см.: [Lust, 2015, p. 320]), а в Швейцарии процесс временно приостановлен из-за обнаружения уязвимостей в коде², то многие демократии оказались не готовы к такому сопротивлению и испытанию на прочность.

Представленные примеры указывают на достаточно широкий масштаб возможных последствий кажущегося делом техники и времени повышения удобства избирателей. Они также демонстрируют, что проблемы проведения подобных электоральных реформ довольно универсальны в силу общих технических проблем (вопрос лишь в том, как они решаются институционально), и для более наглядной демонстрации их возможных последствий я оста-

¹ См. также: BBC misreports on ending of Norwegian internet voting pilots // News about e-vote trial. – 2014. – Mode of access: [https://www.regjeringen.no/en/historical-archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Local-Government-and-Regiona/tema-og-redaksjonelt-innhold/kampanjesider/e-vote-trial/news-about-the-e-vote-2011-project/year/2013/BBC-misreports-on-ending-of-Norwegian-internet-voting-pilots/id764809/\(accessed: 09.05.2023\).](https://www.regjeringen.no/en/historical-archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Local-Government-and-Regiona/tema-og-redaksjonelt-innhold/kampanjesider/e-vote-trial/news-about-the-e-vote-2011-project/year/2013/BBC-misreports-on-ending-of-Norwegian-internet-voting-pilots/id764809/(accessed: 09.05.2023).)

² См.: E-voting currently on hold – testing process to be reoriented. – 2019. – Mode of access: [https://www.swisscommunity.org/en/news-media/swiss-review/article/e-voting-currently-on-hold-testing-process-to-be-reoriented/?cHash=421e04f1fed4aa5c3ae441c828fb8733&tx_pwcomments_pi1%5BcommentToReplyTo%5D=7324&tx_pwcomments_pi1%5Baction%5D=new&tx_pwcomments_pi1%5Bcontroller%5D=Comment \(accessed: 27.10.2022\).](https://www.swisscommunity.org/en/news-media/swiss-review/article/e-voting-currently-on-hold-testing-process-to-be-reoriented/?cHash=421e04f1fed4aa5c3ae441c828fb8733&tx_pwcomments_pi1%5BcommentToReplyTo%5D=7324&tx_pwcomments_pi1%5Baction%5D=new&tx_pwcomments_pi1%5Bcontroller%5D=Comment (accessed: 27.10.2022).)

навливаюсь именно на демократических режимах, где основные функции выборов наиболее выражены и где сейчас почтовое голосование рассматривается как более приемлемая и менее уязвимая альтернатива электронному.

Вышеприведенное актуализирует дискуссии о выборах в «электронной» [Wiener, 1948], «теле-», «виртуальной», «цифровой» (см.: [Hacker, van Dijk, 2000]) и прочих «демократиях будущего с прилагательными», которые должны были расширить права и возможности граждан и вовлечь большее их число в политические дискуссии и процессы принятия решений. Эти надежды в свое время скорее не оправдались, и даже пандемия коронавируса, актуализировавшая расширение альтернативных форматов голосования, не внесла существенного пополнения в список стран, практикующих голосование через Интернет (выступающее одной из основ электронной демократии [Van der Meer et al., 2014]).

Несмотря на вышеизложенное, ядро демократического режима – выборы – во многом остается за рамками исследовательской повестки политических эффектов цифровизации. Гораздо чаще будущее демократий связывается с непосредственным влиянием граждан на политику в результате формирования постоянной электронной коммуникации «снизу вверх» и возрастанием влияния социальных медиа (см.: [Tucker et al., 2017]).

Тем не менее голосование по-прежнему остается ключевым рычагом граждан в выборе политического курса государства и, безусловно, легитимации как режима, так и участников выборов, и здесь расширение возможностей участия в выборах выходит за рамки проблематики цифровизации политических процессов.

Вышеперечисленное – только поверхностные проявления вызовов, которые представляет внедрение дистанционного голосования в устоявшиеся практики демократического голосования. Настоящая статья синтезирует возможные ответы на вопросы о том, каким образом дистанционное голосование трансформирует электоральные процессы – как на более популярном в литературе микро-, так и на макроуровне. В частности, обзор фокусируется на нормативной критике дистанционного голосования и выявленных исследователями положительных и отрицательных эффектах его внедрения – как масштабных, так и выраженных в электоральном поведении граждан, выбирающих различные способы голосования. Поскольку затрагиваемые в статье сюжеты, как правило, не

изучаются под предлагаемым здесь углом и не являются в чистом виде эмпирическими, я ставлю цель представить интегративный [Torraco, 2005 ; Snyder, 2019] обзор, который направлен на извлечение нового знания из синтеза и критики релевантных исследований.

Дистанционное голосование как технология

Пожалуй, ключевая развилка для подобного исследования – разница в представлениях о возможных политических последствиях принятия технологий. В данной статье, в соответствии с теорией о социальном конструировании технологии [Bijker, 2006], последняя понимается и как продукт человеческой деятельности, и как процесс, направленный на его создание, и как знание о физическом объекте или артефакте, произведенном человеком [Bijker, 2006, p. 682]. Принципиальное отличие такой интерпретации от детерминистской (см.: [Quan-Haase, 2016]) состоит в более широком распределении ответственности за социальные и политические последствия технологии. С точки зрения технологических детерминистов, технология не должна быть объектом принятия политических решений и политических дискуссий, а дело политических деятелей – приготовить общество к возможным последствиям ее применения.

Технологии для голосования, однако, довольно долго оставались профессиональным «сиротой» в политической науке [Stewart, 2011, p. 355]. Из-за этого исследователи нередко упускают из виду, что способы записи голосов не детерминировались технологическим развитием общества и развивались и распространялись асинхронно [Stewart, 2011, p. 360]. Объяснений такой вариации (по меньшей мере, для США) несколько: правовые ограничения и локальные культуры [Ansolabehere, Stewart, 2008], а также пракτικότητα: например, в Калифорнии машины для голосования неудобны из-за необходимости включения слишком большого числа строк в бюллетени [Saltman, 2006].

Испытание альтернативных форматов голосования на демократичность – сложный вызов хотя бы из-за размытости критериев последней. Один из возможных подходов к такой оценке был сформулирован шире, в контексте инструментов и процессов электронной демократии: степень вовлеченности граждан во все

стадии принятия решений и то, насколько лучше такие инструменты отражают их потребности [Kneuer, Datts, 2020]. Несложно заметить, что это – адаптация классического понимания демократичности режима [Dahl, Tufte, 1973, p. 20] в качестве его способности удовлетворять коллективные нужды и обеспечивать эффективный гражданский контроль над принятием решений. В рамках такого подхода формат голосования – скорее технический вопрос (в отличие, например, от электронного участия), однако, как будет показано в следующем разделе, это утверждение неоднозначно.

Дистанционное голосование и нормативные представления о демократических электоральных процессах

Как было упомянуто вначале, дистанционное голосование может серьезно подорвать значение голосования как гражданского ритуала, который призван упрочить социальный капитал [Thompson, 2008]. В связи с этим один из вопросов, которым задаются исследователи, заключается в том, как снижение числа голосующих на избирательном участке изменит восприятие демократических выборов. Главное опасение здесь заключается в «неравной политической информации», что серьезно подрывает темпоральные особенности выборов и принцип равенства голосов [Thompson, 2004] и влияет на выбор способа голосования [Menger, Stein, 2020].

Тем не менее это является скорее вопросом технической имплементации и законодательного регулирования. Голосование онлайн в день выборов (особенно с опцией изменения голоса) почти устраняет проблему темпоральности. Как показывает таблица 1 с информацией о сроках подачи бюллетеней по почте в странах, где такая опция доступна всем гражданам, избиратели, голосующие по почте, действительно оказываются в довольно невыгодном положении, и законодательно описанные выше нормативные опасения фактически не учитываются (хотя бы потому, что они порождают новые – например, в виде затягивания подсчета голосов). Тем не менее здесь может присутствовать важный модератор – качество работы почты: возможность голосования за день до выборов и непосредственно в этот день значительно уравнивает избирателей, голосующих традиционно или по почте.

Таблица 1

Сроки подачи бюллетеней для голосования по почте в странах мира¹

Страна	Окончание приема бюллетеней
Канада	День выборов. Запрос бюллетеня до вторника, предшествующего дню выборов
Германия	18:00 в день выборов
Исландия	День выборов
Республика Корея	18:00 в день выборов
Лихтенштейн	17:00 пятницы, предшествующей дню голосования
Люксембург	14:00 дня, предшествующего голосованию
Новая Зеландия	Полночь дня выборов. Бюллетень должен быть получен к закрытию участков (если не разрешено иное)
Польша	День выборов; бюллетени, полученные с опозданием, передаются главе местного отделения ЦИК
Швейцария	Процедуры варьируются в зависимости от кантонов, но их власти по федеральному законодательству обязаны обеспечить условия, чтобы все бюллетени были учтены
Великобритания	День выборов
США	В зависимости от штата бюллетень должен датироваться не позже дня голосования или предшествующего ему дня

Один из углов рассмотрения обозначенного выше широкого вопроса – влияние способа голосования на принятие решений избирателем; иначе говоря, это вопрос о грани между частным и публичным пространством. Традиционное голосование – проверенное временем включение частного в публичное, в то время как онлайн-голосование, наоборот, интегрирует публичное в частное, нивелируя значение первого и возлагая всю ответственность за процесс голосования на избирателя [Goos et al, 2016]. Аналогичный аргумент применим и к голосованию по почте, которое также фактически бросает вызов сложившемуся в теории либерализма разделению [Freeden, Vincent, 2013] между двумя сферами.

Указанный сюжет тесно связан с упомянутыми ранее рисками «нетолерантного» по отношению к меньшинствам выбора при голосовании в одиночку, представляющего угрозу либеральной демократии. Выражение политической позиции при нахождении в личном пространстве может не только влиять на электоральный выбор [Oostveen, van den Besselaar, 2005], но и в долгосрочной перспективе

¹ Global in-country postal voting data. – 2022. – Mode of access: <https://www.idea.int/data-tools/data/special-voting-arrangements/postal-in-country> (accessed: 27.10.2022).

приводить к снижению уровня участия, поскольку понятие общего блага и гражданского долга размывается вместе со снижением интенсивности социальных связей [Buchstein, 2004]. Тем не менее эксперимент, проведенный в ЮАР, показал, что само по себе пространство не столь значимо для артикуляции нетолерантной позиции; при этом наличие политического конфликта и восприятие угрозы могут быть решающими, находясь в одном контексте [Gibson, Gouws, 2001].

Важнейший элемент устойчивости демократического режима – политическая культура [Seligson, 2002] – тесно связан с вопросом доверия. Как и во многих других вопросах, касающихся этого малоизученного феномена, теоретики ищут более знакомые альтернативы для рассмотрения ситуации на их примере. Наиболее распространенная из них – онлайн-банкинг, пользователь которого несет определенные риски. Тем не менее пользование онлайн-сервисами для финансовых переводов может быть менее рискованным с точки зрения заметности издержек: потенциально действия мошенников обратимы и наказуемы, а о том, что голос был зачтен неверно, избиратель может никогда не узнать; более того, если таким образом не «вернуть» все голоса, то нарушается условие равенства голосов – очевидно, банки руководствуются иными принципами [Buchstein, 2004]. Кроме того, техническая возможность «отслеживания» голоса для его восстановления нарушает тайну голосования [Hasen, 2012], а банки из-за технических уязвимостей регулярно несут издержки, которые государство вряд ли может себе позволить. С этой точки зрения несправедливой становится и возможность переголосовать – особенно в день выборов, хотя, например, в Эстонии без этой опции не был бы достигнут компромисс об онлайн-голосовании.

Для стран с высокой конкуренцией на выборах, а также для недостаточно стабильных демократий эта угроза особенно осязаема: за ходом традиционного голосования можно наблюдать, а неожиданный результат выборов с дистанционным голосованием неизбежно поставил бы демократическую легитимность под сомнение [Buchstein, 2004]. Электронная демократия требует «смелости» столкнуться с перманентным кризисом легитимности, вне зависимости от того, как на самом деле прошли выборы. При онлайн-голосовании этот риск более выражен: при регистрации реальных попыток организации хакерской атаки падение явки может произойти довольно резко, и вернуть доверие избирателей

будет гораздо сложнее – особенно с учетом того, что пересчет бумажных бюллетеней и демонстрация программного кода не идентичны с точки зрения убеждения граждан [Hasen, 2012].

С аналогичными угрозами сталкивается и голосование по почте: теоретически оно уязвимо для мошенничества, поскольку не предусматривает возможность полноценной идентификации избирателей. Эта проблема особенно важна в условиях редкого обновления списков избирателей [Gronke et al., 2008], и она не только реалистична, но и способна подорвать доверие избирателей, даже если не имеет места в действительности – поскольку они не видят привычных очередей на избирательном участке. Таким образом, голосование по почте, хоть и не сталкивается с киберугрозами, тоже представляет собой более таинственный, чем традиционное голосование, «черный ящик».

Другой важный вопрос, касающийся доверия, – возможность «политкорректного» голосования [Pieters, Becker, 2005]: если избиратель не уверен в секретности процедуры, он может проголосовать неискренне. Проблема усугубляется, если распространена практика подкупа голосов, которую нельзя исключать и в контексте демократических стран. Кроме того, по меньшей мере исследования недемократических стран показывают, что малейшие сомнения в анонимности голосования могут привести к неискреннему выбору против собственных предпочтений даже при отсутствии принуждения и направленных личных угроз [Ferree, Long, 2016]. Таким образом, отсутствие гарантий тайны голосования может привести к искажению результатов выборов – особенно в неконсолидированных демократиях. Впрочем, такой эффект нельзя исключать и в состоявшихся демократиях – скорее всего, «политкорректное» голосование будет наблюдаться именно там. Эта претензия вступает в противоречие с опасениями относительно «нетолерантного» к меньшинствам голосования, но также представляется по меньшей мере жизнеспособной.

Один из индикаторов доверия в обществе – социальный капитал. Онлайн-коммуникация может по-своему ему способствовать; остановимся, однако, на возможных последствиях перехода к онлайн-голосованию на низовом уровне, выявленных на примере муниципальных выборов в Германии [Kersting, 2004]. Оказалось, что утрата ритуала посещения избирательного участка может дезориентировать граждан, особенно тех, кто проживает на территории избирательных округов с бóльшим средним возрастом населения.

Многие из них сталкиваются с общественным контролем, присущим сельской местности в подобных районах: граждане знают друг друга, и отклонение от социальной нормы при неявке на выборы становится предметом порицания. Важно, что избирательные участки – это, как правило, школы или другие места, занимающие ключевое место в деятельности их сообществ, и они воспринимаются как политически нейтральные пространства. При этом респонденты из старшего поколения считают, что даже перенос голосования в иные здания – например в кинотеатры – неизбежно ослабляет символичность голосования, а молодежь, которая интегрирована в жизнь сообщества в меньшей степени и имеет иную структуру социальных связей, подвергается контролю со стороны своих родителей. По признанию респондентов, явка снижается даже из-за необходимости ожидания в очереди и обычной лени. Это качественное исследование – аргумент в пользу большей части нормативных опасений относительно онлайн-голосования, по крайней мере в представлении старшего поколения и сообществ с тесными связями между их участниками.

Существует и некоторое напряжение между удобством избирателей, с одной стороны, и гражданским долгом – с другой [Orr, 2014; Przeworski, 2018]. Избиратель действительно может не оценить по достоинству расширение демократических процедур и помочь популистам выиграть, всего лишь нажав на кнопку. Вопрос мотивации при голосовании – один из ключевых как для моделирования электорального поведения, так и с нормативной точки зрения. Физический смысл традиционного голосования не только в том, что избиратели оказываются в один день в одном месте, но и в том, что они уделяют этому время и усилия [Przeworski, 2018]. При таком подходе необходимость посещения избирательного участка или подача заявки для голосования по почте или онлайн является своеобразным барьером: избиратель несет издержки, которые выступают своеобразным показателем того, что его волнуют политические решения, и он разделяет ответственность за их принятие; более того, избиратель скорее всего думает о своем выборе хотя бы на пути до участка.

Опасения о спонтанном характере голосования вне участка обычно связаны с влиянием снижения барьеров на качество демократического режима (можно ли говорить о политической культуре гражданского типа, если решение об участии в выборах сводится к технологии?), однако нас они интересуют с точки зрения поведения

избирателя, его выбора формата голосования и того, как эти изменения отражаются на контексте проведения выборов. Поэтому при таком подходе к электоральному поведению следует фокусироваться на избирателях, которые бы не стали участвовать в голосовании, если бы им не была предоставлена возможность сделать это онлайн. Проблема эмпирического анализа здесь сводится к социальной желательности ответов респондентов, но, возможно, может быть решена, например с помощью «списочных экспериментов» (*list experiments*), не требующих прямого ответа на заданные вопросы.

Таким образом, дистанционное голосование проблематично с точки зрения двух основных общепринятых демократических принципов голосования: тайны и равенства. То, как эти искажения отразятся на электоральном поведении, – вопрос времени и расширения географии онлайн-голосования. При этом очевидно, что в современной политической теории эти вопросы рассматриваются с оптикой, которая применялась к электоральным теориям и ранее, а потому эффекты среды голосования скорее всего выйдут за рамки разворачивающейся сейчас дискуссии. Стоит обратить внимание на то, что основные теоретические работы были написаны 10–20 лет назад; сейчас фокус исследований практически полностью сместился на безопасность технологии.

Теоретические и эмпирические ответы на нормативные претензии

Пожалуй, один из самых показательных примеров трансформации восприятия роли дистанционных форматов голосования (с акцентом на онлайн-голосовании, но применимых и к почтовому) – две статьи К. Розакер и Р. Розакера [Rosacker, Rosacker, 2012; Rosacker, Rosacker, 2020] в журнале *Transforming Government: People, Process and Policy*.

В первой статье вышеназванных авторов подчеркивалась необходимость упрощения голосования для вовлечения молодежи и формирования такой привычки у людей среднего возраста; ей также был присущ сдержанный оптимизм относительно технических возможностей обеспечения сохранности голосов и точности их подсчета, вызванный расширением электронной коммерции. В следующей статье, опубликованной спустя 11 лет, право голосо-

вать дистанционно – снова продукт смежных сфер человеческой деятельности (самоизоляции в период пандемии), но уже более артикулированный как требование.

Исследователи, вступая в негласную полемику с теми, кто говорит о важности пространственных и временных факторов голосования, задаются вопросом, на каком основании самое фундаментальное право граждан может быть настолько ограничено во времени и пространстве. Возвращаясь к критериям демократичности процедур, мы можем прийти к выводу, что статус-кво, заключающийся в необходимости проголосовать в день выборов на избирательном участке, неприемлем, поскольку если слишком высокие издержки участия в голосовании приводят к снижению уровня электорального участия, то демократия служит слишком немногим, и у ее конкурентов становится больше шансов. В конце концов, К. и Р. Розакер [Rosacker, Rosacker, 2020] приводят свой дискуссионный нормативный аргумент в пользу дистанционного голосования – сокращение выбросов в атмосферу из-за снижения необходимости поездки на избирательные участки.

Любая реформа избирательного процесса в идеальной ситуации должна быть направлена на повышение качества выборов. Помимо затронутых выше соображений о повышении явки (см.: [Germann, Serdült, 2017 ; Goodman, 2014 ; Goodman, Stokes, 2020 ; Kousser, Mullin, 2007 ; Petitpas et al., 2021]), реалистичность которых будет обсуждаться в следующем разделе, здесь также может быть упомянута доля голосов, не учтенных из-за ошибок в заполнении бюллетеня [Alvarez et al., 2013]. По последнему показателю у онлайн-голосования – однозначное преимущество [Germann, 2021 b] над голосованием по почте, особенно в Германии, где отклоненные бюллетени не учитываются при объявлении количества поданных голосов [Nyhuis, 2021]. Более того, с учетом ориентации почтового голосования на меньшинство, их неопытность может усиливать существующее неравенство [Baringer, Herron, Smith, 2020 ; Cottrell, Herron, Smith, 2021].

Последнее трудно утверждать о голосовании по почте, однако у него есть схожие преимущества, связанные с качеством выборов, хотя качество здесь скорее определяется от противного. Главное здесь то, что смягчение недостатков традиционного голосования может делать коллективный выбор более репрезентативным. Одно из таких преимуществ – более низкое влияние позиции кандидата или партии в бюллетене на электоральный выбор голосующих по

почте [Jankowski, Frank, 2022]. Авторы, пришедшие к этому статистическому выводу, объясняют его как возможность принятия более вдумчивого решения при голосовании по почте, так и тем, что у голосующих таким образом, как правило, больше интерес к политике [Jankowski, Frank, 2022].

Со временем для голосования, в противовес нормативной критике о нарушении темпоральности выборов, связывается еще одно достоинство почтового голосования – благоприятствование политической дискуссии между гражданами в силу отсутствия необходимости принимать окончательное решение в течение нескольких минут [Richey, 2005]. По описанию, такая логика может быть применима и к онлайн-голосованию. Тем не менее в этом достоинстве кроется недостаток – дополнительные возможности для манипуляции мнением избирателей и свободой их выбора, особенно в отсутствие возможности переголосовать.

Ответ на претензию относительно проблематичности обеспечения анонимности при дистанционном голосовании, в свою очередь, может быть сформулирован в виде встречной претензии. Исследования показывают, что не во всех контекстах избирателям гарантировано отсутствие контроля со стороны членов семьи: например, старшие в семье могут диктовать выбор как женщинам, так и более молодым членам домохозяйства [Schaffer, 2014].

При противоположном представленному в предыдущем разделе подходе к определению демократического режима – барьеры не должны существовать вообще. И с этой точки зрения онлайн-голосование не является более дискриминирующим, чем обычное: компьютерная грамотность является таким же относительно новым требованием, каковым в свое время являлась обычная грамотность, поэтому вопрос «цифрового барьера» в дискуссии о равенстве условий может быть несколько переоцененным [Herrnson et al., 2007].

Помимо прочего, в пользу и онлайн-голосования [Krimmer et al., 2021], и голосования по почте [Lamb, 2021] приводится аргумент об их эффективности с точки зрения затрат: такие форматы организации выборов снижают издержки для всех граждан и могут выступать в качестве дополнительного аргумента в пользу демократии там, где ее процедуры объявляются дорогостоящими и неэффективными¹.

¹ См., напр.: Inaccurate, Costly, and Inefficient Evidence That America's Voter Registration System Needs an Upgrade. – 2012. – Mode of access:

Как дистанционное голосование трансформирует электоральное поведение и отражает политические установки?

Один из ключевых сюжетов о вызове выборов демократии – президентские выборы в США в 2000 г. в штате Флорида. Провальный опыт внедрения электронного голосования на избирательном участке стал энциклопедическим и ощутимо подорвал доверие к электоральному процессу. Тем не менее этот эффект не поставил под сомнение исход федеральных выборов, что может объясняться значительной степенью децентрализации электоральной системы США [Miller, 2004]. Пожалуй, подобный контекст внедрения технологий (в широком смысле) и привел к концентрации внимания исследователей на краткосрочных и долгосрочных изменениях доверия к выборам, создав фокус устойчивости демократических режимов на микроуровне.

Для того чтобы показать «большую картину» изменений электорального поведения, связанных с внедрением дистанционного голосования, здесь приводятся результаты англоязычных исследований, автоматически отобранных из крупнейшей в мире курируемой базы цитирований «Scopus» в мае 2022 г. по ключевым словам «absentee voting OR online voting OR VBM¹ OR postal voting OR vote by mail OR Internet voting OR ivoting», а затем отфильтрованных вручную по степени релевантности для настоящей статьи. Хронологические рамки поиска не ограничивались, поскольку технологии голосования – относительно новое явление. Размер базы до фильтрации составил 378 статей, после – 170 статей, в обоих случаях касающихся в основном почтового голосования.

В таблице 2 представлены систематизированные основные ответы исследователей на ряд важных для демократий вопросов. Безусловно, их можно интерпретировать лишь с поправкой на то, что выявление причинно-следственных механизмов в этом вопросе – по крайней мере пока – практически невозможно.

<https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2012/02/14/inaccurate-costly-and-inefficient-evidence-that-americas-voter-registration-system-needs-an-upgrade> (accessed: 27.10.2022).

¹ Сокр. от Vote by Mail.

Таблица 2

Полусистематический обзор эффектов внедрения дистанционного голосования на микроуровне

Вопрос	Выводы
Влияние на явку	<p>– значительное [Bonica et al., 2021], сильнее при отправлении почтового бюллетеня каждому избирателю [McGhee et al., 2022];</p> <p>– минимальное и практически незначимое [Fowler, 2020 ; Germann, Serdült, 2017 ; Vassil, Weber, 2011 ; Zvulun, 2010], даже при высоком уровне заражений коронавирусом [Mulrooney, McGinn, 2022];</p> <p>– значимое только на внеочередных [Kousser, Mullin, 2007 ; Southwell, 2009] и других второстепенных выборах [Henrickson, Johnson, 2019 ; Karp, Banducci, 2000];</p> <p>– препятствующее будущему снижению явки, формируя привычку голосовать [Solvak, Vassil, 2018], особенно у старшего поколения [Mendez, Serdült, 2017]; явка среди эспатов может снижаться при приостановлении онлайн-голосования [Germann, 2021 a].</p>
Кто голосует дистанционно?	<p>– «периферийные» с политической и демографической точки зрения избиратели [Vassil, Weber, 2011]; молодой избиратель [Southwell, 2010]; группы, менее склонные к голосованию (молодежь, «синие воротнички»), менее образованные избиратели, представители расовых меньшинств [Bonica et al., 2021];</p> <p>– или, наоборот, те, кто наиболее склонен к голосованию – люди с высоким социально-экономическим статусом и с высшим образованием [Germann, 2021 b], необязательно интересующиеся политикой [Plescia et al., 2021];</p> <p>– в целом те же, кто голосует традиционно, и в той же степени политически осведомленные: менее партийные, более урбанизированные и старше по возрасту, образованные и вовлеченные в политику [Southwell, Burchett, 2000]; или, наоборот, менее политически заинтересованные, имеющие более высокий доход и средний уровень образования, что не влияет на композицию явки в целом из-за их политической осведомленности [Bechtel, Schmid, 2021];</p> <p>– в большей степени городские и более обеспеченные и образованные избиратели [Lust, 2015];</p> <p>– диффузия избирателей, голосующих традиционно и дистанционно, происходит после трех электоральных циклов [Vassil, et al., 2016].</p>
Поляризация (различные электоральные предпочтения в соответствии с избранными способами голосования)	<p>– явка немного ниже среди республиканцев, чем среди демократов [Southwell, 2010]; избиратели двух крупнейших эстонских партий поляризованы в вопросе доверия онлайн-голосованию [Lust, 2015];</p> <p>– предпочтения онлайн- и офлайн-избирателей распределяются примерно одинаково, несмотря на их демографические различия [Mellon et al., 2017 ; Rallings et al., 2010 ; Wigginton, Stockemer, 2021].</p>
Доверие к выборам	<p>– временно снижается на один электоральный цикл [Clark, 2021];</p> <p>– снижается, особенно при необходимости обратиться за помощью для голосования [Bryant, 2020].</p>

Приведенные в таблице результаты указывают на изменчивость эффектов внедрения дистанционного голосования как во временной, так и пространственной перспективе. Пожалуй, един-

ственным относительно однозначным, но и малоизученным вопросом остается влияние дистанционного голосования на доверие к выборам: очевидно, что при наличии спорных ситуаций, без которых внедрение альтернативных форматов голосования пока не обходилось, электоральное доверие серьезно подрывается. Впрочем, возможно, это эффект кратковременный; кроме того, избежать рисков для демократической легитимности едва ли удастся и при традиционном голосовании.

Заключение

Близкое рассмотрение проблемных точек в исследовании последствий расширения дистанционных форматов голосования для демократических режимов показывает, что вопрос о способах голосования выходит далеко за рамки процедуры. Как в работе с эмпирическими данными об онлайн-голосовании, так и в анализе теоретической литературы следует учитывать, что на данный момент мы изучаем довольно новый феномен, применяя старые подходы. Пока это дает результаты, кажущиеся близкими к здравому смыслу и действительности, однако любая реформа такой сложной системы, как электоральная, которая к тому же является ключевым элементом демократического режима, неизбежно создает новые взаимосвязи и уязвимости, которые пока не представляется возможным зафиксировать.

Следует иметь в виду, что масштаб этих изменений будет варьироваться в зависимости от того, насколько в политической культуре того или иного общества закреплено символическое значение выборов, причем вариация внутри общества также может быть значительной, что скажется, например, на регионализации голосования и, возможно, сформирует новые общественно-политические размежевания. Кроме того, приведенные против дистанционного голосования соображения могут быть хотя бы частично встречены адресно с помощью детализации соответствующего законодательства.

По итогам рассмотрения некоторых теоретических работ, которые отражают основные идеи дискуссии об онлайн-голосовании и его влиянии на избирателя, мы можем заключить, что этот вопрос относится к числу многочисленных политических вопросов, которые не могут получить окончательный ответ, пока

продолжается человеческая история. Отчасти это связано с тем, что ответы на такие вопросы зависят друг от друга: мы до сих пор не можем полностью объяснить и тем более предсказать классическое электоральное участие, а демократические режимы вынуждены решать проблемы легитимности и соотношения либерального и демократического компонентов. Дистанционное голосование лишь усложняет сложившуюся структуру и усиливает взаимозависимость различных проблем политической теории.

Вышесказанное, однако, не означает, что нам следует лишь довольствоваться известными аргументами и подходами, а также доступными данными. Например, эта статья демонстрирует потенциал для объединения усилий в рамках изучения дистанционных форматов голосования вместо фокусирования на отдельных способах как принципиально отличных друг от друга.

Очевидно, благодаря расширению использования технологий в избирательном процессе, для электоральных исследований открываются наиболее перспективные направления, особенно в вопросах проведения политических кампаний в новых условиях. Это вызов и для предиктивных моделей электорального выбора, поскольку теперь исследователям нужно учитывать и то, как именно будет подан бюллетень. Пока опыт показывает, что те, кто приложил усилия для регистрации для голосования онлайн и по почте, почти всегда голосуют, что, с другой стороны, несколько упрощает задачу.

Многообещающими, особенно в условиях постепенности внедрения технологий для голосования во многих странах, представляются исследования субнациональной вариации эффектов альтернативных форматов голосования, в особенности в федеративных системах со значительной вариацией в законодательной базе и социально-демографическом составе населения. Другое перспективное направление – лонгитюдные исследования на микроуровне, предназначенные для оценки масштабов эффектов изменения электорального процесса.

V.V. Babayan*

**From entitlement to service:
how is absentee voting transforming electoral processes?**

Abstract. Absentee voting has originally been envisioned as a way to democratize electoral procedures, but its introduction in many countries challenges the legitimacy of elections, increasing risks of fraud, potentially changing the composition of the electorate, and putting voters in unequal circumstances. This article provides an overview and synthesis of responses to questions about how absentee voting (by mail and Internet) is transforming electoral processes in democratic regimes at both the micro and macro levels. In particular, the review focuses on the normative criticism of absentee voting, the theoretical and empirical responses to this criticism, and the positive and negative effects of its implementation, both large-scale and reflected in the electoral behavior of citizens who choose different ways of voting, as identified by researchers. The article also provides a semi-systematic overview of the results of the studies answering the questions about the influence of remote voting on the turnout and composition of the electorate. Albeit the issues addressed in the article are not typically examined from the angle proposed here and are not purely empirical, the review seeks to extract new knowledge from a synthesis and critique of relevant research. The article demonstrates the potential for pooling efforts in the study of absentee voting formats instead of focusing on specific modes as fundamentally different from one another. The review allows us to highlight promising directions for the study of both absentee voting and other alternative voting formats: the analysis of subnational variation of their effects, as well as longitudinal studies at the micro-level.

Keywords: absentee voting; vote-by-mail; postal voting; Internet voting; electoral processes; electoral behavior; democratic elections.

For citation: Babayan V.V. From entitlement to service: how is absentee voting transforming electoral processes? *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 190–212. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.09>

References

- Alvarez R.M., Levin I., Pomares J., Leiras M. Voting made safe and easy: the impact of e-voting on citizen perceptions. *Political science research and methods*. 2013, Vol. 1, N 1, P. 117–137. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2013.2>
- Alvarez R.M., Hall T.E., Sinclair B. Whose absentee votes are returned and counted: The variety and use of absentee ballots in California. *Electoral studies*. 2008, Vol. 27, N 4, P. 673–683. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.05.007>
- Ansolahehere S., Stewart Ch. Function follows form: voting technology and the law. In: Griffith B.E. (ed.). *America votes!: A guide to modern election law and voting rights*. Chicago: ABA Publishing, 2008, P. 241–260.

* Babayan Valeria, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: vv.babayan@hse.ru

- Baringer A., Herron M.C., Smith D.A. Voting by mail and ballot rejection: lessons from Florida for elections in the age of the coronavirus. *Election law journal: rules, politics, and policy*. 2020, Vol. 19, N 3, P. 289–320. DOI: <https://doi.org/10.1089/elj.2020.0658>
- Bechtel M.M., Schmid L. Electoral reforms and the representativeness of turnout. *Political science research and methods*. 2021, Vol. 9, N 3, P. 485–499. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2020.20>
- Bijker W.E. Why and How Technology Matters. In: Goodin R., Tilly C. (eds). *The Oxford Handbook of contextual political analysis*. Oxford: Oxford university press, 2006, P. 681–706. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0037>
- Bonica A., Grumbach J.M., Hill C., Jefferson H. All-mail voting in Colorado increases turnout and reduces turnout inequality. *Electoral studies*. 2021, Vol. 72, 102363. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102363>
- Bryant L.A. Seeing is believing: an experiment on absentee ballots and voter confidence: part of special symposium on election sciences. *American politics research*. 2020, Vol. 48, N 6, P. 700–704. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X20922529>
- Buchstein H. Online democracy, is it viable? Is it desirable? Internet voting and normative democratic theory. In: Kersting N., Baldersheim H. (eds). *Electronic voting and democracy*. London: Palgrave Macmillan, 2004, P. 39–58.
- Clark J.T. Lost in the mail? Vote by mail and voter confidence. *Election law journal: rules, politics, and policy*. 2021, Vol. 20, N 4, P. 382–394. DOI: <https://doi.org/10.1089/elj.2020.0682>
- Cottrell D., Herron M.C., Smith D.A. Vote-by-mail ballot rejection and experience with mail-in voting. *American politics research*. 2021, Vol. 49, N 6, P. 577–590. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X211022626>
- Dahl R.A., Tufte E.R. *Size and democracy*. Stanford: Stanford university press, 1973, 148 p.
- Ferree K.E., Long J.D. Gifts, threats, and perceptions of ballot secrecy in African elections. *African affairs*. 2016, Vol. 115, N 461, P. 621–645. DOI: <https://doi.org/10.1093/afraf/adw049>
- Fowler A. Promises and perils of mobile voting. *Election law journal: rules, politics, and policy*. 2020, Vol. 19, N 3, P. 418–431. DOI: <https://doi.org/10.1089/elj.2019.0589>
- Freeden M., Vincent A. Introduction: the study of comparative political thought. In: Freeden M., Vincent A. (eds). *Comparative political thought: theorizing practices*. Oxon: Routledge, 2013, P. 1–23.
- Germann M. Internet voting increases expatriate voter turnout. *Government Information Quarterly*. 2021 a, Vol. 38, N 2, P. 101560. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101560>
- Germann M. Making Votes Count with Internet Voting. *Political Behavior*. 2021 b, Vol. 43, P. 1511–1533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-020-09598-2>
- Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: evidence from Switzerland. *Electoral studies*. 2017, Vol. 47, P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2017.03.001>
- Gibson J.L., Gouws A. Making tolerance judgments: the effects of context, local and national. *The journal of politics*. 2001, Vol. 63, N 4, P. 1067–1090. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-3816.00101>
- Goodman N.J. Internet voting in a local election in Canada. In: Grofman B., Trechsel A., Franklin M. (eds). *The Internet and democracy in global perspective*. Cham: Springer, 2014, P. 7–24. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04352-4_2

- Goodman N.J., Stokes L.C. Reducing the Cost of voting: an evaluation of Internet voting's effect on turnout. *British journal of political science*. 2020, Vol. 50, N 3, P. 1155–1167. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123417000849>
- Goos K., Beckert B., Lindner R. Electronic, Internet-based voting. In: Lindner, R., Aichholzer, G., Hennen, L. (eds). *Electronic democracy in Europe*. Cham: Springer, 2016, P. 135–184. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-27419-5_4
- Gronke P., Galanes-Rosenbaum E., Miller P.A., Toffey D. Convenience Voting. *Annual review of political science*. 2008, Vol. 11, N 1, P. 437–455. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053006.190912>
- Hacker K.L., van Dijk J. (eds). *Digital democracy: Issues of theory and practice*. London: SAGE publications Ltd, 2000, 240 p. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446218891>
- Hall T. Internet voting: the state of the debate. In: Coleman S., Freelon D. (eds). *Handbook of digital politics*. Cheltenham: Edward Elgar publishing, 2015, P. 103–117. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781782548768.00015>
- Hasen R.L. *The Voting Wars: From Florida 2000 to the next election meltdown*. New Haven: Yale university press, 2012, 239 p.
- Henrickson K.E., Johnson E.H. Increasing voter participation by altering the costs and stakes of voting. *Social science quarterly*. 2019, Vol. 100, P. 869–884. DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.12583>
- Herrnson P.S., Stokes-Brown A.K., Hindman M. Campaign politics and the digital divide: constituency characteristics, strategic considerations, and candidate Internet use in state legislative elections. *Political research quarterly*. 2007, Vol. 60, N 1, P. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912906298527>
- Jankowski M., Frank T. Ballot position effects in open-list PR systems: the moderating impact of postal voting. *Acta politica*. 2022, Vol. 57, N 2, P. 320–340. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41269-020-00192-2>
- Karp J.A., Banducci S.A. Going postal: how all-mail elections influence turnout. *Political behavior*. 2000, Vol. 22, P. 223–239. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1026662130163>
- Kersting N. Internet voting behaviour: lessons from a German local election. In: Kersting N., Baldersheim H. (eds). *Electronic voting and democracy*. London: Palgrave Macmillan, 2004, P. 255–275.
- Kneuer M., Datts M. E-democracy and the matter of scale. Revisiting the democratic promises of the Internet in terms of the spatial dimension. *German political science quarterly*. 2020, Vol. 61, N 2, P. 285–308. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00250-6>
- Kousser T., Mullin M. Does voting by mail increase participation? Using matching to analyze a natural experiment. *Political analysis*. 2017, Vol. 15, N 4, P. 428–445. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpm014>
- Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New methodology for calculating cost-efficiency of different ways of voting: is internet voting cheaper? *Public money & Management*. 2021, Vol. 41, N 1, P. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>
- Lamb M. The “Costs” of voting: the effects of vote-by-mail on election administration finance in Colorado. *Social science quarterly*. 2021, Vol. 102, P. 1361–1379. DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.13012>

- Loeber L. *Voter trust in the Netherlands between 2006 and 2010*. Caltech/MIT Voting Technology Project, 2011, RPEAVT Paper 18, 12 p.
- Lust A. Online voting: Boon or bane for democracy? *Information polity*. 2015, Vol. 20, N 4, P. 313–323. DOI: <https://doi.org/10.3233/IP-150373>
- McGhee E., Paluch J., Romero M. Vote-by-mail policy and the 2020 presidential election. *Research & Politics*. 2022, Vol. 9, N 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/20531680221089197>
- Mellon J., Sjoberg F., Peixoto T. Does online voting change the outcome? Evidence from a multi-mode public policy referendum. *Electoral studies*. 2017, Vol. 47, P. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2017.02.006>
- Mendez F., Serdült U. What drives fidelity to internet voting? Evidence from the roll-out of internet voting in Switzerland. *Government information quarterly*. 2017, Vol. 34, N 3, P. 511–523. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.05.005>
- Menger A., Stein R.M. Choosing the less convenient way to vote: an anomaly in vote by mail elections. *Political research quarterly*. 2020, Vol. 73, N 1, P. 196–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912919890009>
- Miller C.A. Interrogating the civic epistemology of American democracy. *Social studies of science*. 2004, Vol. 34, N 4, P. 501–530. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312704045661>
- Mulrooney T., McGinn C.A. Brief Statistical and Geostatistical survey of the relationship between COVID-19 and by-mail balloting in the 2020 North Carolina general election. *The Professional geographer*. 2022, Vol. 74, N 1, P. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/00330124.2021.1933551>
- Nyhuis D. Convenient, but Prone to Error: Invisible Uncounted Mail Ballots [Bequem, aber fehleranfällig: Die Dunkelziffer ungewerteter Briefwahlstimmen]. *German political science quarterly*. 2021, N 62, P. 597–619. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11615-021-00358-3> (In German)
- Oostveen A.-M., Van Den Besselaar P. Internet voting technologies and civic participation: the users' perspective. *Javnost – The Public*. 2004, Vol. 11, N 1, P. 61–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/13183222.2004.11008847>
- Orr G. Convenience Voting: the end of Election Day? *Alternative law journal*. 2014, Vol. 39, N 3, P. 151–155. DOI: <https://doi.org/10.1177/1037969X1403900302>
- Petitpas A., Jaquet J.M., Sciarini P. Does E-Voting matter for turnout, and to whom? *Electoral studies*. 2021, Vol. 71, P. 102245. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102245>
- Pieters W., Becker M.J. Ethics of e-voting: an essay on requirements and values in Internet elections // *Ethics of new Information technology: Proceedings of the Sixth International Conference of Computer Ethics (CEPE 2005)*. P.A. E. Brey, F.S. Grodzinsky, & L.D. Introna (Eds.). Enschede: Centre for Telematics and Information Technology (CTIT), 2005. P. 307–318.
- Plescia C., Sevi S., Blais A. Who Likes to Vote by Mail? *American politics research*. 2021, Vol. 49, N 4, P. 381–385. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X211005684>
- Przeworski A. *Why Bother with Elections?* Cambridge, UK: Polity press, 2018, 160 p.
- Quan-Haase A. *Technology & Society. Social networks, power, and inequality*. Don Mills, Ontario: Oxford university press, 2016, 316 p.
- Rallings C., Thrasher M., Borisjuk G. Much ado about not very much: the electoral consequences of Postal Voting at the 2005 British General Election. *The British*

- journal of politics and international relations*. 2010, Vol. 12, N 2, P. 223–238. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2010.00403.x>
- Richey S. Who votes alone? The impact of voting by mail on political discussion. *Australian journal of political science*. 2005, Vol. 40, N 3, P. 435–442. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1732027>
- Rosacker K.M. Rosacker R.E. Voting is a right: a decade of societal, technological and experiential progress towards the goal of remote-access voting. *Transforming government: people, process and policy*. 2020, Vol. 14, N 5, P. 701–712. DOI: <https://doi.org/10.1108/TG-03-2020-0053>
- Rosacker R.E., Rosacker K. A call for collaborative academic and practitioner efforts to address remote-access voting methods. *Transforming government: people, process and policy*. 2012, Vol. 6, N 3, P. 230–238. DOI: <https://doi.org/10.1108/17506161211251245>
- Saltman R.G. *The history and politics of voting technology: in quest of integrity and public confidence*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, 240 p.
- Schaffer F.C. Not-So-Individual Voting: patriarchal control and familial hedging in political elections around the world. *Journal of women, politics & Policy*. 2014, Vol. 35, N 4, P. 349–378. DOI: <https://doi.org/10.1080/1554477X.2014.955407>
- Schuelke-Leech B.A. A model for understanding the orders of magnitude of disruptive technologies. *Technological forecasting and social change*. 2019, N 129, P. 261–274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.09.033>
- Seligson M. The renaissance of political culture or the renaissance of the ecological fallacy. *Comparative politics*. 2002, Vol. 34, N 3, P. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/4146954>
- Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of business research*. 2019, Vol. 104, P. 333–339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.07.039>
- Solvak M., Vassil K. Could Internet voting halt declining electoral turnout? New evidence that e-voting is habit forming. *Policy & Internet*. 2018, Vol. 10, P. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.1002/poi3.160>
- Southwell P.L. Analysis of the turnout effects of vote by mail elections, 1980–2007. *The social science journal*. 2009, Vol. 46, N 1, P. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soscj.2008.12.010>
- Southwell P. Voting behavior in vote-by-mail elections. *Analyses of social issues and public policy*. 2010, Vol. 10, P. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2010.01218.x>
- Southwell P., Burchett J. Does changing the rules change the players? The effect of all-mail elections on the composition of the electorate? *Social science quarterly*. 2000, Vol. 81, N 3, P. 837–845.
- Stewart C. Voting technologies. *Annual review of political science*. 2011, Vol. 14, N 1, P. 353–378. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.12.053007.145205>
- Thompson D.F. Election time: normative implications of temporal properties of the electoral process in the United States. *American political science review*. 2004, Vol. 98, N 1, P. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000305540400099>

- Thompson D.F. Electoral simultaneity: the value of voting at the same time. *Journal of social issues*. 2008, Vol. 64, N 3, P. 487–501. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.00574.x>
- Torraco R.J. Writing integrative literature reviews: guidelines and examples. *Human resource development review*. 2005, Vol. 4, N 3, P. 356–367. DOI: <https://doi.org/10.1177/1534484305278283>
- Tucker J., Theocharis Y., Roberts M., Barberá P. From liberation to turmoil: social media and democracy. *Journal of democracy*. 2017, Vol. 28, N 4, P. 46–59. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2017.0064>
- Van der Meer T.G.L.A., Gelders D. Rotthier S. E-democracy: exploring the current stage of e-government. *Journal of information policy*. 2014, Vol. 4, P. 489–506. DOI: <https://doi.org/10.5325/jinfopoli.4.2014.0489>
- Vassil K., Solvak M., Vinkel P., Trechsel A.H., Alvarez R.M. The diffusion of internet voting. Usage patterns of internet voting in Estonia between 2005 and 2015. *Government information quarterly*. 2016, Vol. 33, N 3, P. 453–459. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.06.007>
- Vassil K., Weber T. A bottleneck model of e-voting: Why technology fails to boost turnout. *New Media & Society*. 2011, Vol. 13, N 8, P. 1336–1354. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444811405807>
- Wiener N. Cybernetics. *Scientific American*. 1948, Vol. 179, N 5, P. 14–19.
- Wigginton M.J., Stockemer D. Does the Introduction of Online Voting Create Diversity in Representation? *Political studies review*. 2022, Vol. 0, N 0. DOI: <https://doi.org/10.1177/14789299211064450>
- Zvulun J. Postal voting and voter turnout in local elections: Lessons from New Zealand and Australia. *Lex localis – Journal of Local Self-Government*. 2010, Vol. 8, N 2, P. 115–131. DOI: <https://doi.org/10.4335/8.2.115-131>

И.А. ИНШАКОВ*

**СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ
И УТОПИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ
КАРЛА МАРКСА**

Аннотация. Известно, что Карл Маркс отличал свою теорию и от строгой «науки», и от «утопизма», присущего его предшественникам. Парадоксальным образом именно эти два элемента конституируют мышление самого Маркса, находясь друг с другом в сложном взаимодействии, специфику которого призвана раскрыть данная статья. С этой целью автор дистанцируется от классических политико-философских дебатов об отношениях Маркса и критикуемых им «социалистов-утопистов». Вместо этого предлагается рассмотрение подхода Маркса как «исследовательской программы» (Имре Лакатос), «когнитивной утопии» (Питер Лассман) и «функциональной утопии» (Карл Мангейм). На основе данного анализа кратко прослеживаются характерные особенности в развитии «советского» и «западного» марксизма. В заключение предлагается дальнейшее направление анализа Маркса через изучение третьего – теологического – компонента его мышления.

Ключевые слова: утопия; идеология; Карл Маркс; марксизм; социология науки.

Для цитирования: Иншаков И.А. Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 213–229. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>

* **Иншаков Илья Александрович**, старший преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru

© Иншаков И.А., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.03.10

К постановке проблемы

Пафос интеллектуального проекта Карла Маркса – и того влияния, которое этот проект оказал и на социальную теорию, и на реальную политику ряда государств на протяжении последних полутора столетий – в гипертрофированном, но оттого наиболее отчетливом виде выражен в знаменитой формуле Ленина: *Учение Маркса всесильно, потому что оно верно* [Ленин, 1973, с. 43]. Действительно, Маркс претендует, хотя и с некоторыми оговорками, о которых пойдет речь ниже, на принципиально новый уровень достоверности своего анализа, а его сторонники – на безусловность политических выводов, основанных на столь серьезном фундаменте. Эта принципиальная новизна своим источником имеет среди прочего противопоставленность подхода Маркса всему, что было написано до него в области философии, экономической теории и теории политики. Это противопоставление необходимо, поскольку предшествующие подходы не просто содержат в себе изъяны или фактические неточности, требующие работы по исправлению, – сама их концептуальная логика оказывается заложницей классовой структуры, исторического праксиса, искажающего восприятие наблюдателя и производящего иллюзии о себе самом [Маркс, Энгельс, 1955 а; Баллаев, 1998]. В частности, широко известен упрек, который Маркс и Энгельс бросают своим предшественникам, выстраивая генеалогию социалистических идей в третьей части «Манифеста Коммунистической партии» [Маркс, Энгельс, 1955 b, с. 448–457]: основоположники марксизма дезавуируют политико-философское мышление Анри Сен-Симона, Роберта Оуэна и Шарля Фурье, атрибутируя ему характеристику *утопического* и противопоставляя ему собственный подход (впоследствии объявленный Энгельсом *научным* [Энгельс, 1961 а]).

Однако это различие оказывается проблематизированным, как только мы вспоминаем о политических целях марксистского проекта (*Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его* [Маркс, 1955 b, с. 4]). Претензия на переустройство мира, исходя из заданной ценностной перспективы (эмансипация рабочего, преодоление классового господства и отчуждения труда и т.д.), попытка увидеть не столько реальные социальные отношения *per se*, сколько

скрывающуюся в них возможность их радикальной трансформации – подобные признаки более характерны для идеологии; или, в терминах Карла Мангейма, для утопии, т.е. функционального инварианта идеологии, установки, нацеленной не на легитимацию, а на «подрыв» социального статус-кво [Мангейм, 1994, с. 164–179]. С другой стороны, для Маркса или других социалистов сама практика оказывается критерием проверки истинности теории [Кумар, 1992], а утопизм проявляется не только в «активистских» призывах к действию, но и в эвристических допущениях [Lassman, 2003]¹. Таким образом, проблема заключается не в требовании строгой дизъюнкции между «научным» и «утопическим» в политическом мышлении Маркса, но, напротив, в неоднозначности соотношения и взаимной обусловленности этих двух начал. Вопрос остается тем более актуальным, что современный марксизм – в разных его версиях – сохраняет претензию на статус *и* научного знания об обществе, *и* социальной программы с потенциалом политической мобилизации (см: [Freeden, Stears, 2013, ch. 2, 20]).

Соответственно, проблема, поставленная в связи с политическим мышлением Маркса, не может быть рассмотрена в изоляции от тех интеллектуальных и политических последствий, к которым она приводит. В связи с этим в данном тексте я не намерен пересказывать аргументы, касающиеся только отношения Маркса к утопии *per se* [Fischbach, 2017] или его сравнения с критикуемыми им социалистами-предшественниками [Oizerman, 2001]. Вместо этого с опорой на социологию науки в версии теории исследовательских программ Имре Лакатоса [Лакатос, 1995] будут проанализированы несколько симптоматичных приемов, используемых Марксом для позиционирования своей теории и «творчески» воспринятых его последователями. Исходя из этого, в первой части

¹ Аргумент Лассмана состоит в следующем: из факта созданности социального мира самими людьми Маркс выводит надежду на его повышенную интеллигибельность (по сравнению с миром природы), а значит, *возможность* социальной науки; *необходимость* же существования такой науки объясняется от обратного – в ее отсутствие мир становится для человека непрозрачным, окруженным классовым иллюзиями, которые, в свою очередь, также обязаны своим существованием факту социального конструирования реальности самими людьми. Таким образом, то, что делает науку о человеческом мире возможной, прямо противоречит тому, что делает ее необходимой, и наоборот; иными словами, теория Маркса – это *когнитивная утопия*.

статьи будут описаны особенности теории Маркса как исследовательской программы, борющейся за «выживание» в разных политических контекстах «советского» и «западного» марксизмов. Во второй части статьи будут зафиксированы утопические коннотации мышления Маркса и их связь с научными элементами на когнитивном и социологическом уровнях, исходя из функционалистского понимания утопии как установки на «подрыв» статус-кво [Мангейм, 1994]. В заключительной части будут суммированы выводы и намечены пути к дальнейшей разработке проблемы.

Наука: от марксизма к Марксу и обратно

В контексте наследия советского опыта «единственно верного учения» – марксизма-ленинизма – первым делом следует подчеркнуть, что в случае самого Маркса *научность* его мышления должна быть понята более тонким образом. Маркс далек от догматики, и свой анализ представляет в первую очередь не как законченную позитивную теорию, но как *критику* – политической экономики, идеалистической философии, буржуазного права и т.д. Более того, развивая критику идеологии, Маркс достаточно осторожно определяет свою позицию – не как идеологическую (что понятно, исходя из политических соображений), но и не как полностью совпадающую с наукой, поскольку единственной социальной наукой является *история* [Маркс, Энгельс, 1955 а, с. 16]. В таком случае описание настоящего в научных терминах может быть понято только как приложение *законов истории*, т.е. законов «*практического процесса развития людей*» [Маркс, Энгельс, 1955 а, с. 26] к конкретному моменту настоящего времени. Таким образом, уже здесь возможно заметить, что критерий демаркации научного знания, вводимый Марксом, логически подразумевает наличие некоторой метафизической, не выводимой напрямую из эмпирического материала, сущности¹ в виде исторических законов.

В то же время, как подчеркивает Реймонд Уильямс, существует важная разница между двумя пониманиями идеи детерминации сознания бытием (или, в более узком социологическом плане,

¹ О противостоянии Марксовой концепции эмпиристскому подходу к истории как к «собранию мертвых фактов» см.: [Баллаев, 1998, с. 69].

надстройки базисом) [Уильямс, 2012]. По мнению Уильямса, понимание детерминации как автоматической, фаталистской зависимости имеет идеалистические и теологические корни и является нерелевантным для марксистского анализа, ставящего в центр внимания практическую деятельность людей. С данной точки зрения *определение*¹ надстройки базисом означает, что последний лишь налагает ограничения на вектор дальнейшего развития при сохранении возможных вариаций; кроме того, базис и надстройка связаны скорее не каузально, а отношениями аналогии и медиации, не говоря уже о временном лаге между изменениями в базисе и соответствующими трансформациями в надстройке.

Иллюстрацией в поддержку тезисов Уильямса может служить симптоматичная оговорка, появляющаяся в текстах позднего Энгельса, о том, что экономические отношения производства и воспроизводства лишь *в конечном счете* являются определяющими в развитии истории, но не могут рассматриваться как единственная и автоматическая движущая сила [Энгельс, 1965 b, с. 394 ; Энгельс, 1966, с. 175]. Аналогичным образом в знаменитом письме Вере Засулич на ее вопрос о судьбе русской общины Маркс отвечает, что выведенная им *историческая неизбежность* экспроприации земледельцев как основы перехода к капиталистическому способу производства, на самом деле, *точно ограничена странами Западной Европы* [Маркс, 1961 а, с. 250].

С точки зрения социологии науки подобные уточнения суть ни что иное, как формирование набора так называемых предохранительных гипотез. Согласно подходу Имре Лакатоса [Лакатос, 1995], любая исследовательская программа, т.е. непрерывная последовательность связанных теорий (в качестве которой может быть рассмотрен марксизм), состоит из *жесткого ядра* принципиальных допущений, не подвергаемых сомнению внутри самой программы, и *предохранительного пояса* вспомогательных гипотез, защищающих основные положения программы от угрозы со стороны накопления противоречащих ей фактов. Условием для выживания исследовательской программы в конкуренции с другими программами является увеличение объема описываемых ею

¹ Именно термином «определять» (нем. *bestimmen*), а не «детерминировать» (английский перевод *determinate*) пользуется сам Маркс (см.: [Уильямс, 2012, с 137]).

фактов (объяснение может либо предвосхищать появление новых фактов, либо объяснять их *post hoc* с помощью добавления новых уточнений – пресловутых предохранительных гипотез). Нечто подобное, комментируя Маркса, отмечает и Йозеф Шумпетер: *Факты подобного рода [не описываемые теорией Маркса напрямую. – И. И.], несомненно, можно включить в общую теорию с помощью вспомогательных гипотез, однако необходимость включения подобных гипотез обычно означает начало конца самой теории. Многие другие трудности, возникающие при попытках исторической интерпретации на основе Марксовой схемы, могут быть преодолены, если признать некоторую степень взаимодействия между сферой производства и прочими сферами общественной жизни. Однако чары, окружающие фундаментальную истину, зависят как раз от точности и простоты утверждаемого ею одностороннего отношения. Если же оно ставится под вопрос, то экономическая интерпретация истории должна будет занять свое место среди прочих теорий такого же рода – в качестве одной из многих частичных истин – или уступить дорогу другой, способной возвестить более фундаментальную истину* [Шумпетер, 2008, с. 386].

Из этой перспективы классическое разделение между «советским» и «западным» марксизмом обретает не только политическое, но и эвристическое измерение. С одной стороны, исследовательская программа марксизма движется в сторону расширения объема описываемых фактов – в первую очередь, на уровне *диалектического* материализма Энгельса, распространившего категории *исторического* материализма Маркса на описание не только общества, но и природы [Энгельс, 1961 b]. Именно эта тенденция главным образом находит свое воплощение в опыте советского марксизма, который благодаря специфической констелляции политических условий смог окончательно закрепить свое «учение» в ранге всеобъемлющей, универсально истинной научной системы, а затем и официальной государственной идеологии¹. В этот момент связь между исследовательской программой и миром начинает работать в обратную сторону: теория действительно объясняет факты опережающим образом, но не столько в силу внутренней консистентности своих «ядерных» положений, сколько в силу

¹ Конституция СССР. 1977. Ст. 6.

того, что предпринимаются попытки выстроить реальность *в соответствии с теорией*.

С другой стороны, западный марксизм, развиваясь в совершенном ином политическом и экономическом контексте капиталистических либеральных демократий, во-первых, воочию сталкивается с изменениями в окружающей его социальной реальности, а во-вторых, не может позволить себе игнорировать их и авторитарным образом утвердить, что «учение Маркса верно, *потому что оно (политически) всеильно*». Исходя из этого, западная традиция становится воплощением второй тенденции в исследовательской программе марксизма. Она идет по пути радикального расширения пояса «предохранительных гипотез»¹ – вводя концепты культурной гегемонии, бесклассового общества, мир-системы – вплоть до столкновения с классической проблемой «корабля Тесея» (см. разворачивание этой метафоры в: [Родионова, Смирнов, 2022]), когда сами нео- / постмарксистские теоретики вынуждены поставить вопрос о том, есть ли еще что-то общее между современным марксизмом и Марксом [Жижек, 2002]. Подлинно проблемное звучание данный вопрос приобретает, когда речь идет об эмансипирующем потенциале марксизма, о реартикуляции его гуманистических интуиций на фоне доминирования структуралистских подходов в критической теории в последние десятилетия [McCarthy, 2012] и общей «меланхолии левых» [Traverso, 2016], будто бы готовых признать историческую финальность капитализма. Именно поворот к «чистой» академической критике в рамках Франкфуртской школы рассматривается рядом авторов как симптом кризиса всей западной марксистской традиции [Андерсон, 2016 ; Стюарт, 2018]. Существование этих дискуссий заставляет нас обратить внимание

¹ Это не значит, что советский марксизм как исследовательская программа не прибегает к этому способу – достаточно вспомнить концепции «слабого звена империализма» Ленина или «усиления классово-борьбы» Сталина. Однако в политических условиях СССР уровень «риска» для программы марксизма в связи с наличием не интерпретируемых ею фактов принципиально ниже в силу отсутствия равнозначных «конкурентов». Поэтому, если западный марксизм вынужден «защищаться», то советский может позволить себе перейти в концептуальное «наступление» на мир и в полном смысле реализовать идею афоризма, необоснованно приписываемого Гегелю: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

на вторую сторону мышления Маркса, от которой сам он всегда стремился дистанцироваться, – утопичность.

Утопия: стратегия работы с текстом и социальная функция

Общим местом является тот факт, что политически Маркс (особенно в ранние годы) опирается на традицию французского социализма, экономически – на английскую политэкономия и, наконец, философски – на немецкую классическую философию в лице Георга Гегеля. Столь же общеизвестной является трактовка последней из упомянутых связей через призму, заданную Марксом в его знаменитой формуле: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [Маркс, 1961 b, с. 9]. В этой метафоре «переворачивания» предполагается, что замена «духа» на «природу» (или, в иных аспектах, на «капитал») на уровне онтологии гегелевской диалектики позволяет, наконец, получить абсолютно истинную (материалистическую) картину мира за счет *правильного* использования диалектического метода, ведь как таковой он является в высшей степени точным инструментом. Обратим внимание, что Марксова стратегия работы с Гегелем сама по себе глубоко метафизична: в том, что *уже* признается (Марксом же) мистическим и метафизичным, требуется отыскать некоторое еще более глубинное, еще более замаскированное и таящее некие сакральные секреты об устройстве реальности «зерно» – причем таким образом, чтобы как раз уйти от этой гегелевской метафизики. Таким образом, еще не в социологическом, но в когнитивном смысле (по аналогии с тем, как говорит об этом Питер Лассман в аргументе, представленном выше) можно полагать такую стратегию утопичной. Не случайно Мишель Фуко с постструктуралистских позиций критикует Маркса за то же, что и у Гегеля, интенцию выявления якобы наличествующего, но скрытого «внутреннего смысла» всех социальных феноменов, дедуктивного объяснения элементов системы, исходя из ее общего универсального «кода» (см.: [Olssen, 2004]).

Далее важно то, что если подобные онтологические спекуляции «переставления-с-головы-на-ноги» относительно легко

осуществимы в отношении мира так называемых «естественных» фактов (что позволяет Энгельсу развивать диалектический материализм как учение об устройстве природы), то в плоскости социальных отношений подход Гегеля оказывается куда менее подверженным трансформации, и Марксу приходится воспринимать его концептуальную логику при несогласии с гегелевскими политическими выводами. Речь идет о знаменитой гегельянской диалектике раба и господина: первоначально раб уступает господину право господствовать над собой, не в силах побороть страх смерти, но затем сам становится источником преобразования себя и окружающего мира, пока в высшей точке этого процесса не свергает и не заменяет господина, лишённого возможности развития. Де-факто Маркс историзует философскую концепцию Гегеля, помещая противостояние раба и господина в формат классовой борьбы и смены соответствующих общественно-экономических формаций под влиянием *ненаблюдаемой, но объективно действующей силы* в форме исторических законов.

Таким образом, восприятие истории Марксом проникнуто гегельянской телеологией и содержит предпосылку о существовании некоторой метафизической инстанции – если не столь же «субъектной», как Абсолютный дух Гегеля или Бог в ортодоксальном христианстве, то, по крайней мере, столь же абстрактной, как «невидимая рука» рынка Адама Смита. Более того, концепция Маркса включает и одну из наиболее спорных с гуманистической точки зрения интуиций Гегеля – идею о «хитрости мирового разума», согласно которой логика мировой истории прокладывает себе путь, используя страсти и частные интересы индивидов, в то время как последние *приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов* [Гегель, 2000, с. 84]; так *всевозможные жертвы на обширном алтаре земли* в конечном итоге служат единой цели истории – раскрытию свободы [там же, с. 72]. Аналогичным образом у Маркса – особенно в работах раннего, «гегелевского» периода – постоянно встречается мысль о том, что именно максимальное обострение классовой борьбы [Маркс, Энгельс, 1955 b], достижение крайнего предела угнетения пролетариата [Маркс, 1955 a] способны привести к последней, самой радикальной эмансипирующей революции человечества (см. также: [Balibar, 2007]).

Политическим следствием Марксовой теории становится ее мобилизационный потенциал, основанный на убеждении в том, что она корректно описывает современную действительность как несправедливую и требующую преодоления, а также способна к разработке механизмов этого преодоления (см. уже цитированный выше 11-й тезис о Фейербахе: дело заключается в том, чтобы *изменить* мир). В таком случае политическое мышление Маркса оказывается по определению утопическим – в социологическом, функциональном понимании этого термина, как его развивает Карл Мангейм: утопия – это внешняя по отношению к наличной реальности ситуация, которая, *переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей* [Мангейм, 1994, с. 164]. С функциональной точки зрения [Мангейм, 1994, с. 167–170] становится неважным конкретное смысловое наполнение утопии, равно как и то, что это наполнение выводится путем «строгого социального анализа» окружающей действительности взамен отстраненного философствования; наконец, не важны эксплицитные упреки носителя утопического мышления по отношению к другим «утопистам» (см. атаку на представителей «критически-утопического социализма» в: [Маркс, Энгельс, 1955 б, с. 455–457]).

В защиту Маркса следует отметить, что он не делает заключительного шага в этом направлении, который порой приписывается ему его либеральными критиками [Поппер, 1992]: воспринимая, в целом, телеологическую логику истории, он не пытается описать конечный пункт этого движения. «Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм *не есть цель человеческого развития*» [Маркс, 1961 с, с. 115] (курсив мой. – *И. И.*); сама история начнется только после уничтожения классового господства, и потому она принципиально непредсказуема из перспективы сегодняшнего «доисторического» момента. Этот ход позволяет Марксу избежать характерной для телеологической установки ошибки – соблазна объявить произвольно выбранный период «концом истории» (эту ошибку совершает Гегель, и ее же воспроизводит в форме самого известного в политической науке несбывшегося прогноза Фрэнсис Фукуяма [Fukuyama, 1989]). Отчасти это отрицание фиксированного, априори известного идеала уже закладывает основы для «негативной диалектики» Теодора Адорно – признания того, что

диалектика как конфликт *не может иметь окончательного разрешения*, что тезис и антитезис не снимаются в гармоничном синтезе, но порождают новое отрицание [Адорно, 2003].

Действительно, представители Франкфуртской школы вынуждены переосмысливать Маркса вовсе не из-за якобы данного им детального описания коммунистического «рая на земле». В утопической мобилизационной триаде «описание существующей действительности (А) – описание нормативно желаемого образа действительности (В) – описание механизмов перехода из состояния А в состояние В» их гораздо больше тревожит третий пункт. В этом пункте *парадоксальным образом смыкаются научное и утопическое мышление Маркса*: научный уровень анализа становится залогом гарантированного достижения утопического идеала в будущем, ведь теперь этот анализ выражает не субъективные гуманистические чаяния авторов, а объективный и неизбежный ход развития истории.

Подобное смешение имеет, с точки зрения критических теоретиков, далеко идущие последствия [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Диктат разума, свойственный эпохе Просвещения, в их глазах оказывается ответственным за политические катастрофы XX в., и в первую очередь за конститутивный для европейского сознания опыт Второй мировой войны и Холокоста – и нет оснований не видеть те же рационализаторские коннотации в подходе Маркса, в этом аспекте целиком воспринявшего культ разума Просвещения [see Olssen, 2004]. Иными словами, *утопическими* (уже в собственно марковом, негативном смысле слова) оказываются попытки Маркса полностью переосмыслить наследие новоевропейской философии. В таком случае движение в сторону подлинного материализма *только начинается, а не заканчивается* Марксом¹.

¹ С этой точки зрения следующими шагами в развитии материалистической установки можно считать целую плеяду исследовательских подходов XX в., которые гораздо более радикально переносят фокус внимания на материальную сторону социальных явлений – от анализа дисциплинарной власти Фуко и теории пространства Бурдьё до теории фреймов Гоффмана и объектно-ориентированной онтологии.

Теология: продолжающаяся археология мышления

В данной статье было продемонстрировано, что мышление Маркса как социального и политического теоретика содержит в себе *как* научные, *так и* утопические компоненты. Более того, оппозиция между научным и утопическим мышлением, заявляемая Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», не свойственна для самого Маркса. Если в его случае научный анализ и выступает «противодействующей силой» по отношению к утопическому мышлению, то только в подлинно архитектурном смысле, где *контрфорс* служит для укрепления основной несущей конструкции. Синтез этих двух начал ясно заметен в плоскости политических импликаций ортодоксального марксизма: де-факто речь идет об историзации гегелевской философской диалектики раба и господина методами «научного анализа», с соответствующим элементом политической мобилизации. Но точно так же этот синтез оказывает влияние и на марксизм как научный подход: в условиях СССР, где марксизм-ленинизм становится *победившей утопией* (или, в терминах Карла Мангейма, *идеологией*), его исследовательская программа развивается совсем иным способом, нежели в странах обобщенного «Запада», где неомарксисты вынуждены идти по пути широкой ревизии Маркса – вплоть до отказа от пресловутых «подрывных» утопических установок и сознательного перехода к чисто академической работе.

В то же время анализ мышления Маркса не может быть ограничен только этими двумя аспектами. Последовательная постановка вопросов об утопических предпосылках политического мышления приводит нас к первоисточнику этих установок в европейской философии – христианскому теологическому мышлению. Так, Карл Мангейм в своем анализе идеологий показывает, как раннее утопическое мышление в Европе черпает свои истоки в *оргастическом хиллизме* анабаптистов [Мангейм, 1994, с. 161–166]. Аналогичным образом существуют утверждения о рецепции самим Марксом доктрины немецких пиетистов, в том числе в вопросах приоритета практики перед учением и права на сопротивление властям [Крылов, 2012]. В зафиксированном выше марксистском осмыслении хода мировой истории через негативность, ожидание перехода к коммунизму через абсолютную нищету и отчуждение угнетенных, через финальное обострение классовых

противоречий и «последнюю революцию» отчетливо проявляется эсхатологический мотив, свойственный многим религиям – ожидание конца света либо в форме мессианского искупления и Страшного суда над грешниками и праведниками, либо в форме финальной битвы добра со злом. Наконец, уже после Маркса напрямую артикулируются идеи о возможности совмещения социальных и методологических импликаций его подхода с этическими и даже метафизическими основами христианского учения, известные как *теология освобождения* (см.: [Gutierrez, 1988]).

Как и в случае с отношениями науки и утопии, указание на присутствие третьего компонента не обесценивает наличие первых двух, но позволяет лучше понять их функцию и значение в мышлении Маркса, а также исходящие из этого интеллектуальные и социальные последствия, особенно в эпоху «постсекулярного поворота» [Узланер, 2020] в XXI в. Если Маркс стремился избежать догматизма завершеного учения с однозначными выводами (см. его знаменитое *Я не марксист* [Энгельс, 1965 а, с. 370]), то тем более этого догматизма следует избегать тем, кто стремится прояснить логическую структуру Марксова мышления.

I.A. Inshakov*
**Interrelation of Scientific and Utopian Elements
in the Political Thinking of Karl Marx**

Abstract. It is well known that Karl Marx distinguished his theory from both pure «science» and from the «utopianism» inherent in his predecessors. Paradoxically, these two elements constitute the thinking of Marx himself, being with each other in a complex interaction, the specifics of which this article is intended to reveal. To this end, the author distances himself from the classical political-philosophical debate about the relationship between Marx and the «utopian socialists» criticized by Marx. Instead, it is proposed to consider Marx's approach as a «research program» (Imre Lakatos), a «cognitive utopia» (Peter Lassman) and a «functional utopia» (Karl Mannheim). Basing on this analysis, features in the development of «Soviet» and «Western» Marxism are briefly traced. In conclusion, a further direction of Marx's analysis is proposed through the study of the third – theological – component of his thinking.

Keywords: Utopia; ideology; Karl Marx; Marxism; sociology of science.

* Inshakov Ilya, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru

For citation: Inshakov I.A. Interrelation of Scientific and Utopian Elements in the Political Thinking of Karl Marx. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 213–229. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>

References

- Adorno T. *Negative Dialectics*. Moscow: Scientific World, 2003. 374 p. (In Russ.)
- Anderson P. *Considerations on Western Marxism*. Moscow: Commom place, 2016, 350 p. (In Russ.)
- Ballaev A.B. The problem of ideology in the work of Karl Marx. *History of philosophy*. 1998, Vol. 3, P. 55–75. (In Russ.)
- Balibar E. *The Philosophy of Marx*. London, New York: Verco, 2007, 139 p.
- Engels F. Socialism: utopian and scientific. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 a, Vol. 19, P. 185–230. (In Russ.)
- Engels F. Dialectics of Nature. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 b, Vol. 20, P. 339–626. (In Russ.)
- Engels F. To Conrad Schmidt. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965 a, Vol. 37, P. 369–372. (In Russ.)
- Engels F. To Joseph Bloch. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965 b, Vol. 37, P. 393–397. (In Russ.)
- Engels F. To W. Borgius. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1966, Vol. 39, P. 174–177. (In Russ.)
- Fischbach F. Marx and Utopia. In: Chrostowska S.D., Ingram J.D. (eds.) *Political uses of utopia: new marxist, anarchist, and radical democratic perspectives*. New York: Columbia university press, 2017, P. 162–171.
- Freeden M. Stears M. (eds). *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford: Oxford university press, 2013, 752 p.
- Fukuyama F. The End of History? *The national interest*. 1989, Vol. 16, P. 173–189.
- Gutierrez G. *A theology of liberation: History, politics and salvation*. New York: Orbis, 1988, 264 p.
- Hegel G.W.F. *Lectures on the philosophy of history*. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Horkheimer M., Adorno T. *Dialectic of enlightenment*. Moscow, Saint Petersburg: Medium, Uwenta, 1997, 312 p. (In Russ.)
- Krylov P.V. «Liberation theology» and the views of its representatives on the concept of world history. *Religion. Church. Society*. 2012, Vol. 1, P. 151–178. (In Russ.)
- Kumar K. Marxism and Utopia. *Social sciences and contemporary world*. 1992, N 3, P. 125–135. (In Russ.)

- Lakatos J. *Falsification and the methodology of scientific research programmes*. Moscow: «Medium», 1995, 236 p. (In Russ.)
- Lassman P. Political theory as utopia. *History of the human science*. 2003, Vol. 16, N 1, P. 49–62.
- Lenin V.I. The three sources and three component parts of marxism. In: Lenin V.I. (eds). *Works. Fifth edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973, Vol. 23, P. 40–48. (In Russ.)
- Mannheim K. Ideology and utopia. In: Mannheim K. (ed.). *Diagnosis of our time*. Moscow: Jurist, 1994, P. 7–411. (In Russ.)
- Marx K. Critique of Hegel's philosophy of right. Introduction. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 a, Vol. 1, P. 414–429. (In Russ.)
- Marx K. Theses on Feuerbach. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 b, Vol. 3, P. 1–4. (In Russ.)
- Marx K. The Replay to Zasulich. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 a, Vol. 19, P. 250–251. (In Russ.)
- Marx K. Capital. Volume I. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 b, Vol. 23. (In Russ.)
- Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 c, Vol. 42, P. 41–174. (In Russ.)
- Marx K, Engels F. The German Ideology. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 a, Vol. 3, P. 7–544. (In Russ.)
- Marx K, Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 b, Vol. 4, P. 419–459. (In Russ.)
- McCarthy C. Review on «Utopianism and Marxism» by Vincent Geoghegan. *Utopian studies*. 2012, Vol. 23, N 2, P. 543–546.
- Oizerman T. Marxism and utopianism. *Russian studies in philosophy*. 2001, Vol. 39, N 4, P. 54–79.
- Olssen M. Foucault and marxism: rewriting the theory of historical materialism. *Policy futures in education*. 2004, Vol. 2, N 3–4, P. 454–482.
- Popper K. *The Open society and its enemies. Vol. 2*. Moscow: Phoenix, International Fund «Kul'turnaia initsiativa», 1992, 528 p. (In Russ.)
- Rodionova M.M., Smirnov N.M. The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia*. 2022, № 3 (106), P. 6–27. (In Russ.)
- Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. In: Schumpeter J. (ed.). *The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Eksmo, 2008, P. 361–824. (In Russ.)

- Stuart J. *Grand hotel abyss. The lives of the Frankfurt school*. Moscow: Ad Marginem, 2018, 448 p. (In Russ.)
- Traverso E. *Left-Wing Melancholia*. New York: Columbia university press, 2016, 320 p.
- Uzlaner D. *Post-secular Turn. How to Think about Religion in the 21 st Century*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020, 416 p. (In Russ.)
- Williams R. Base and Superstructure in Marxist Cultural Theory. *Logos*. 2021, N 1 (85), P. 136–156. (In Russ.)
- Žižek S. Can lenin tell us about freedom today? *Logos*. Archive, 2002. Mode of access: https://ruthenia.ru/logos/kofir/2002/2002_09.htm (accessed: 06.05.2023). (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адорно Т.* Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. – М.: Common place, 2016. – 350 с.
- Баллаев А.Б.* Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // *История философии*. – 1998. – Вып. 3. – С. 55–75.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.
- Жижек С.* Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? // *Логос. Портфель*. – 2002. – Режим доступа: https://ruthenia.ru/logos/kofir/2002/2002_09.htm (дата посещения: 06.05.2023).
- Крылов П.В.* «Теология освобождения» и взгляды ее представителей на концепцию мировой истории // *Религия. Церковь. Общество*. – 2012. – Вып. 1. – С. 151–178.
- Кумар К.* Марксизм и утопия // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 3. – С. 125–135.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
- Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – С. 40–48.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–411.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 а. – Т. 1. – С. 414–429.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 б. – Т. 3. – С. 1–4.
- Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 а. – Т. 19. – С. 250–251.

- Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 б. – Т. 23. – 907 с.
- Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года / *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 с. – Т. 42. – С. 41–174.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 а. – Т. 3. – С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 б. – Т. 4. – С. 419–459.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
- Родионова М.М., Смирнов Н.М.* Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории // *Полития.* – 2022. – № 3 (106). – С. 6–27.
- Стюарт Дж.* Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. – М.: Ад Маргинем, 2018. – 448 с.
- Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 416 с.
- Уильямс Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры // *Логос.* – 2012. – № 1 (85). – С. 136–156.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
- Шумпетер Й.А.* Капитализм социализм и демократия // *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 361–824.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 а. – Т. 19. – С. 185–230.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 б. – Т. 20. – С. 339–626.
- Энгельс Ф.* Конраду Шмидту // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965 а. – Т. 37. – С. 369–372.
- Энгельс Ф.* Йозефу Блоху // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965 б. – Т. 37. – С. 393–397.
- Энгельс Ф.В.* Боргиусу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. – Т. 39. – С. 174–177.

А.Н. ШИЛИНА*

АФФЕКТ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНТЕРНЕТ-ТРОЛЛИНГА¹

Аннотация. В фокусе исследования находятся два вида политической поляризации (аффективная и поляризация политических позиций), которые рассматриваются как факторы восприятия политического интернет-троллинга. Цель исследования – определить, какой из факторов сильнее влияет на восприятие оппозиционного и провластного троллинга. В ходе исследования был проведен опрос (N = 200) среди пользователей социальной сети «ВКонтакте». При составлении опроса использовался метод виньеток, который позволил создать примеры дискуссий с элементами троллинга. Виньетки были составлены с опорой на основные индикаторы троллинга: провокация (агрессия), высмеивание (сарказм), спам, маркирование и шаблонность. Зависимой переменной стал ответ респондентов, которые в ходе опроса решали, какой пример дискуссии отнести к троллингу. Респондентам также задавались вопросы, которые позволили определить их политические представления и уровень воспринимаемой аффективной поляризации. На основе их ответов были получены две ключевые независимые переменные – дистанция между позицией респондента и тролля и средний уровень воспринимаемой аффективной поляризации. Влияние этих переменных на восприятие троллинга было изучено с помощью пробит-регрессии со смешанными эффектами. В результате мы определили, что с ростом дистанции между позицией респондента и тролля возрастает вероятность того, что участник опроса распознает троллинг. Другими словами, мы наблюдаем статистически значимый эффект полярности политических позиций на восприятие троллинга. Предпо-

* **Шилина Анна Николаевна**, аналитик Института прикладных политических исследований, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: ashilina@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00079, <https://rscf.ru/projects/21-78-00079/>

жение о влиянии аффективной поляризации на ответы респондента не подтвердилось. Полученные результаты указывают на вторичность аффективных факторов в сравнении с политико-идеологическими.

Ключевые слова: аффективная поляризация; политические представления; интернет-троллинг; политические коммуникации; восприятие информации; социальные медиа.

Для цитирования: Шилина А.Н. Аффект или идеология: влияние политической поляризации на восприятие интернет-троллинга // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 230–251. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.11>

Введение

Сегодня повестка в СМИ и социальных медиа как никогда ранее подвержена активному вмешательству со стороны неаутентичных аккаунтов, наибольшее распространение среди которых получили интернет-тролли. Тролли – это пользователи социальных сетей, зачастую скрывающиеся за фейковыми аккаунтами. Они провоцируют спор, публикуя агрессивные сообщения для того, чтобы высмеять или оскорбить собеседника. Тролли могут преследовать несколько целей и выполнять различные задачи, в том числе коммерческие, начиная с поддержки или подрыва чьей-либо репутации и заканчивая созданием положительного или отрицательного образа публичного лица, организации или страны. В целом этот тип пользователей социальных сетей является механизмом манипулирования социальной, политической и иными типами повестки.

Политический интернет-троллинг оказался предметом оживленной дискуссии между исследователями из разных областей. Политологи изучают участие интернет-троллей в политическом процессе [Golovchenko et al., 2020] (см. также: [Gunitsky, 2015]); психологи пытаются объяснить долгосрочные и краткосрочные эффекты, возникающие в результате взаимодействия пользователей с интернет-троллями [Herring et al., 2002]; лингвисты изучают влияние языка троллей на аудиторию [Kwon, Cho, 2017, p. 88]. Исследователей объединяет стремление концептуализировать и выявить троллинг, в связи с чем детекция троллинга зачастую оказывается в центре исследования и является даже его предметом. Но в погоне за детекцией троллинга вне фокуса исследования зачастую остается другая сторона политической коммуникации – в лице тех,

кто является объектом либо свидетелем троллинга. Троллинг – это паттерн поведения, являющийся в представлении аудитории агрессивным, неуважительным, неприемлемым. Но почему одни и те же сообщения политического характера воспринимаются одной аудиторией как троллинг, а другие – как шутка? Какие именно факторы обуславливают восприятие политического интернет-троллинга?

Предшествующие исследования показали, что восприятие троллинга в существенной мере зависит от сходства политической позиции автора сообщения и читателя. В частности, для оппозиционных респондентов была выявлена статистически значимая взаимосвязь между позициями тролля и респондента, с одной стороны, и способностью последнего распознавать троллинг – с другой [Стукал, Шилина, 2022]. При этом для провластных респондентов аналогичную закономерность выявить не удалось.

В качестве объяснения описанных различий в факторах восприятия троллинга у провластно и оппозиционно настроенных пользователей предшествующие исследования выдвинули гипотезу о значимости аффективной поляризации, которая может быть выше у оппозиционеров и ниже у провластно настроенных респондентов. Эта гипотеза, однако, не получила до сих пор эмпирической проверки. В данном исследовании мы заполняем указанную лакуну и исследуем объяснительный потенциал аффективной поляризации как фактора различий в восприятии троллинга провластными и оппозиционно настроенными пользователями социальных сетей. Помимо аффективного фактора мы также раскрываем роль идеологического фактора, выходя за рамки бинарной оппозиции «свой – чужой», и учитываем различия политических позиций тролля и пользователя социальной сети на шкале одобрения руководства страны.

Данная работа опирается на онлайн-опрос пользователей социальной сети «ВКонтакте» (N = 200). В ходе опроса респондентам задавались вопросы, разработанные специально для получения информации об одобрении респондентами руководства страны, их восприятии политических позиций авторов политических сообщений в социальной сети, а также восприятию уровня аффективной поляризации в обществе. В основной части опроса участникам были показаны виньетки-дискуссии с элементами провластного и оппозиционного троллинга. На основе полученных ответов иссле-

довались факторы, определяющие склонность респондентов относиться к троллингу одни примеры и не относить другие. Инструментально исследование опирается на использование пробит-регрессии со смешанными эффектами, в которой в качестве зависимой переменной выступает ответ респондента на вопрос, является ли отмеченный на виньетке пользователь интернет-троллем; объясняющие переменные измеряли политическую позицию респондента (провластный / оппозиционный), дистанцию между политической позицией респондента и тролля, а также восприятие респондентом уровня аффективной поляризации в обществе.

Проведенный анализ выявил устойчивую взаимосвязь между восприятием виньеток-сообщений в качестве троллинга и разницей в позициях троллей и участников опроса, в то время как эффект воспринимаемого уровня аффективной поляризации в обществе оказался незначимым.

Полученные в данном исследовании результаты, во-первых, указывают на вторичность аффективных политических факторов в восприятии политического троллинга по сравнению с политико-идеологическими факторами. Принимая решение о том, считать ли то или иное сообщение проявлением троллинга, респонденты в первую очередь обращали внимание на сходство своих политических позиций с позицией автора сообщения. Ощущаемый ими уровень аффективной поляризации не оказывал статистически значимого эффекта на их ответы.

Во-вторых, несмотря на то что в этой работе не было получено подтверждений ранее высказанной в литературе гипотезы о том, что различия оппозиционно и провластно настроенных респондентов в восприятии политических троллей обусловлены аффективной поляризацией, представленные здесь результаты подтверждают на новом эмпирическом материале существование различий в восприятии троллинга носителями разных политических взглядов. В частности, мы показываем, что сторонники руководства страны с большей вероятностью распознают троллинг в представленных примерах-виньетках. Этот результат указывает на существенные различия в восприятии границ допустимых политических высказываний сторонниками и противниками руководства страны.

В-третьих, в методологическом плане в этой работе представлена методика измерения политических позиций респондентов

и воспринимаемых ими позиций авторов политических текстов на единой шкале. Эта методика представляет интерес за рамками исследований политического троллинга и может применяться для анализа политических позиций различных групп акторов.

Во втором разделе обсуждаются возможные политические и аффективные факторы восприятия троллинга, а также формулируются некоторые гипотезы. В третьем разделе описываются анализируемые данные и методы эмпирического исследования. Четвертый раздел представляет полученные результаты. В заключении обсуждаются возможные направления дальнейших исследований.

Политические и аффективные факторы восприятия политической информации

Особенности восприятия информации начали вызывать интерес у политологов, когда стало ясно, что медиа-контент (в частности, пропаганда) неодинаково влияет на людей [Hovland, Lumsdaine, Sheffield, 1949]. Г. Хартманн отмечал, что пропаганда эффективна только в том случае, если она соответствует «существующим желаниям, чувствам, предрассудкам, интересам... тех, на кого она направлена» [Hartmann, 1938, p. 98]. В результате исследований, которые были нацелены на поиск объяснения различий в восприятии людьми информации, была сформулирована теория селективного восприятия. В центр исследования теория селективного восприятия ставит индивида, в том числе его политические представления, которые могут повлиять на восприятие [Ball-Rokeach, 1998, p. 6]. Сторонники этой теории подчеркивали, что наше видение мира, представления об увиденном – это дело привычки. Индивиды «могут приучиться видеть и слышать вещи почти так же, как они могут приучиться подергивать коленом или моргать», – писали Дж. Брунер и С. Гудман [Bruner, Goodman, 1947, p. 34]. При этом, в отличие от зрения, слуха и обоняния, восприятие – это своеобразный компромисс между нашими органами чувств и представлениями. Последние могут позволять человеку игнорировать некоторые сигналы, поступающие из органов чувств. Но в какой мере восприятие опосредуется и управляется представлениями?

Для обозначения информации, которая не будет проигнорирована и запомнится аудиторией, в теории селективного восприятия выделяют понятие заметных сообщений (*salient messages*). В этой работе в качестве таких сообщений рассматриваются те, в которых участник исследования распознал интернет-троллинг. Мы используем такие сообщения для того, чтобы выявить факторы, объясняющие, почему одни сообщения стали заметными для некоторых респондентов, а другие – нет.

При объяснении вариации в реакции респондентов на различные сообщения мы отталкиваемся от того, что у человека есть сложившиеся представления и аттитюды, которые определяют различия между индивидами и, как следствие, селективность в их восприятии [Ball-Rokeach, 1998, p. 6]. Этот тезис хорошо иллюстрируют результаты исследований Т. Коффина в первой половине прошлого века, согласно которым вера в пропаганду связана с начальными установками человека, в зависимости от которых он может быть более или менее внушаемым [Coffin, 1941, p. 45]. Мы берем за основу теоретический тезис о влиянии представлений на восприятие политической информации и изучаем, как сложившиеся политические представления могут повлиять на восприятие интернет-троллинга и какой посыл будет признан заметным под влиянием определенных политических взглядов.

В ходе предшествующих исследований были получены систематические свидетельства селективности восприятия троллинга сторонниками власти и оппозиции [Стукал, Шилина, 2022]. В частности, было показано, что в восприятии троллинга ключевую роль играет принадлежность тролля к «чужим» или «своим». Что, однако, стоит за наблюдаемой селективностью? Обусловлена ли она эвристикой, с помощью которой респондент редуцирует сложность политической реальности и маркирует участников политической коммуникации как «чужих» или «своих»? Или же речь идет о проявлении аффекта, за которым скрывается потенциал высокой политической поляризации [Tajfel, 1970, p. 96]?

Гипотеза об эвристическом характере селективности в восприятии политической информации тесно связана с поляризацией политических позиций (для краткости часто именуемой идеологической поляризацией), которая определяется как «разница в позициях относительно политического курса» и основывается на расколах в обществе [Iyengar et al., 2019, p. 131]. Альтернативный

объяснительный механизм селективного восприятия основан на другом виде поляризации – аффективной поляризации или, как определял ее С. Айенгар, чувстве приближенности, «позитивном отношении» к своей группе и «негативном отношении к тем, кто был идентифицирован как сторонник другой группы» [Yuengar, Sood, Lelkes, 2012, p. 406]. В аффективной поляризации, по сравнению с поляризацией политических позиций, большую роль играют эмоции, «группоцентрические импульсы», которые стимулируют противопоставление групп на основе принципов, а не рациональности [Ibid.]. Проявляется аффективная поляризация не только в чувстве принадлежности к определенной группе, но и во враждебном восприятии оппонентов [Reiljan, 2020, p. 376].

Ряд исследователей использовали понятие поляризации политических позиций для объяснения различий в степени вовлеченности сторонников некоторых партий в обсуждение политических вопросов в социальных сетях [Koironen et al., 2020], изучали взаимосвязь между идеологической поляризацией судей Верховного суда США и принятием решений в контексте американской политики [Clark, 2008]. Тем не менее, несмотря на широкий академический консенсус относительно потенциала влияния поляризации политических позиций на различные аспекты политических процессов [Dalton, 2006], все больше аргументов высказывается в пользу высокого объяснительного потенциала аффективной поляризации.

До недавнего времени аффективная поляризация исследовалась преимущественно на американском эмпирическом материале [Yuengar, Sood, Lelkes, 2012, p. 405–431] (см. также: [Tappin, McKay, 2019]); лишь в последние годы появились работы, выполненные на европейском и российском материале. Например, Ш. Вествуд и его коллеги исследовали характер общественных расколов в Великобритании, Бельгии и Испании и показали, что доверие зависит от степени сходства политических позиций респондентов; респонденты, принимая решение, кому доверять, ориентировались не на социально-экономические характеристики (принадлежность к рабочему классу, национальность, родной язык и проч.), которые могли бы определять их идеологические представления, а на принадлежность оппонента к «своим» по партийной линии [Westwood et al., 2018]. М. Хелблинг и С. Юнгкунц пришли к схожим выводам, изучая аффективную поляризацию в Германии и Австрии, и

показали, что противостояние между людьми с противоположными политическими взглядами намного сильнее, чем, например, между людьми разной этнической принадлежности [Helbling, Jungkunz, 2020]. Стукал и другие использовали российско-белорусский эмпирический материал для исследования того, как аффективная поляризация, проявляющаяся через язык вражды, позволяет выявить линии общественного раскола и их динамику [Стукал, Ахременко, Петров, 2022].

В этом исследовании два типа поляризации противопоставляются в контексте факторов селективного восприятия политического интернет-троллинга. Следуя логике поляризации политических позиций, мы исходим из того, что люди с большим доверием относятся к сообщениям, которые соотносятся с их изначальными представлениями [Pearson, Knobloch-Westerwick, 2019, p. 468], а также из того, что оппозиционно и провластно настроенные респонденты по-разному воспринимают троллинг в поддержку различных политических позиций [Стукал, Шилина, 2022]. В связи с этим мы формулируем первую гипотезу:

H1: Чем сильнее политическая позиция респондента отличается от позиции автора комментария, тем вероятнее, что респондент назовет этого автора троллем.

Поскольку результаты предыдущего исследования на основе бинарной шкалы политических позиций (сторонник власти vs. сторонник оппозиции) продемонстрировали значимую селективность в восприятии лишь оппозиционно настроенных респондентов, объяснив это влиянием аффективной поляризации [Стукал, Шилина, 2022], мы ожидаем, что для оппозиционно настроенных пользователей уровень воспринимаемой аффективной поляризации будет играть более важную роль при определении того, отнести ли собеседника к категории троллей. Поэтому мы предполагаем, что:

H2: У оппозиционных пользователей воспринимаемый уровень аффективной поляризации в обществе играет более значимую роль в селективном восприятии политического интернет-троллинга, чем у провластных пользователей.

Эмпирическое подтверждение этой гипотезы будет указывать не только на значимую роль аффективных факторов восприятия политической информации, но и на систематические различия

сторонников и противников действующего руководства страны с точки зрения потребления политической информации.

Данные и методы

В эмпирических исследованиях широко распространен подход к измерению идеологической позиции респондента в одномерном спектре политических взглядов (от «крайне левого» до «крайне правого» полюса), исходя из самостоятельной оценки респондентом своей поддержки того или иного политического курса [Dalton, 2006, p. 7]. Вопрос о близости позиции респондента к левому или правому полюсу встречается как в исследованиях отдельных стран¹, так и в международных исследованиях (например, в опроснике Всемирного обзора ценностей)². В некоторых работах утверждается, что лево-правая шкала может считаться универсальной при условии, что идентификация полюсов учитывает страновые особенности (т.е. конкретный смысл, вкладываемый в левый и правый полюсы, зависит от политического контекста конкретного государства) [Huber, Inglehart, 1995]. В данном исследовании мы отходим от традиции изучения левых и правых политических представлений в пользу другого раскола – противопоставления власти и оппозиции. Это противопоставление, во-первых, является одним из центральных в политической науке: вокруг политического противоборства власти и оппозиции разворачивается избирательный процесс; в государствах с парламентской формой правления динамическая природа власти и оппозиции проявляется в процессах формирования правительства – в том числе коалиционного; проблематика состязательной политики в государствах с разнообразными характеристиками политических систем неизбежно затрагивает противопоставление власти и оппозиции. Российское общество не является исключением и демонстрирует поляризацию по линии одобрения деятельности руковод-

¹ Political Polarization in the American Public // Pew Research Center. – 2014. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/> (accessed: 12.09.2022).

² World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey. – 2020. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed: 12.09.2022).

ства страны как среди пользователей социальных сетей [Лебедев, 2021, с. 10–11], так и в среде источников политической информации [Мухарьямова, Залаяев, Шаммазова, 2021]. Таким образом, одномерный спектр политических позиций, используемый в данном исследовании, представлен различными вариантами ответа на вопросы об одобрении действующего руководства страны. Эти вопросы задавались участникам опроса как про них самих, так и про авторов тех сообщений, которые демонстрировались респондентам. Иными словами, для каждого респондента были известны как его положение на шкале одобрения руководства страны, так и положение, которое по его мнению занимает на этой шкале автор каждого продемонстрированного примера политического троллинга. Разность их позиций отождествляется с расстоянием между респондентом и автором сообщения с признаками троллинга на рассматриваемом политическом спектре: чем это расстояние больше, тем политически более несхожи респондент и потенциальный тролль.

Одномерные шкалы часто используются и для измерения аффективной поляризации. При этом оценивается не поддержка определенного политического курса (как в случае с идеологической поляризацией), а уровень симпатии и антипатии по отношению к представителям той или иной политической позиции [Reiljan, 2020, p. 378]. Мы следуем логике этого подхода, используя, однако, в качестве одномерного спектра отношение к власти и оппозиции. На концах полюсов, таким образом, располагаются сторонники и противники руководства страны.

Измерение расстояния до полюсов выбранной шкалы может осуществляться по-разному. С. Айенгар предлагает использовать температурные шкалы (*thermometer ratings*) для оценки отношения к представителям партий и идеологическим группам, а также анализировать облака слов, которыми описывают себя самих и друг друга сторонники различных партий [Iyengar, Sood, Lelkes, 2012, p. 405–431]. А. Рейльян взял за основу опросник проекта «Сравнительные исследования электоральных систем» (Comparative Study of Electoral Systems, CSES) и задал респондентам вопросы об их отношении (симпатии / антипатии) к каждой конкретной партии [Reiljan, 2020, p. 384]. М. Вагнер также предлагал располагать рассматриваемые группы на шкале «нравится / не нравится» [Wagner, 2021, p. 3].

В отличие от поляризации политических позиций, роль аффективной поляризации исследуется нами сквозь призму ее вос-

приятия самим респондентом. Иными словами, мы задаемся вопросом о том, считает ли наш респондент, что сторонники оппозиции и власти обычно резко отрицательно относятся друг к другу. Утвердительный ответ респондента на этот вопрос будет свидетельствовать о высоком уровне воспринимаемой аффективной поляризации. Акцент на уровне воспринимаемой аффективной поляризации в обществе – в отличие от индивидуального аффекта в отношении представителя противоположной политической позиции – позволяет оценить эффект ощущаемого респондентом разделения общества на «своих» и «чужих» и эмпирически проверить сформулированную выше вторую гипотезу.

Эмпирическая проверка гипотез опирается на данные, полученные в ходе интернет-опроса среди пользователей социальной сети «ВКонтакте». Выбор этой социальной сети обусловлен тем, что «Twitter» и «Facebook» – социальные медиа, традиционно изучаемые западным научным сообществом – в настоящее время заблокированы в России. Кроме того, согласно аналитическому отчету Brand Analytics, «Twitter», который в ряде исследований рассматривается как активно используемая интернет-троллями площадка [Linville, Warren, 2020] (см. также: [Linville et al., 2019]), является самой маленькой социальной сетью в России¹. Чаще всего россияне используют социальную сеть «ВКонтакте»: по данным Mediascope, хотя бы раз в месяц ее посещают 40,3 тыс. человек (64,8% от опрошенных)².

В ходе интернет-опроса (N = 200), проведенного на базе онлайн-платформы «Анкетолог», респондентам задавались вопросы с целью определить их социально-экономические характеристики, политические представления и воспринимаемый уровень аффективной поляризации. Ключевым для исследования стал заключительный блок вопросов, с помощью которого мы изучали способность респондентов узнавать интернет-троллинг. Респондентам демонстрировались примеры политического интернет-троллинга, про каждый из которых задавался вопрос, *является ли отмеченный пользователь интернет-троллем*. На рассмотрение каждого

¹Чёрный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 // Brand Analytics. – 18.11.2021. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата посещения: 20.04.2022).

²Рейтинги // Mediascope. – 2022. – Режим доступа: <https://mediascope.net/data/> (дата посещения: 20.04.2022).

респондента было представлено десять примеров с признаками троллинга, из которых одна половина носила провластный характер, а другая – оппозиционный. Во всех продемонстрированных респондентам примерах отмеченный пользователь являлся троллем с точки зрения пяти индикаторов троллинга, используемых в литературе: провоцирование (агрессия) [Dlala et al., 2015], высмеивание (ирония, сарказм) [King, Pan, Roberts, 2017, p. 497], маркирование (обвинение в троллинге со стороны нескольких пользователей) [Tomaiuolo et al., 2020, p. 3], спам [King, Pan, Roberts, 2017, p. 490] и шаблонность (публикация идентичных по содержанию комментариев) [Keller et al., 2020, p. 259]. Нас интересовало, какие факторы обуславливают склонность респондентов воспринимать в качестве троллинга одни примеры и не воспринимать другие.

Все примеры политических онлайн-дискуссий были составлены специально для исследования. При создании примеров мы стремились обеспечить присутствие в каждой виньетке лишь одного из индикаторов троллинга. В итоге для каждого индикатора было составлено по две пары в целом идентичных примеров, отличавшихся лишь своей политической позицией – выражением положительного или отрицательного отношения к руководству страны. На рисунке приведен пример такой пары, в которой для обозначения политической позиции используются слова-маркеры «кремлебот» и «навальненок».

Анна

ты сам-то понял, что написал, глупенький навальнёнок?

11 мая в 16:57 Ответить Поделиться

Рис.

Пример дискуссий. Индикатор: «высмеивание»

Данная техника составления примеров была использована с целью обеспечить сопоставимость примеров с провластной и оппозиционной тональностью и минимизировать влияние содержания конкретного сообщения с той или иной тональностью, являющегося в данном исследовании второстепенным.

Для оценки различий политических позиций тролля и участника опроса использовалась двухшаговая процедура. На первом шаге в блоке социально-демографических вопросов респонденты

указывали, в какой мере они одобряют деятельность руководства страны (совсем не одобряю, скорее не одобряю, не знаю, скорее одобряю, всецело одобряю). На втором шаге, при рассмотрении конкретных примеров политического троллинга, респонденты не только указывали, считают ли они данный пример троллингом, но и отвечали, одобряет ли, по их мнению, отмеченный в примере пользователь деятельность руководства страны. Формулировка измеряемого конструкта (одобрение деятельности руководства страны) и предложенные при этом варианты ответа были идентичны вопросу об одобрении деятельности руководства страны, на который респондент отвечал в первом блоке опроса. Идентифицировав таким образом политическую позицию самого респондента и воспринимаемую им политическую позицию автора сообщения с признаками троллинга, мы получили возможность вычислить расстояние между ними и измерить эффект этого расстояния на вероятность маркировать предложенный пример в качестве троллинга.

Для оценки воспринимаемого уровня аффективной поляризации в обществе мы просили респондентов рассмотреть две гипотетические ситуации и ответить на вопрос, возможно ли возникновение острого конфликта между сторонниками власти и сторонниками оппозиции (см. табл. 1). Обобщенный показатель воспринимаемого уровня аффективной поляризации вычислялся путем усреднения ответов респондентов на вопросы из таблицы 1.

Таблица 1

Воспринимаемый уровень аффективной поляризации в обществе

Описание ситуации	Варианты ответов	Процент опрошенных
Представьте, что человек с оппозиционными взглядами обсуждает политику в компании друзей, поддерживающих руководство страны. На Ваш взгляд, возникнет ли между такими друзьями острый конфликт во время подобного разговора?	Точно да	7,5%
	Скорее да	53%
	Не знаю	18,5%
	Скорее нет	19,5%
	Точно нет	1,5%
Иногда в социальных сетях пользователи высказываются о политике. На Ваш взгляд, произойдет ли в социальных сетях словесная перепалка между пользователями, высказывающимися в поддержку руководства страны, и теми, кто высказывается в поддержку оппозиции?	Точно да	37%
	Скорее да	47,5%
	Не знаю	11%
	Скорее нет	4,5%
	Точно нет	0%

Полученные данные использовались для статистической проверки гипотез исследования. Для проверки гипотезы $H1$ мы использовали регрессионную модель бинарного выбора (пробит-регрессию) со смешанными эффектами, где α_i и γ_j – это случайные эффекты для каждого респондента и примера интернет-троллинга (см. модель 1):

$$\Pr(Y_{ij} = 1) = \beta_0 + \alpha_i + \gamma_j + \beta_1 pres_appr_i + \beta_2 dist_{ij} + \beta_3 pol_i \quad (1)$$

С помощью регрессионной модели мы предсказываем вероятность того, что i -ый респондент назовет j -ый пример троллингом. Зависимая переменная Y_{ij} принимает значение 1, если i -ый респондент узнал в j -ом примере интернет-троллинг.

Бинарная переменная $pres_appr_i$ отражает одобрение респондентом деятельности руководства страны и принимает значение 1 в случае одобрения и 0 – в противном случае. Переменная $dist_{ij}$ – это дистанция между позицией респондента и тролля, которая рассматривается в качестве интервальной. Переменная pol_i показывает для каждого респондента средний уровень воспринимаемой аффективной поляризации общества на основе его ответов на два вопроса о возможности возникновения серьезного конфликта между сторонниками оппозиции и власти. Обоим вопросам соответствовала идентичная шкала, на которой ответ «точно да» оценивался в четыре балла, а ответ «точно нет» – в один. Переменная была получена путем вычисления среднего арифметического между ответами, полученными в результате оценивания двух ситуаций.

В соответствии с $H1$, коэффициент β_2 при переменной $dist_{ij}$ ожидается положительным и статистически значимым (см. табл. 2).

Таблица 2

Эффект дистанции между позицией тролля и респондента на ответ респондента

Респондент	Переменные	Спецификация модели
Оппозиционер	$pres_appr_i = 0$	$\Pr(Y_{ij} = 1) = \beta_0 + \beta_2 dist_{ij} + \beta_3 pol_i + \alpha_i + \gamma_j$
Сторонник руководства страны	$pres_appr_i = 1$	$\Pr(Y_{ij} = 1) = (\beta_0 + \beta_1) + \beta_2 dist_{ij} + \beta_3 pol_i + \alpha_i + \gamma_j$

Для проверки гипотезы $H2$ необходимо исследовать связь между ответом респондента и его позицией в зависимости от вос-

принимаемого уровня аффективной поляризации. Для этого оценивается Модель 2:

$$\Pr(Y_{ij} = 1) = \beta_0 + \alpha_i + \gamma_j + \beta_1 pres_appr_i + \beta_2 dist_{ij} + \beta_3 pol_i + \beta_{1,3} pres_appr_i \times pol_i \quad (2)$$

В соответствии с H2 мы ожидаем, что воспринимаемая аффективная поляризация будет оказывать более выраженный эффект на вероятность распознать тролля среди респондентов, не поддерживающих руководство страны, т.е. коэффициент $\beta_{1,3}$ будет отрицательным и статистически значимым (см. табл. 3).

Таблица 3

Эффект воспринимаемой поляризации на ответ респондента в зависимости от его политической позиции

Респондент	Переменные	Спецификация модели
Оппозиционер	$pres_appr_i = 0$	$\Pr(Y_{ij} = 1) = \beta_0 + \beta_2 dist_{ij} + \beta_3 pol_i + \alpha_i + \gamma_j$
Сторонник руководства страны	$pres_appr_i = 1$	$\Pr(Y_{ij} = 1) = (\beta_0 + \beta_1) + \beta_2 dist_{ij} + (\beta_3 + \beta_{1,3}) pol_i + \alpha_i + \gamma_j$

Оценивание приведенных выше моделей осуществлялось на выборке размером 2000 наблюдений (200 респондентов, десять сообщений-виньеток на каждого) методом максимального правдоподобия. Полученные результаты приводятся в четвертом разделе.

Результаты анализа

Как видно из таблицы 4, гипотеза H1 о том, что с ростом дистанции между позицией респондента и тролля растет вероятность, что респондент распознает интернет-троллинг, подтвердилась во всех случаях (см. столбцы «Модель 1» и «Модель 2»). Коэффициент при переменной «дистанция между позицией респондента и тролля» положительный и статистически значимый ($p\text{-value} < 0.001$), что говорит об увеличении вероятности распознавания троллинга с ростом дистанции между позициями участника опроса и комментатора из приведенного примера дискуссии.

Таблица 4

Эффект представлений респондента на восприятие троллинга¹

	Модель 1	Модель 2
Провластность респондента (β_1)	0.204 (0.113)	0.305 (0.412)
Дистанция между позицией респондента и тролля (β_2)	0.354*** (0.027)	0.354*** (0.027)
Уровень воспринимаемой поляризации (β_3)	0.061 (0.062)	0.087 (0.121)
Провластность респондента × Уровень воспринимаемой поляризации ($\beta_{1,3}$)	–	-0.036 (0.141)
Константа (β_0)	-1.207*** (0.231)	-1.281*** (0.372)
Кол-во групп	200	200
Кол-во наблюдений	2000	2000

Полученный результат указывает на то, что полярность политических позиций, измеренная в этой работе через расстояние на шкале одобрения деятельности руководства страны, является важным фактором, обуславливающим различия в реакции пользователей социальной сети «ВКонтакте» на политический троллинг.

О роли воспринимаемой аффективной поляризации свидетельствует столбец «Модель 2» таблицы 4. Эта модель содержит переменную взаимодействия «провластность респондента × уровень воспринимаемой поляризации». Как видно из таблицы, коэффициент при этой переменной отрицательный ($\beta_{1,3} = -0.036$). Иными словами, у провластных респондентов эффект воспринимаемой поляризации меньше, у оппозиционно настроенных – больше. Заметим, что этот коэффициент мал по абсолютному значению и статистически незначим на любом конвенциональном уровне доверия. Таким образом, гипотеза $H2$ подтверждается лишь на уровне знака. Сравнение вероятностей в группах (см. табл. 5) показывает, что для оппозиционеров прирост вероятности распознавания тролля при изменении уровня воспринимаемой аффективной поляризации с минимального до максимального (прирост равен 0.107) несколько больше, чем для сторонников руководства страны (прирост равен 0.067). При этом систематических свидетельств в

¹Примечание: Модели оценены методом максимального правдоподобия. В скобках указаны стандартные ошибки. Включены случайные эффекты на респондента и пример троллинга. *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$

пользу того, что у оппозиционных пользователей воспринимаемый уровень аффективной поляризации в обществе играет более значимую роль в селективном восприятии политического интернет-троллинга, нами получено не было (соответствующая оценка коэффициента статистически незначима).

Таблица 5

Сравнение вероятностей в группах провластных и оппозиционных респондентов¹

Позиция респондента	Значение переменных	Вероятность распознавания		Разница в вероятностях
		Мин. пол.	Макс. пол.	
Оппозиционер	$pres_appr_i = 0$	0.286	0.392	0.107
Сторонник руководства страны	$pres_appr_i = 1$	0.378	0.445	0.067

В целом на основе результатов регрессионного анализа, была подтверждена первая гипотеза: разница в позициях тролля и респондента в значительной степени обуславливает способность последнего распознавать интернет-троллинг. Чем дальше друг от друга позиции обычного пользователя социальной сети и комментатора, скрывающегося за неаутентичным аккаунтом, тем с большей вероятностью тролль будет разоблачен.

При этом вторая гипотеза о большей роли воспринимаемой аффективной поляризации как фактора, обуславливающего способность оппозиционно настроенных респондентов распознавать троллинг, была подтверждена лишь на уровне знака.

Заключение

Все больше новых исследований в области политической коммуникации посвящены изучению деятельности интернет-троллей в социальных сетях. Несмотря на обширную литературу, посвященную троллингу, до сих пор вопросы взаимодействия обычных пользователей социальных сетей с неаутентичными аккаунтами остаются открытыми. Как пользователи воспринимают

¹ Примечание: Мин. пол. – уровень воспринимаемой аффективной поляризации равен нулю. Макс. пол. – уровень воспринимаемой аффективной поляризации равен максимальному значению по выборке (четыре).

политизированную информацию, распространяемую троллями? Какие факторы определяют их отношение к интернет-троллингу? При ответе на эти вопросы интернет-тролли чаще всего рассматриваются как полноценные участники дискуссии, которых отличает стиль общения и особая активность в соцсетях. В рассматриваемой работе предлагается иной взгляд на проблему.

В данном исследовании тролль – это другой, тот, кого аудитория воспринимает как нечто инородное, чужое. Полученные в ходе эмпирического анализа результаты указывают на важность учета различий в восприятии троллинга при изучении политической коммуникации. Таким образом, при изучении троллинга объект исследования в значительной мере зависит от восприятия аудитории.

При этом селективность в восприятии зависит от разных факторов, на которые исследователям из области политической коммуникации также следует обратить внимание. Мы предположили, что аффективная поляризация и поляризация политических позиций определяют способность распознавать троллинг. Были сформулированы гипотезы о том, что сторонники и противники деятельности руководства страны будут чаще узнавать троллинг в поддержку противоположной позиции. Мы также предположили, что селективность восприятия респондента зависит от воспринимаемого им уровня аффективной поляризации в обществе.

В результате эмпирической проверки гипотез наши предположения частично подтвердились. Мы наблюдаем взаимосвязь между полярностью политических позиций по отношению к власти и восприятием троллинга. Действительно, с увеличением различий в позициях тролля и респондента растет вероятность того, что тролль будет разоблачен.

При этом не подтвердилась гипотеза о том, что уровень воспринимаемой аффективной поляризации влияет в большей степени на ответы оппозиционных респондентов, чем провластных. Полученный результат может быть связан с подходом, выбранным для оценки уровня восприятия аффективной поляризации. Методология, предложенная в этом исследовании, была разработана впервые с использованием подходов, которые применялись для изучения американского и европейского общества. Предложенный подход может быть усовершенствован в будущих работах, посвященных исследованию взаимосвязи между селективным восприятием и аффективной поляризацией.

Результаты исследования демонстрируют устойчивую взаимосвязь между восприятием интернет-троллинга и взглядами участников политической онлайн-коммуникации, а также актуализируют иные направления развития исследований политической коммуникации, связывая теорию селективного восприятия с аффективной поляризацией.

A.N. Shilina*

Affect or ideology: the impact of political polarization on perceptions of internet trolling¹

Abstract. The study focuses on two types of political polarization (affective and ideological), which are supposed to influence the perception of political Internet trolling. The purpose of this study is to identify the role of affective and ideological polarization in perception of opposition and pro-government trolling. The author conducted a survey (N = 200) among users of Russian social network VK. During survey we showed our respondents vignettes with examples of troll-inflated conversations. These vignettes were composed based on indicators of trolling: provocation (aggression), mockery (sarcasm), spam, usage of templates and identification with trolls by other users. The dependent variable was the answer of the respondents, who decided in the course of the survey which example of discussion to classify as trolling. Respondents were also asked some questions to determine their political perceptions and level of perceived affective polarization. Two key independent variables were derived from their responses – distance between trolls’ and respondents’ political positions and the average level of perceived affective polarization. The author used probit-regression to measure the effect of these independent variables on respondents’ answers. As the result, we observe a statistically significant effect of ideological polarization on the perception of trolling. Hypothesis about the influence of affective polarization on the respondents’ answers was not confirmed.

Keywords: affective polarization; political views; internet trolling; political communications; selective perception; social media.

For citation: Shilina A.N. Affect or Ideology: the impact of political polarization on perceptions of internet trolling. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 230–251. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.11>

* **Shilina Anna**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: ashilina@hse.ru

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation under grant No 21-78-00079, <https://rscf.ru/projects/21-78-00079/>

References

- Ball-Rokeach S.J. A theory of media power and a theory of media use: Different stories, questions, and ways of thinking. *Mass communication and society*. 1998, Vol. 1, N 1–2, P. 5–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/15205436.1998.9676398>
- Bruner J.S., Goodman C.C. Value and need as organizing factors in perception. *The journal of abnormal and social psychology*. 1947, Vol. 42, N 1, P. 33–44. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0058484>
- Clark T.S. Measuring Ideological Polarization on the United States Supreme Court. *Political research quarterly*. 2008, Vol. 62, N 1, P. 146–157. DOI: <https://www.jstor.org/stable/27759852>
- Coffin T.E. Some conditions of suggestion and suggestibility: A study of certain attitudinal and situational factors influencing the process of suggestion. *Psychological Monographs*. 1941, Vol. 53, N 4, P. 1–125. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093490>
- Dalton R. Social modernization and the end of ideology debate: patterns of ideological polarization. *Japanese journal of political science*. 2006, Vol. 7, N 1, P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1468109905002045>
- Dlala I.O., Attiaoui D., Martin A., Yaghlane B.B. Trolls identification within an uncertain framework. *arXiv preprint*. 2015. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1501.05272> (accessed: 19.01.2021).
- Golovchenko Y., Buntain C., Eady G., Brown M.A., Tucker J.A. Cross-platform state propaganda: Russian trolls on twitter and YouTube during the 2016 US Presidential Election. *The international journal of press/politics*. 2020, Vol. 25, N 3, P. 357–389. DOI: <https://doi.org/10.1177/1940161220912682>
- Gunitsky S. Corrupting the cyber-commons: social media as a tool of autocratic stability. *Perspectives on politics*. 2015, Vol. 13, N 1, P. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592714003120>
- Hartmann G.W. Immediate and remote goals as political motives. *The Journal of abnormal and social psychology*. 1938, Vol. 33, N 1, P. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0062562>
- Helbling M., Jungkunz S. Social divides in the age of globalization. *West European politics*. 2020, Vol. 43, N 6, P. 1187–1210. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1674578>
- Herring S. et al. Searching for safety online: Managing “trolling” in a feminist forum. *The information society*. 2002, Vol. 18, N 5, P. 371–384. DOI: <https://doi.org/10.1080/01972240290108186>
- Hovland C.I., Lumsdaine A.A., Sheffield F.D. *Experiments on mass communication*. Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1949, 345 p.
- Huber J., Inglehart R. Expert interpretations of party space and party locations in 42 societies. *Party politics*. 1995, Vol. 1, N 1, P. 73–111. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068895001001004>
- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S.J. The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual review of political science*. 2019, Vol. 22, P. 129–146. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051117-073034>

- Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology. A social identity perspective on polarization. *Public opinion quarterly*. 2012, Vol. 76, N 3, P. 405–431. DOI: <https://www.jstor.org/stable/41684577>
- Keller F.B., Schoch D., Stier S., Yang J. Political astroturfing on Twitter: how to coordinate a disinformation campaign. *Political communication*. 2020, Vol. 37, N 2, P. 256–280. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2019.1661888>
- King G., Pan J., Roberts M.E. How the Chinese government fabricates social media posts for strategic distraction, not engaged argument. *American political science review*. 2017, Vol. 111, N 3, P. 484–501. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000144>
- Koironen I., Koivula A., Saarinen A., Keipi T. Ideological motives, digital divides, and political polarization: How do political party preference and values correspond with the political use of social media? *Telematics and informatics*. 2020, Vol. 46. Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585319308147> (accessed: 12.09.2022).
- Kwon K.H., Cho D. Swearing effects on citizen-to-citizen commenting online: A large-scale exploration of political versus nonpolitical online news sites. *Social science computer review*. 2017, Vol. 35, N 1, P. 84–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439315602664>
- Lebedev A.N. The phenomenon of affective polarization of Russian society. *Proceedings of the institute of psychology of Russian Academy of Sciences*. 2021, Vol. 1, N 2, P. 3–17. (In Russ.)
- Linville D.L., Boatwright B.C., Grant W.J., Warren P.L. “THE RUSSIANS ARE HACKING MY BRAIN!” investigating Russia's internet research agency twitter tactics during the 2016 United States presidential campaign. *Computers in human behavior*. 2019, Vol. 99, P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.05.027>
- Linville D.L., Warren P.L. Troll factories: Manufacturing specialized disinformation on Twitter. *Political communication*. 2020, Vol. 37, N 4, P. 447–467. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1718257>
- Mukharyamova L.M., Zalyaev A.R., Shammazova E.Yu. COVID-19 pandemic in the Russian mass media: a political context. *Political linguistics*. 2021, Vol. 85, N 1, P. 72–80. DOI: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_06 (In Russ.)
- Pearson G.D.H., Knobloch-Westerwick S. Is the confirmation bias bubble larger online? Pre-election confirmation bias in selective exposure to online versus print political information. *Mass communication and society*. 2019, Vol. 22, N 4, P. 466–486. DOI: <https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1599956>
- Reiljan A. ‘Fear and loathing across party lines’ (also) in Europe: Affective polarisation in European party systems. *European journal of political research*. 2020, Vol. 59, N 2, P. 376–396. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12351>
- Stukal D.K., Akhremenko A.S., Petrov A.P.C. Affective political polarization and hate speech: made for each other? *RUDN journal of political science*. 2022, Vol. 24, N 3, P. 480–498. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> (In Russ.)
- Stukal D.K., Shilina A.N. Attitudes toward authorities as a factor of the political trolling perception on social media in Russia. *Polis. Political studies*. 2022, N 4, P. 179–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.14> (In Russ.)
- Tajfel H. Experiments in intergroup discrimination. *Scientific American*. 1970, Vol. 223, N 5, P. 96–103. DOI: <https://www.jstor.org/stable/24927662>

- Tappin B.M., McKay R.T. Moral polarization and out-party hostility in the US political context. *Journal of social and political psychology*. 2019, Vol. 7, N 1, P. 213–245. DOI: <https://doi.org/10.5964/jssp.v7i1.1090>
- Tomaiuolo M., Lombardo G., Mordonini M., Cagnoni S., Poggi A. A Survey on Troll Detection. *Future internet*. 2020, Vol. 12, N 2, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi12020031>
- Wagner M. Affective polarization in multiparty systems. *Electoral studies*. 2021, Vol. 69, P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102199>
- Westwood S.J., Iyengar S., Walgrave S., Leonisio R., Miller L., Strijbis O. The tie that divides: Cross-national evidence of the primacy of partyism. *European journal of political research*. 2018, Vol. 57, N 2, P. 333–354. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12228>

Литература на русском языке

- Лебедев А.Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. – 2021. – Т. 1, № 2. – С. 3–17.
- Мухарямова Л.М., Залаяев А.Р., Шаммазова Е.Ю. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст // Политическая лингвистика. – 2021. – Т. 85, № 1. – С. 72–80. – DOI: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_06
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 480–498. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>
- Стукал Д.К., Шилина А.Н. Отношение к власти как фактор восприятия политического троллинга в российских социальных медиа // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 179–191. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.14>

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Д.В. ЕФРЕМЕНКО*

ГАРОЛЬД ГОСНЕЛЛ И ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТОЛОГИИ

Аннотация. В статье представлен биографический очерк и анализ вклада в развитие политической науки выдающегося американского политолога Гарольда Госнелла (1896–1997). Госнелл был одним из наиболее ярких представителей Чикагской школы политических исследований периода 1920–1940-х годов. Следуя заявленной лидером чикагской школы Чарльзом Мерриамом программе создания «новой науки о политике», Госнелл оказал большое влияние на развитие инструментария эмпирических исследований в политологии. Он, в частности, впервые в истории политической науки использовал экспериментальные методы. В числе научных проблем, разработкой которых занимался Госнелл, необходимо назвать исследования электорального поведения, феномен политических машин, участие чернокожих в политической жизни США. Вклад Госнелла в методологию политических исследований имел большое значение для успеха бихевиоралистского поворота в политологии.

Ключевые слова: чикагская школа политических исследований; Гарольд Госнелл; история политической мысли в США; количественные методы; электоральные исследования.

Для цитирования: Ефременко Д.В. Гарольд Госнелл и чикагская школа политологии // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 252–265. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.12>

* **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, заместитель директора, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efdvd2015@mail.ru

Известный американский политолог Дэвид Истон, чья научная карьера началась в Гарварде и достигла расцвета в Чикагском университете, сравнивал две *alma mater* так: «Мое впечатление об их различиях побуждало уподобить Гарвард широкому, медленному, извилистому потоку большой мощи, достигнутой не за счет силы течения, а только благодаря своей ширине и расстоянию, которое он преодолел, тогда как Чикаго казался рекой Тибр – стремительной, бурлящей, увлекающей, полной приключений и кипящей идеями... Несомненно, первые пять или десять лет в Чикаго были одним из самых захватывающих интеллектуальных периодов в моей жизни. Это было просто огромное интеллектуальное наслаждение. Я познакомился с совершенно новым диапазоном не просто идей, но фундаментальных гипотез, и мог сопоставить их с теми, которыми неосознанно проникся в интеллектуальной атмосфере Гарварда. Наиболее захватывающим в Чикаго было многообразие самых различных, если не сталкивающихся друг с другом гипотез, которые постоянно подвергались рассмотрению. И огромное внимание уделялось не только содержанию этих идей, но и процедурам и способам их получения, или, проще говоря, методам» [Baer, Jewell, Sigelman, 1991, p. 200].

Истон начал работать в Чикагском университете в 1947 г., в момент смены поколений политологической школы, когда по разным причинам лидер и ключевые фигуры первого поколения покинули университет или отошли от активной работы. Истону даже «достался» кабинет Чарльза Мерриам – человека, который, собственно, и создал чикагскую школу политических исследований. За четверть века до прихода Истона Мерриам сформулировал принципиально новую программу [Мерриам, 2021], которая фактически была программой становления «новой науки о политике» не только в Чикагском университете, но и во всей Америке. Ее суть состояла в развороте социальных исследователей к изучению политического поведения, междисциплинарности и широкому внедрению эмпирических методов [Ефременко, 2021]. Мерриам, его лучшие ученики и молодые коллеги – Г. Госнелл, Г. Лассуэлл, Л. Уайт – в 1920–1930-е годы совершили настоящий прорыв в политическом познании, реализуя не только саму программу «новой науки о политике», но и постоянно расширяя тематический диапазон исследований.

Разумеется, спустя столетие после яркого старта чикагской политологической школы, многое видится иначе, а некоторые ключевые фигуры, без которых сам успех нового направления был бы невозможен, оказались полузабыты. Самой яркой звездой, взошедшей на небосклоне департамента политических исследований Чикагского университета, несомненно был Гарольд Лассуэлл. В свете этой звезды, особенно с течением времени, отчасти поблекли заслуги другого ученика Мерриама – Гарольда Госнелла, хотя именно он наиболее полно и последовательно реализовывал программу «новой науки о политике».

Госнелл: жизненный путь и научные достижения

Гарольд Фут Госнелл родился 24 декабря – в рождественский сочельник – 1896 г. в Локпорте (штат Нью-Йорк), в семье методистского проповедника. Детство, школьные годы и часть студенческих лет он провел в Рочестере (штат Нью-Йорк), откуда, после получения степени бакалавра в местном университете, в 1918 г. был ненадолго призван в армию. По окончании военной службы Госнелл продолжил образование, поступив в Чикагский университет, в департамент политической науки, где в тот момент он оказался единственным аспирантом. Под руководством Чарльза Мерриама он подготовил и блестяще защитил диссертацию, которая в 1924 г. была опубликована [Gosnell, 1924] и произвела большой эффект в политологическом сообществе. «Антигероем» этой книги был политический босс республиканской партии в штате Нью-Йорк Томас Платт (1833–1910), дважды избиравшийся в Палату представителей и трижды – в Сенат. Уникальность феномена Платта состояла отнюдь не в его длительном пребывании в стенах Конгресса. Благодаря отлаженной до совершенства механике внутрипартийного клиентелизма, Платт, по его собственной оценке, выступил в качестве «политического крестного отца» [Platt, 1910] для целой когорты губернаторов штата, в числе которых был и будущий президент Теодор Рузвельт. Госнелл не был пионером изучения «политических машин», но его исследования (включая и более позднее, посвященное функционированию политической машинерии в Чикаго [Gosnell, 1937]) позволили раскрыть с максимальной полнотой суть этого феномена.

Характеризуя типичные для Америки той эпохи политические машины, Госнелл писал, что само это понятие ассоциируется «с безжалостными боссами, нечистыми на руку чиновниками, политиками-гангстерами, мошенничеством на выборах и беспринципными юристами и бизнесменами, которые сообща манипулируют запутавшимися и апатичными избирателями с помощью особых одолжений, обмана и силы» [Gosnell, 1933, p. 22]. Однако для Госнелла приоритетной была не позиция обличителя, а скрупулезная работа аналитика, позволяющая найти выход из порочного круга политической коррупции. Основное достоинство уже первой его книги состояло в комбинированном использовании техник опроса и сравнительного анализа, статистики и психологии [Brooks, 1924]. Впрочем, в части обращения со статистическими данными это был, скорее, первый и не самый убедительный опыт, тогда как более зрелые исследования Госнелла выгодно отличались мастерским использованием методов статистического анализа.

Сразу после защиты диссертации (1922) Госнелл начал преподавательскую и научную карьеру в департаменте политической науки. Следуя в русле заявленной Мерриамом программы обновления дисциплины, Госнелл одновременно активно использовал инновационные подходы коллег, работавших на других факультетах, в частности, Л. Тёрстоуна (факторный анализ), С. Стауффера (методика опросных исследований), У. Огборна (статистический анализ социальных и политических данных), Р. Парка (изучение межрасовых отношений) [Hansen, 1997, p. 583]. Новые подходы были реализованы в исследованиях электорального поведения американцев (одно из них подготовлено в соавторстве с Мерриамом), опубликованных в 1924 и 1927 гг. [Merriam, Gosnell, 1924 ; Gosnell, 1927]. Две эти книги уместно рассматривать как дебют Чикагской политологической школы с ее бихевиоралистскими установками и ставкой на использование количественных методов.

В 1930 г. Госнелл опубликовал сравнительное кросс-национальное исследование «Почему Европа голосует» [Gosnell, 1930] – одно из первых в своем роде, в котором проанализировал данные по явке избирателей на выборы в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии. Он уделял особое внимание выявлению взаимосвязи между пропорциональным представительством и активностью избирателей, аргументируя гипотезу, согласно которой именно система пропорционального представи-

тельства стимулирует явку. В то же время за скрупулезным анализом статистических данных и погружением в особенности электоральных систем каждой из стран у Госнелла стояло стремление осмыслить сущностные проблемы внутренней и внешней политики государств постверсальской Европы. Этот интерес, очевидно, сыграл свою роль в том, что со второй половины 1940-х годов он вплотную занялся международной аналитикой в качестве эксперта Государственного департамента.

В 1935 г. вышла новая книга Госнелла «Негритянские политики: подъем негритянской политики в Чикаго» [Gosnell, 1935], к которой до сих пор активно обращаются исследователи расового измерения политической жизни Соединенных Штатов. Даже в XXI в. она включается в студенческие силлабусы во многих американских университетах. В этой работе Госнелл обстоятельно рассмотрел особенности политической организации и лидерства в афроамериканском сообществе «города ветров», проследил его взаимодействие с политическими машинами двух основных партий и проанализировал опыт афроамериканцев, занятых в структурах городского управления, а также избранных в федеральные органы законодательной власти¹. Госнелл сумел убедительно показать, что фактор расовой солидарности играет ключевую роль в процессе политического самоопределения афроамериканского сообщества, причем важнейшую роль в мобилизации электората играют церкви, чьими прихожанами являются главным образом чернокожие, а также негритянская пресса. Исследователь зафиксировал важные изменения в политических предпочтениях афроамериканцев, до начала 1930-х годов составлявших электоральный ресурс Республиканской партии. Однако благодаря мероприятиям Нового курса наметился явный сдвиг в политической лояльности афроамериканского сообщества в пользу демократов. Одновременно Госнелл зафиксировал и явный рост расового самосознания белых чикагцев, проявившийся на фоне растущей вовлеченности афроамериканцев в политическую жизнь города.

Исследование участия афроамериканцев в политических процессах способствовало росту популярности Госнелла в качест-

¹ Точнее, в фокусе внимания Госнелла оказалась фигура О. де Приста – первого в истории афроамериканца, избранного в Палату представителей от одного из штатов американского Севера.

ве преподавателя. В частности, Р.Э. Мартин – первый чернокожий в американском политологическом сообществе – целенаправленно стремился к подготовке докторской диссертации именно под руководством Госнелла как единственного в то время специалиста в Соединенных Штатах, в чью сферу научных интересов входила «черная политика» [Baer, Jewell, Sigelman, 1991, p. 159]. Другой выпускник департамента, Д. Трумэн, впоследствии президент Американской ассоциации политической науки, известный своим вкладом в развитие теории политического плюрализма, в письме Госнеллу (1980) вспоминал: «Это была замечательная группа студентов, во многом учившихся друг у друга, но реальные стимулы и творческая атмосфера были созданы Вами и Вашими коллегами... С тех пор не было другого подобного департамента политической науки ни в Чикаго, ни где-либо еще»¹.

Насколько можно судить, наиболее значимые исследования Госнелла, опубликованные во второй половине 1930-х годов, отразили и его практическую вовлеченность в избирательные кампании на уровне города. Госнелл несколько раз выступал в качестве политического консультанта и даже фактического руководителя избирательных штабов ряда чикагских политиков, баллотировавшихся в олдермены (муниципальные советники). Его опыт политтехнолога по большей части удачным не был, но зато Госнелл во всех деталях смог познакомиться с реальной силой местных политических машин Демократической и Республиканской партий (к последней он формально принадлежал, хотя на практике очень часто действовал вразрез с партийной линией).

Однако, достигнув расцвета как исследователь, Госнелл столкнулся с тем, что его достижения не находят соизмеримого признания в Чикагском университете. Г. Алмонд так рассказывал об этом: «Гарольд Госнелл был очень застенчивым и скромным человеком, которого в то время явно недооценивали. Тот факт, что он был столь погружен в количественный анализ, рассматривался как чисто техническое достижение, несравнимое с теми видами исследований, которые проводились другими членами департамента. Он был просто очень продуктивен, одна книга за другой, но на самом деле его не воспринимали всерьез. На самом деле его не

¹ Цит. по: [Bulmer, 1984, p. 204].

считали фигурой большого творческого и фундаментального значения» [Baer, Jewell, Sigelman, 1991, p. 125].

Госнелл так и не получил в Чикаго должность полного профессора. Казалось, что в Департаменте политической науки ему (особенно после отъезда из Чикаго Лассуэлла) все же предстояло стать преемником Мерриама. Однако конфликт между Мерриамом и президентом университета Р. Хатчинсом, нараставший на протяжении 1930-х годов [Ефременко, 2021], сделал этот естественный ход событий крайне маловероятным. Хатчинс весьма неделикатно упрекал Мерриама в том, что он заполнил департамент «монументами своим преходящим капризам» [Karl, 1974, p. 286], характеризуя таким образом эмпирические исследования Лассуэлла и Госнелла. В результате вслед за Лассуэллом Госнелл стал рассматривать варианты продолжения карьеры за пределами Чикагского университета. В 1941 г. он взял продолжительный отпуск, чтобы получить возможность работать в структурах федерального правительства. Сначала это было Бюро по управлению ценообразованием (Office of Price Administration). Спустя год, уже после вступления США во Вторую мировую войну, Госнелл принял решение окончательно перейти на государственную службу (с 1942 по 1946 г. – в Бюро по бюджету) и подал в отставку с преподавательской должности в Чикаго. Но даже работая в федеральных ведомствах, он продолжал публиковать значимые исследования [Gosnell, 1942; 1948], подготовка которых была начата еще в Чикагском университете.

Одновременно Госнелл погружался и в новую тематику. Так, в 1942 г. он подготовил конфиденциальный доклад для администрации Ф.Д. Рузвельта «Третий Интернационал об изменениях в его политике». Текст доклада можно найти в архиве Госнелла (box 69, folder 11), хранящемся в библиотеке Чикагского университета¹. Для исследователей, изучающих подоплеку решения И.В. Сталина распустить Коминтерн в качестве жеста, направленного на укрепление доверия между союзниками по антигитлеровской коалиции, данный доклад может иметь немалую ценность. Еще больше внимания отношениям с СССР Госнелл стал уделять во второй полови-

¹ Guide to the Harold F. Gosnell Papers 1886–1997 // The University of Chicago Library. – Mode of access: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.GOSNELLHF#idp152126792> (accessed: 05.05.2023).

не 1940-х годов, перейдя на службу в историко-аналитическое подразделение Госдепартамента и одновременно в особое подразделение Американского университета в Вашингтоне – исследовательский офис специальных операций, чей тематический профиль включал ведение психологической борьбы, изучение опыта партизанских войн и антиповстанческой стратегии.

В 1960 г. Госнелл оставил государственную службу, а в 1962 г. принял приглашение своего бывшего докторанта Р.Э. Мартина занять профессорскую должность в университете Говарда в Вашингтоне. Там он вернулся к изучению участия афроамериканцев в политической жизни США, что было чрезвычайно актуальным в условиях развертывания массового движения за гражданские права чернокожих. Свою преподавательскую деятельность Госнелл завершил в 1970 г.

Последними крупными научными трудами Госнелла стали политические биографии президентов Ф.Д. Рузвельта [Gosnell, 1952] и Г. Трумэна [Gosnell, 1980], хотя между публикацией первой и второй прошло почти тридцать лет. Через обе книги красной линией проходит тема работы этих лидеров с избирателями, отражающая давний исследовательский приоритет автора. Но в биографии Рузвельта, которого Госнелл представляет чемпионом электоральных кампаний, эта тема абсолютно доминирует, тогда как мероприятия «Нового курса» предстают лишь фоном, хотя именно их содержательные результаты имели определяющее значение для президентских выборов 1936 г. (и в значительной степени – для выборов 1940 г.), а также выборов в Конгресс 1934 и 1938 гг. Опубликованная в 1980 г. биография Г. Трумэна, в 2,5 раза превышающая по объему книгу о Рузвельте, выглядит более сбалансированной. Глава о втором президентском сроке Трумэна содержит много ценной фактологической информации и наблюдений, отразивших, очевидно, инсайдерский опыт Госнелла в Госдепартаменте.

Гарольд Госнелл умер 8 января 1997 г., за две недели до смерти отметив свою столетнюю годовщину.

Апология количественных методов в политической науке

В 1995 г., еще при жизни Госнелла, Секция политической методологии Американской ассоциации политической науки учредила в его честь специальную премию (Harold F. Gosnell Prize of Excellence). Премия Госнелла ежегодно присуждается тем исследователям, которые на конференции APSA представили лучший доклад с точки зрения методологии. Такая оценка вклада Госнелла стала признанием не только его выдающихся достижений в практическом применении количественных методов анализа в политических исследованиях, но и его твердой позиции в дискуссиях 1920–1940-х годов об уместности и релевантности таких методов в познании политических феноменов. Президент Чикагского университета Р. Хатчинс был отнюдь не одинок в резком неприятии концептуальных и методологических подходов школы Мерриама. Описывая суть разногласий, Д. Истон называл ориентированных на работу с фактическими данными последователей программы Мерриама «гиперфактуалистами», которым противостояли те, кто отстаивал решающее значение социальной и политической теории [Baer, Jewell, Sigelman, p. 201].

В этом контексте статья Госнелла «Статистики и политические ученые» (1933), русский перевод которой публикуется в этом выпуске журнала «Политическая наука», вполне может рассматриваться как своеобразная апология количественных методов. Разумеется, Госнелл избегает того, чтобы напрямую полемизировать с критиками и, тем более, в чем-то оправдываться. Напротив, в информационно насыщенном тексте он стремится показать, что движение квантитативного анализа политических процессов набирает силу и ширится, его потенциал очень велик, а эвристическая значимость получаемых данных позволяет говорить о новых горизонтах политического познания.

В данной статье Госнелл очень скупо ссылается на собственные работы, явно избегая саморекламы. Между тем его вклад в использование количественных методов в политических исследованиях для своего времени следует считать выдающимся. Остановимся лишь на трех очень важных работах, каждая из которых была новым шагом с точки зрения исследовательской методологии.

В написанной в соавторстве с Мерриамом книге «Неучастие в голосовании: причины и методы контроля» (1924) были обстоятельно рассмотрены факторы, побудившие в 1923 г. почти половину чикагских избирателей воздержаться от участия в выборах мэра города. Мерриам и Госнелл опирались на данные опросов чиновников и активистов избирательных кампаний, а также на сведения из материалов избирательной комиссии, касающиеся пола, возраста, продолжительности проживания и гражданства (страны происхождения) 5 тыс. избирателей. Вслед за этим было проведено 6 тыс. (!) интервью с неголосовавшими, отобранными методом случайной выборки. Интервью проводили студенты-старшекурсники. Тем самым реализовывалась установка на активное вовлечение студентов в исследовательскую практику. Данные интервью фиксировались на перфокартах Холлерита и затем обрабатывались при помощи считывающего устройства, позаимствованного из офиса городского контролера [Karl, 1974, p. 286].

Наряду с содержательными выводами, особую ценность исследованию Мерриама и Госнелла придавала и подробная экспликация методологии и техники опросов избирателей, проведение которых стало неотъемлемой частью процесса выборов на федеральном уровне лишь со второй половины 1930-х годов. Совместное с Мерриамом исследование заложило основу для дальнейшего расширения научно-методического инструментария и проведения полевых экспериментов в рамках проектов, которыми Госнелл уже руководил самостоятельно.

В исследовании Госнелла «Отказ от голосования» (1927) впервые в истории политической науки был поставлен эксперимент. Группа Госнелла опросила 6 тыс. жителей двенадцати районов Чикаго, собрав информацию о возрасте, материальном положении и политических предпочтениях. С учетом места жительства опрошенных Госнелл разделил выборку на экспериментальную и контрольную группы. Избирателям из экспериментальной группы было направлено большое количество разного рода уведомлений о необходимости зарегистрироваться на избирательном участке и проголосовать; члены контрольной группы таких уведомлений не получили. Затем Госнелл и его помощники собрали данные относительно электорального поведения избирателей каждой из групп на президентских выборах 1924 г. и на выборах муниципальных советников (олдерменов) 1925 г., используя записи избирательных

комиссий о явке и отчеты наблюдателей. В экспериментальной группе был зафиксирован лишь незначительный рост явки на президентских выборах и существенно бо́льшая активность на выборах муниципальных советников. По оценке Госнелла, информационные материалы и призывы голосовать оказали наибольшее воздействие на наименее образованных и информированных избирателей, в частности, на чернокожих, женщин иностранного происхождения и белых с низким уровнем дохода. Эти выводы для своего времени были весьма ценными, но поистине инновационным был метод исследования. Согласно Дж. Хансену, данное исследование даже по прошествии многих десятилетий остается «одним из самых элегантных во всей политической науке» [Hansen, 1997, p. 583].

В книге «Машинная политика: модель Чикаго» (1937) Госнелл вернулся к стартовой теме своей научной работы. Однако в плане методологии по сравнению с «Боссом Платтом» был сделан огромный шаг вперед. Анализируя эффективность действия политических машин демократической партии в Чикаго, Госнелл стремился выявить их влияние на различные группы избирателей с теми или иными характеристиками (гендерная принадлежность, образование, материальный статус, занятость). Для решения этой задачи исследователь применял методы частичной корреляции и факторного анализа, осуществляя расчеты с использованием пяти регрессоров. У. Огборн – несомненный лидер той эпохи в использовании статистических данных и количественных методов в социальных науках [Ефременко, 2022], оказавший на Госнелла значительное влияние, писал в предисловии к «Машинной политике»: «Вероятно, работа доктора Госнелла станет сигналом к общему движению вперед, которое, безусловно, окажется однажды неизбежным в перспективной области политической науки» [Gosnell, 1937, p. XIV].

* * *

Огборн оказался прав. Но прогресс в использовании количественных методов в политических исследованиях нельзя связать только с индивидуальным вкладом Госнелла. Бихевиоралистский поворот – центральное направление усилий адептов чикагской

школы политической науки 1920-х – начала 1940-х годов – поставил в центр внимания исследователей политическое поведение массовых групп и тем самым актуализировал поиск измеримых показателей этого поведения, связанных прежде всего с участием в электоральных процедурах. Впоследствии подобным образом и лингвистический поворот в социальных науках дал мощный толчок развитию перспективных исследовательских методологий. И даже когда Дэвид Истон в 1970 г. заявил об исчерпании программы бихевиоралистской революции [Easton, 1969] (имея в виду усвоение политологическим сообществом ее основных принципов и, одновременно, преодоление установки на перестройку политической науки на основе модели естественно-научного знания), ценность сформированного при активном участии чикагской школы методического инструментария под сомнение не ставилась. Другое дело, что этот инструментарий (*техника* в терминах Истона) не должен подменять сущность политического.

Публикуемый в этом номере журнала перевод статьи Гарольда Госнелла «Статистики и политические ученые» является очередным шагом в реализации инициативного проекта ИНИОН РАН, цель которого – представить российским читателям основные идеи и персоны чикагской школы политической науки. Наш предыдущий шаг – публикация нового перевода «Техники пропаганды в мировой войне» Гарольда Лассуэлла [Лассуэлл, 2021] – встретил настолько заинтересованный отклик читательской аудитории, что менее чем через полгода после выхода этой книги было оперативно подготовлено ее второе, дополненное издание. Можно надеяться, что и научное наследие Госнелла вызовет интерес у тех, кто интересуется историей политической мысли.

D.V. Efremenko*

Harold Gosnell and the Chicago school of political science

Abstract. The article offers an overview of biography of the prominent American political scientist Harold Gosnell (1896–1997) and analysis of his contribution to the development of political science. Gosnell was one of the most prominent representatives of the Chicago School of Political Studies during the 1920 s – 1940 s. Following the program of creating a «new science on politics» declared by the

* **Efremenko Dmitry**, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: efdv2015@mail.ru

leader of the Chicago School, Charles Merriam, Gosnell had a great influence on the development of empirical research tools in political science. In particular, he used experimental methods for the first time in the history of political science. Among the scientific problems considered by Gosnell, it is necessary to mention the study of electoral behavior, the phenomenon of political machines, the participation of blacks in the political life of the United States. Gosnell's contribution to the methodology of political research was essential to the success of the behavioralist turn in political science.

Keywords: Chicago School of Political Studies; Harold Gosnell; history of political thought in the United States; quantitative methods; electoral research.

For citation: Efremenko D.V. Harold Gosnell and the Chicago school of political science. *Political Science (RU)*. 2023, N 3, P. 252–265. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.12>

References

- Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds). *Political science in America: oral histories of a discipline*. Lexington: The University Press of Kentucky, 1991, 250 p.
- Brooks R.C. Boss Platt and His New York Machine. By Gosnell Harold F. (Chicago: University of Chicago Press. 1924. Pp. xxiv, 370.). *American political science review*. 1924, Vol. 18, N 3, P. 627–629. DOI: <https://doi.org/10.2307/1944193>
- Bulmer M. *The Chicago school of sociology. Institutionalization, diversity and the rise of sociological research*. Chicago: The University of Chicago Press, 1984, 306 p.
- Easton D. The new revolution in political science. *American political science review*. 1969, Vol. 63, N 4, P. 1051–1061. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055400263193>
- Efremenko D.V. 100-year Anniversary of Charles Merriam's Manifesto of Scientific Political Science. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2021, Vol. 100, N 1, P. 170–182. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-170-182> (In Russ.)
- Efremenko D.V. William Ogburn and the idea of cultural lag. The centenary of the hypothesis. *Philosophy of science and technology*. 2022, Vol. 27, N 2, P. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-58-71> (In Russ.)
- Gosnell H. *Boss Platt and his New York machine; a study of the political leadership of Thomas C. Platt, Theodore Roosevelt, and others*. Chicago: The University of Chicago Press, 1924, xxiv, 370 p.
- Gosnell H.F. *Getting out the vote: an experiment in the stimulation of voting*. Chicago: The University of Chicago Press, 1927, 25 p.
- Gosnell H.F. *Why Europe votes*. Chicago: The University of Chicago Press, 1930, xiii, 247 p.
- Gosnell H. Political party versus political machine. *The annals of the American academy of political and social science*. 1933, Vol. 169, N 1, P. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271623316900104>
- Gosnell H.F. *Negro politicians: the rise of Negro politics in Chicago*. Chicago: The University of Chicago Press, 1935, 404 p.

- Gosnell H. *Machine politics: Chicago model*. Chicago: The University of Chicago Press, 1937, xx, 229 p.
- Gosnell H.F. *Grass roots politics*. Washington, D.C.: American Council of Public Affairs, 1942, ix, 195 p.
- Gosnell H.F. *Democracy: the threshold of freedom*. New York: The Ronald Press Company, 1948, 316 p.
- Gosnell H.F. *Champion campaigner. Franklin D. Roosevelt*. New York: The Macmillan Company, 1952, viii, 235 p.
- Gosnell H.F. *Truman's crises: a political biography of Harry S. Truman*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1980, 656 p.
- Hansen J.M., Gosnell H.F. *PS: Political Science & Politics*. 1997, Vol, 30, N 3, P. 582–586. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096500046904>
- Karl B.D. *Charles E. Merriam and the study of politics*. Chicago: The University of Chicago Press, 1974, 337 p.
- Lasswell H.D. *Propaganda technique in the World War*. Moscow: INION, 2021, 237 p. (In Russ.)
- Merriam Ch.E. The present state of the study of politics. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2021, Vol. 100, N 1, P. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-183-192> (In Russ.)
- Merriam C.E., Gosnell H.F. *Non-voting: causes and methods of control*. Chicago: The University of Chicago Press, 1924, 287 p.
- Platt T.C. *The Autobiography of Thomas Collier Platt*. New York: B.W. Dodge & Company, 1910, 556 p.

Литература на русском языке

- Ефременко Д.В. Столетие манифеста научной политологии Чарльза Мерриам // *Полития*. – 2021. – № 1 (100). – С. 170–182. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-170-182>
- Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // *Философия науки и техники*. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 58–71. – DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-58-71>
- Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / РАН. ИНИОН. сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Москва, 2021. – 237 с.
- Мерриам Ч.Э. Современное состояние изучения политики // *Полития*. – 2021. – № 1 (100). – С. 183–192. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-183-192>

Г.Ф. ГОСНЕЛЛ

СТАТИСТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНЫЕ¹

Перевод: Gosnell H.F. Statisticians and political scientists // American Political Science Review. – 1933. – Vol. 27, N 3. – P. 392–403.

Аннотация. Известный американский политолог, один из лидеров первого поколения чикагской школы политических исследований Гарольд Ф. Госнелл (1896–1997) в своей статье предлагает обзор использования количественных методов в политических исследованиях в США. Госнелл обсуждает проблему идентификации единицы измерения политических явлений и процессов, а также концептуальные трудности выведения эмпирических закономерностей в политической науке. Он показывает, что движение квантитативного анализа набирает силу и ширится, а его потенциал очень велик. Масштабы применения количественных и статистических методов и эвристическая значимость получаемых данных позволяют говорить о новых горизонтах политического познания.

Ключевые слова: количественные методы в политических исследованиях; политическая наука в США; политическое поведение; электоральные процессы; прикладная политология; междисциплинарность; многофакторный анализ.

Для цитирования: Госнелл Г.Ф. Статистики и политические ученые // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 266–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.13>

В своей классической книге «Человеческая природа в политике», опубликованной в 1908 г., Грэм Уоллес говорил: «Мы должны стремиться найти столько релевантных и измеримых фактов о человеческой природе, сколько только возможно, и должны

¹ Пер. с англ. канд. социол. наук В.Г. Николаева.

попытаться сделать всех их полезными в политическом размышлении» [Wallas, 1908, p. 140]. Хотя точка зрения, которую тогда выразил Уоллес, принята далеко не всеми и сегодня оспаривается такими например авторами, как Чарльз О. Бирд¹, с тех пор сделаны некоторые шаги в сторону ее признания.

Уоллеса особенно впечатляло успешное применение количественных методов экономистами, а впечатлиться тут было чем. Возьмем только один пример, работу Ф.И. Эджуорта: содержащиеся в ней измерения полезности, алгебраическое или диаграммное определение экономических равновесий, применение теории вероятности для построения моделей и для измерения экономической ценности и индексов цен демонстрировали тенденцию эпохи в области экономики. XX век ознаменовался ускорением этой тенденции. В использовании статистики политические ученые не только плелись в хвосте у экономистов; отчасти они проявляли и заметное сопротивление движению в этом общем направлении. Как объяснить эту ситуацию?

Очевидно, что в политике единицы измерения найти труднее, чем в экономике, где есть данные, выраженные в стоимостных единицах, такие как данные о ценах и заработной плате, а также производственные данные, представленные в физических единицах. Каковы единицы измерения в политической науке? Джордж Э.Г. Кэтлин решительно утверждает, что в политике единицу измерения задает голос и что это аналог ценовой единицы в экономике [Catlin, 1930], но этот взгляд встретили энергичными возражениями [Elliot, 1931, p. 84–85]. Ясно, что в странах с диктатурами, таких как фашистская Италия, Россия и Турция, голос не имеет такого же веса, каким он обладает в Англии, Франции или Соединенных Штатах; и даже в так называемых демократических странах вес голоса меняется в зависимости от социальных и административных условий. Голос как единицу политической поддержки необходимо еще привести к некоторому стандарту. Еще одним основанием для медленного прогресса статистического метода в политической науке, по сравнению с экономикой, является то, что политологов по традиции учат истории, философии и праву, а не статистике и математике. Кроме того, получаемый ими

¹Его имя появляется под заголовком «Политическая наука» в главе 9 книги: [Gee, 1929]. См. также: [Gooch, 1928].

состав политической теории не переводится с готовностью в постановку проблем в количественных терминах. Многие так называемые экономические законы, которые верифицировались статистическими исследованиями, по ходу дела пересматривались и переформулировались.

Вдобавок к тому измерительные исследования давали эмпирические законы, такие как закон циклических колебаний, которые экономисты-теоретики пытались объяснить. Политическая теория пока не достигла этой стадии. Дж. Э.Г. Кэтлин, П.С. Флоренс [Florence, 1929], Стюарт А. Райс [Rice, 1928], Герман К. Бейль [Beyle, 1931] и др. приступили к переопределению политической теории в терминах, делающих возможным выдвижение гипотез для эмпирических исследований. Кэтлин рассмотрел несколько так называемых политических законов; Флоренс разработал понятия отношений управления, отношений совместной работы и отношений укомплектованности людьми; Райс работал с «имеющимися данными относительно тех факторов, или “сил”, которые порождают политическую активность и придают ей форму и направление». Это первые шаги в сторону статистической политической науки, и они очень важны.

Хотя большинство политологов по традиции продолжают работать в русле истории и публичного права, в их поле вторглись экономисты, социологи, психологи и педагоги, оснащенные статистическими техниками, которые нашли себе в сфере политики интересные проблемы. Возможно, стоит здесь вкратце рассмотреть, как применялись некоторые статистические техники при решении политических проблем неадминистративного типа. Значимость приводимых нами исследований существенно различается, так же, как и правомерность обращения к этим техникам. При имеющихся у нас ограничениях невозможно дать исчерпывающий обзор данного предмета. Критики количественных методов в политической науке могли бы воспользоваться некоторыми из упоминаемых исследований для отстаивания своей позиции, требующей применения других методов. В связи с этим следует заметить, что ни один авторитетный статистик не утверждает, что количественный метод необходимо применять в ущерб другим методам. В части плодотворности гипотез и интерпретаций статистические исследования зависят от качественного дескриптивного анализа.

Первый шаг в любом статистическом исследовании связан с вопросом о единицах, терминологии, шкалах и опросных листах¹. Само собой, глупо подсчитывать данные, которые неопределенны, неточны и двусмысленны, и ожидать получения точных результатов. Так же смешно использовать изощренные математические формулы в отношении данных, которые полны ошибок, сделанных в ходе исходных наблюдений и регистрационных записей. Так, в Чикаго было проведено несколько исследований голосований на референдумах с использованием табулирования и корреляции, прежде чем выяснилось, что были огромные погрешности и подтасовки при подсчете голосов [Maynard, 1930, p. 164]. Скорее всего применение статистического метода в политике будет какое-то время ограничиваться по большей части тестированием единиц и стандартизацией терминологии. Это вовсе не простая задача, ведь измерения в социальных науках обычно непрямые, и очень трудно указать, насколько тесно подсчитываемые данные связаны с изучаемым качеством. Как мы покажем на ряде примеров, задание единиц или шкал для некоторых проблем предполагает основательное знакомство со всей областью статистики.

Творцы Конституции Соединенных Штатов столкнулись с проблемами статистической терминологии, закладывая основы федеральной переписи. Определение «негров» подняло много деликатных вопросов, и некоторые из них до сих пор стоят перед федеральными властями². Кто были эти «другие люди»? Как должен был устанавливаться свободный статус? Как надо было учитывать полукровок? По мере того как масштабы федеральной переписи расширялись, возникало все больше проблем с обозначениями. Любой политический ученый, пользующийся федеральной переписью, должен принимать во внимание пригод-

¹ При обсуждении этой статьи профессор Ф. Стюарт Чэпин настаивал, что измерение следует тщательно отличать от регистрационного учета. Измерение предполагает выбор произвольной шкалы, в то время как регистрационный учет – не более чем подсчет. Как полагал Грэм Уоллес, социальные ученые вряд ли откроют какую-то новую физическую единицу вроде ампера или длины волны. В этой статье слово «измерение» используется не в том смысле, в каком его используют в физических науках. Измерение здесь означает проведение как можно более точных, объективных, ясных, адекватных и сопоставимых наблюдений. Вопрос о единицах всесторонне рассмотрен в книге: [Lundberg, 1929].

² Об этом см.: [Young, 1930].

ность определений переписи для своих целей. Например, пытаясь показать связь между неграмотностью, как она видна из переписи, и реакциями в сфере голосования, нужно не забывать о том, что переписчики не проводят действительной проверки грамотности, а просто задают прямой вопрос, на который вряд ли будут давать правдивый ответ там, где грамотность принято считать социальной необходимостью.

В связи с анализом голосований законодателей и законодательных групп было разработано несколько единиц и шкал. Голоса законодателей легче поддаются статистическому анализу, чем голоса избирателей, так как они не секретны и гораздо разнообразнее по характеру. Президент Лоуэлл одним из первых это признал и уже более тридцати лет назад предложил свое оригинальное определение партийного голосования в законодательном органе [Lowell, 1902]. Более двадцати лет его работа оставалась вызовом, на который никто так и не ответил, пока Райс не разработал так называемые индексы сплоченности и сходства между законодательными группами [Rice, 1924]. Также Райс попытался определить в более общих терминах законодательный *блок* на основе взаимосвязи согласий между парами законодателей [Rice, 1928]. Герман Бейль тоже работал над этой проблемой и изобрел обозначение, называемое у него «индексом значимого сцепления пар». Хотя логика метода Бейля и полезность его процедуры открыты для обсуждения, действительные шаги, которые он предпринимает в обращении со своими данными, определенно предложены, и его метод может быть проверен с помощью других статистических техник. Л.Л. Терстоун уже предложил иной подход в статье, очерчивающей применение метода многофакторного анализа для выявления *блоков* [Thurstone, 1931 a]¹. В отличие от метода Бейля, метод Терстоуна вовлекает все данные и требует подготовки таблицы 2 x 2 для каждой возможной пары измерений и вычисления тетракорического коэффициента корреляции для каждой пары. Работа Терстоуна предполагает, что определение законодательного блока требует проработанной математической логики.

Использование массовых голосований для изучения вариаций в политических установках требует проверки материалов и продуманного установления категорий. Каков механизм определе-

¹ Тетракорический коэффициент r обсуждается в: [Kelley, 1924, p. 253].

ния числа правомочных голосов? Какой метод будет использоваться для определения партийного голосования? В исследовании массовых голосований на трех британских парламентских выборах, опубликованном в 1898 г., Эджуорт столкнулся с проблемой того, что делать с неоспариваемыми избирательными округами, с двухмандатными районами и с кандидатами от мелких партий [Edgeworth, 1898]. У.Ф. Огборн в своем анализе политического мышления социальных классов в Орегоне, основанном на измерении голосований на референдумах (1916), столкнулся с необходимостью определения того, что имеется в виду под социальными классами, урбанизмом и «радикальным» или «консервативным» характером мер, относительно которых проводилось голосование [Ogborn, Peterson, 1916]. Работая несколько лет спустя над схожими проблемами, Райс разработал свой так называемый индекс прогрессивизма и коэффициент избытка национальности [Rice, 1928, p. 94, 198]. Трактовка голосований в Конгрессе у А.Н. Холкомба заключала в себе определение секционных и экономических группировок [Holcombe, 1924]. Можно упомянуть и ряд других исследований, но, вероятно, перечисленного хватит, чтобы прояснить суть дела.

Голосование – лишь очень грубый показатель политических установок, поскольку выбор тут в высокой степени ограничен. Для более тщательного анализа природы политических установок необходима более тонкая шкала. Поскольку голосование тайное, невозможно идентифицировать бюллетени и прямо связать данный род голосования с экономическими и социальными факторами. При изучении такой темы, как массовый интерес к голосованию, быстро становится очевидным отсутствие данных о числе правомочных избирателей и о характеристиках проголосовавших и не проголосовавших. Необходима полевая работа с помощью анкет и интервью, чтобы пролить свет на такого рода проблемы. У.Т. Дональдсон сообщает об исследовании числа и характеристик не голосовавших в двух городах штата Огайо в 1913 г.; исследование опиралось на очень простую анкету [Donaldson, 1914]. Примерно десять лет спустя в Чикагском университете было начато несколько исследований голосования с использованием более полных опросных листов [Merriam, Gosnell, 1924; Gosnell, 1927]. Опросный лист, использованный во втором чикагском исследовании, и тот, которым пользовался Бен Арнесон при исследовании в

небольшом городке в штате Огайо, содержали улучшения по сравнению с прежними опросными листами с точки зрения объективности и ясности [Arneson, 1925]. Более проработанная техника была использована Гордоном Олпортом в 1928 г. при исследовании состава политических установок. Различные вопросы были оценены компетентными людьми на предмет выраженной в них степени радикализма. С помощью этого индекса далее ранжировали обследованных, и параллельно добывалась некоторая другая релевантная информация [Allport, 1929]¹.

Наиболее проработанную технику измерения установок предложил Л.Л. Терстоун [Thurstone, Chave, 1929]². Используя аналогию с психофизическими методами, он разработал процедуры приписывания шкальных значений каждому из серии высказываний. В одной из его процедур в качестве шкального значения того или иного высказывания используется интерполированная медианная оценка группы экспертов относительно его положения в установочном *континууме*. Совершенствование шкалы предполагает и требует солидной подготовки в области статистики. Шкалами Терстоуна, уже стандартизированными или находящимися в процессе стандартизации, которые могли бы заинтересовать политологов, являются шкалы в отношении Конституции Соединенных Штатов, закона, соблюдения воскресенья, войны, сухого закона, коммунизма, патриотизма, государственной службы, смертной казни, иммиграции, свободы торговли, боеготовности, Лиги наций, виновности немцев в войне, свободы слова и доктрины Монро. Бейль приспособил эту технику к формированию шкалы для измерения установок по отношению к кандидатам на выборах [Beyle, 1932]. Модификация его метода была использована для построения так называемой шкалы враждебности, репрезентирующей установку одной страны по отношению к другой, проявляющуюся в отобранных газетных передовицах³.

¹ Из этого исследования делается вывод, что политическое поведение не специфично, а связано с инклюзивными настройками, или установками, заключенными в личности. Политический характер людей в целом связан со множеством заключенных в их личностях родовых черт.

² См.: [Vetter, 1930; Murphy, Murphy, 1931], где дается обзор литературы на эту тему.

³ Относительно статистического анализа материала газет и периодики см.: [Woodward, 1930; Hart, 1933; Foster, 1932].

Из приведенных примеров видно, что отбор подходящих единиц для статистических исследований в политической науке – задача трудная, но решаемая. Как только данные собраны, следующей проблемой становится отбор подходящих статистических инструментов для работы с ними. Сначала рассмотрим применение в политических исследованиях средних измерений дисперсии и смещений распределения. Эджуорт в уже упоминавшемся выше исследовании интересовался тем, ведут ли разнообразные мотивы, влияющие на избирателей на спорных выборах, к результатам, разбросанным вокруг некоторого среднего согласно нормальному закону распределения. С этой целью он проанализировал связь между средним отклонением, квартильным отклонением и формой стандартного отклонения. В 1912 г. Ф. Стюарт Чэпин исследовал то, что он называл «вариативностью массового голосования на президентских выборах», с помощью стандартного отклонения [Chapin, 1912]. К сожалению, для расчетов в этом исследовании не были отобраны правильные единицы: среднеквадратические отклонения высчитывались прямо из сырых данных по партийным голосованиям для каждого выбора. Даже простая проверка этой работы с помощью коэффициента вариации показывала, что выдвинутые в исследовании утверждения не были хорошо обоснованы.

Исследование, больше похожее на исследование Эджуорта, представил Райс, которого интересовала социальная плотность установок в отношении Лафоллета, измеряемая через процент голосов, поданных за него в округах некоторых штатов¹. На основе коэффициента вариации он пришел к выводу, что сила Лафоллета была положительно связана с низкой относительной изменчивостью этих процентов. Еще одно применение средних мы находим у У.Г. Коули в исследовании характеристик лидеров и нелидеров в трех разных ситуациях [Cowley, 1928]. Для определения того, позитивно или негативно обладают той или иной чертой, измеряемой с помощью определенного теста, лидеры одной из его экспериментальных групп, он рассчитывал стандартную ошибку разницы двух средних.

Одной из самых драматичных и обсуждаемых политических проблем, в связи с которой использовались разные средние, было

¹ В книге «Количественные методы в политике» [Rice, 1932]. См. также: [Fletcher, Fletcher, 1930].

перераспределение мест в Конгрессе. Двумя ведущими участниками этого спора были У.Ф. Уилкоккс из Корнеллского университета, выступавший за применение метода основных фракций, и Э.В. Хантингтон из Гарвардского университета, который отстаивал метод равных пропорций¹. Когда после шквала расчетов, основанных на переписи 1930 г., битва стихла и дым рассеялся, выяснилось, что в плане конкретных цифр результаты были одинаковы.

Если экономисты проводили множество эмпирических исследований деловых циклов и тенденций и сформировали теорию для их объяснения, то политическим циклам и тенденциям было посвящено сравнительно мало статистических исследований. Правда, ежегодники и альманахи публиковали данные, из которых можно было сделать такие исследования, и некоторые политические ученые ссылались на качание электорального маятника. Но мало что делалось для анализа амплитуды и ритма политических циклов. Сэр Ричард Мартин обсудил качание маятника в британской политике в 1906 г. Проанализировав результаты выборов, он пришел к выводу, что колебание маятника в 1906 г. было оттоком 10% голосов избирателей от победившей партии к другой стороне [Huntington, 1921 ; Huntington, 1931]². В ряде исследований использовались простые временные графики для демонстрации тенденций голосования за партии и участия избирателей в выборах в нескольких странах [Siegfried, 1913 ; Holcombe, 1924 ; Gosnell, 1930].

В 1926 г. Райс прочитался о более смелой попытке проанализировать сменяемость власти в Нью-Джерси за период с 1877 по 1924 г. и показать связь между политическими и деловыми циклами [Rice, 1928, p. 280–293]. При калькулировании политического цикла он выбрал процентную долю совокупных голосов за республиканских кандидатов в члены законодательного собрания от общей суммы голосов за всех кандидатов. Очистив свой так называемый политический цикл от долгосрочного тренда, он выяснил, что коэффициент корреляции между деловым и политическим циклами составляет $-0,247$. Есть ряд вопросов, которые это исследование оставляет без ответа. Чем можно доказать, что республиканские голоса за членов законодательного собрания в Нью-

¹ Метод основных фракций использует форму среднего арифметического, а метод равных пропорций – форму среднего геометрического.

² Приводится по: [Florence, 1929, p. 114–115].

Джерси типичны для республиканских голосов в стране в целом? В какие годы Республиканская партия была у власти? Резонно предположить, что, когда она не находилась у власти, она могла набирать очки за счет неблагоприятных экономических условий. Когда о партии говорят, что она у власти? Когда она контролирует законодательное собрание штата? Когда контролирует губернаторский пост? Когда контролирует Конгресс? Когда контролирует президента? Какова в Нью-Джерси связь между голосованиями за эти различные посты? Эти и другие проблемы придется решить, прежде чем тонкие математические техники можно будет применить к политическим циклам.

Кларк Тиббитс в статье о «голосах большинства и деловом цикле» отметил, что чтобы условия для бизнеса и популярность партий изучались вместе, выборы должны проходить во время периодов роста, или депрессии, или непосредственно вслед за ними; ведь отдаленная проблема имеет мало значения для колебаний в настроениях электората [Tibbits, 1931]. При этом Тиббитс, похоже, не дал удовлетворительного ответа на вопрос о том, что имеется в виду под партией, находящейся у власти. Другой тип исследования временных рядов мы находим у Ч.Х. Титуса. Его интересовала тенденция массового участия в выборах в Калифорнии [Titus, 1928 ; Titus, 1929]. Он выстроил прямые линии для числа проголосовавших на 1000 человек населения и для числа голосов на 1000 избирателей. Но он не предлагает истолкования своих данных в свете таких релевантных факторов, как изменения в голосованиях, сдвиги в относительной силе основных партий, изменения в суммах денежных средств, потраченных на выборы, и т.д. Эти исследования временных рядов показывают, что получение значимых результатов в этой области зависит от тесного сотрудничества политолога и статистика.

Есть много других политических временных рядов, которые можно было бы изучить, такие как тенденции в голосованиях на референдумах по тем или иным вопросам [Woody, Stouffer, 1930], подъем и упадок мелких партийных движений, изменчивые характеристики представителей [Rice, 1928, chap. XXI] и т.д. Подобные исследования потребовали бы основательного знания соответствующих количественных политических факторов, а также принятых измерительных техник.

С тех пор как около 35 лет назад Карл Пирсон и другие ученые усовершенствовали методы корреляционного анализа, наметилась тенденция определять причинность в терминах зависимости между переменными. Экономисты и теоретики образования широко пользовались корреляциями. В политической науке эти методы, похоже, не получили в достаточной мере общего признания. В 1919 г. Огборн совместно с Голтра использовал метод частной корреляции для выяснения того, как голосовали женщины по сравнению с мужчинами на некоторых избирательных участках Орегона по нескольким мерам, выносившимся на референдум [Ogburn, Goltra, 1919]. Частная корреляция – мощный метод, берущий в качестве постоянных все факторы – кроме того, в отношении которого нужны измерения. Голоса мужчин и женщин в Орегоне не регистрировались по отдельности, и, следовательно, как голосовали женщины, нужно было выяснить из того, как обстояли дела на участках с относительно высокой долей голосующих женщин. Частные коэффициенты корреляции позволили исследователям принимать в качестве постоянного фактор, который они называли фактором консерватизма-радикализма.

Десять лет спустя Огборн и Талбот применили ту же технику к анализу факторов на президентских выборах 1928 г. [Ogburn, Talbot, 1928]¹. В этом втором исследовании были проанализированы пять факторов, которые, как выяснилось, оказали некоторое влияние на результат выборов, и при помощи уравнений регрессии была найдена относительная значимость каждого из них. Оказалось также, что пять отобранных в этом исследовании факторов – влияние иностранного происхождения, сельское влияние, демократическое влияние, католическое влияние и влияние сторонников разрешения продажи спиртных напитков – включали довольно большой процент действенных влияний, как показал множественный коэффициент корреляции. Однако при анализе выборов с помощью этого метода дело, возможно, не всегда обстоит так; это видно из анализа выборов в Иллинойсе, проведенного Вудди и Стауффером [Woody, 1931]. Исходя из частных коэффициентов корреляции, рассчитанных по данным об итогах голосований с 1918 по 1928 г., эти исследователи сделали вывод, что важным фактором на выборах в Иллинойсе была партийная дисциплина.

¹ См. также: [Neprash, 1932].

Как хорошо известно, на выборах 1930 г. в Иллинойсе принципы партийной дисциплины дали сбой. Между тем один из моих студентов обнаружил, что коэффициент корреляции между голосованием за республиканцев в 1926 г. и голосованием за республиканцев в 1930 г. по округам был высоким: $+0,79$ ¹. Иначе говоря, потери, понесенные Республиканской партией в штате, были по разным округам довольно постоянными. Там, где изменения распределены так равномерно, как в этом случае, больше подходит метод временных рядов.

Метод корреляции полезен и при исследовании других политических проблем. Д-р Мэдж МакКинни исследовала некоторые характеристики гражданства, соотнеся комбинированные рейтинги с тестовыми баллами по опросным листам². Терстоун задумал серию исследовательских проектов, предполагающих нахождение взаимных корреляций между баллами по нескольким его установочным шкалам. Он надеется, что это в какой-то мере прольет свет на паттерны нетипичных мнений. Возможности плодотворного использования корреляций, видимо, ограничиваются отсутствием доступных данных по некоторым проблемам, недостаточным знакомством политологов с этой техникой, трудоемкостью этого процесса и дефицитом убедительных гипотез.

Есть также много других статистических техник, которые можно было бы использовать при решении политических проблем, но ввиду недостатка места мы не можем здесь их обсудить. Среди этих техник следует упомянуть картографирование³, индексные показатели [Lundberg, 1929], прогнозирование [Robinson, 1932] и разные применения теории вероятности, особенно для построения выборки. Метод частной корреляции предполагает использование иного типа выборки, а именно выборки, сохраняющей некоторые факторы постоянными. В моем исследовании «Привлечение голосов» была предпринята попытка измерить влияние непартийной агитации на привлечение голосов избирателей путем сопоставления половин отобранных избирательных участков по нескольким релевантным факторам. Терстоун измерил влияние конкретного

¹ М-р Макс Уайт.

² Докторская диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1927 г.

³ Карты президентских выборов см.: [Paullin, 1932]. В какой-то мере карты используются и в моей книге: [Gosnell, 1930].

кинофильма на установки учеников средних школ, применив одну из своих установочных шкал до и после показа фильма. Есть разные способы создания того, что могло бы быть названо контрольной группой.

В этом кратком обзоре я попытался очертить некоторые из возможных применений статистики в таких областях, как изучение политических партий, общественного мнения, гражданства, законодательной деятельности и политической психологии. Статистический метод – один из многих методов, которые могут быть использованы для изучения политического поведения. Очень часто количественное исследование указывает путь для интенсивных качественных исследований того или иного рода. Интерпретация любых статистических результатов требует логических умозаключений и общего знакомства с материалом. В наличии есть несколько мощных статистических техник, разработанных другими дисциплинами, которыми политологи могут воспользоваться в связи с политическими исследованиями – сразу, как только у них появятся какие-нибудь рациональные гипотезы, и сразу, как только будут найдены методы для сбора более полных и надежных данных. Если так называемые законы политической науки когда-нибудь будут изобретены, то выражены они будут скорее всего не как инвариантные механические связи, а как тенденции, тренды и средние соотношения.

Harold F. Gosnell
Statisticians and Political Scientists (Translation)

Abstract. Harold F. Gosnell (1896–1997), a well-known American political scientist and one of the leaders of the first generation of the Chicago school of political studies, in his article offers an overview of the use of quantitative methods in political research in the United States. Gosnell discusses the problem of identifying the unit of measure for political phenomena and processes, as well as the conceptual difficulties of deriving empirical patterns in political science. He shows that the movement of quantitative analysis is gaining momentum and expanding, and its potential is great. The scale of application of quantitative and statistical methods and the heuristic significance of the data obtained allow observers to speak about new horizons of political knowledge.

Keywords: quantitative methods in political studies; political science in the USA; political behavior; electoral processes; empirical political science; interdisciplinarity; multifactorial analysis.

For citation: Gosnell H.F. Statisticians and political scientists (Translation). *Political Science (RU)*. 2023, N 3, P. 266–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.13>

References

- Allport G. The composition of political attitudes. *American Journal of Sociology*. 1929, Vol. 35, N 2, P. 220–238.
- Arneson B. Non-voting in a typical Ohio community. *American Political Science Review*. 1925, Vol. 19, N 4, P. 816–825.
- Beyle H.C. *The identification of attribute-cluster-blocs*. Chicago : University of Chicago Press, 1931, 249 p.
- Beyle H. A scale for the measurement of attitude toward candidates for elective governmental office. *American Political Science Review*. 1932, Vol. 26, N 3, P. 527–544.
- Catlin G.E.G. *A study of the principles of politics: Being an essay towards political rationalization*. New York : The Macmillan Company, 1930, 470 p.
- Chapin F.S. The variability of the popular vote at presidential election. *American Journal of Sociology*. 1912, Vol. 18, N 2, P. 222–240.
- Cowley W.H. Three distinctions in the study of leadership. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1928, Vol. 33, N 2, P. 144–157.
- Donaldson W.T. Compulsory voting and absent voting, with bibliographies. *Ohio Legislative Reference Department Bulletin*. N. 1. Columbus, Ohio : The F.J. Heer Printing Co., 1914, 35 p.
- Edgeworth F.Y. Miscellaneous applications of the calculus of probabilities. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1898, Vol. 61, N 3, P. 534–544.
- Elliott W.Y. The possibility of a science of politics: with special attention to the methods suggested by William B. Munro and George E.G. Catlin. In: Rice S. (ed.) *Methods in social science: A case book compiled under the direction of the Committee on scientific method in the social sciences of the Social Science Research Council*. Chicago : University of Chicago Press, 1931. – P. 81–95.
- Fletcher R., Fletcher M. The frequency distribution of voting in St. Louis. *Social Forces*. 1930, Vol. 8, N 3, P. 427–429.
- Florence P.S. *The statistical method in economics and political science: A treatise on the quantitative and institutional approach to social and industrial problems*. New York : Harcourt, Brace and Company, 1929, 521 p.
- Foster S. *American news of Europe, 1914–1917*. University of Chicago Ph.D. thesis. Chicago: University of Chicago Press, 1932, 136 p.
- Gee W. (ed.) *Research in the social sciences: Its fundamental methods and objectives*. New York: The Macmillan Company, 1929, 305 p.
- Gooch R.K. Government as an exact science. *Southwestern Political and Social Science Quarterly*. 1928, Vol. 9, N 3, P. 252–263.
- Gosnell H.F. *Getting out the vote*. Chicago : University of Chicago Press, 1927, xi, 128 p.
- Gosnell H.F. *Why Europe votes*. Chicago : University of Chicago Press, 1930, xiii, 247 p.

- Hart H. Changing social attitudes and interests. In: *Recent social trends in the United States; report of the President's Research Committee on Social Trends*. New York : McGraw-Hill Book Company, 1933, Vol. 1, P. 382–442.
- Holcombe A.N. *The political parties of today; a study in Republican and Democratic politics*. New York : Harper & Brothers, 1924, 399 p.
- Huntington E.V. A new method of apportionment of representatives. *Publications of American Statistical Association*. 1921, Vol. 17, N 135, P. 829–870.
- Huntington E.V. Methods of apportionment in Congress. *American Political Science Review*. 1931, Vol. 25, N 4, P. 961–965.
- Kelley T.L. *Statistical method*. New York : Macmillan, 1924, 390 p.
- Lowell A.L. The influence of party upon legislation in England and America. *Annual report of American Historical Association, for the year 1901*. Washington : Government Printing Office, 1902, Vol. 1, P. 431–542.
- Lundberg G.A. *Social research: A study in methods of gathering data*. New York : Longmans, Green and Company, 1929, 380 p.
- Maynard D. Fraud and error in Chicago referendum returns. *National Municipal Review*. 1930, Vol. 19, N 3, P. 158–169.
- Merriam C.E., Gosnell H.F. *Non-voting: Causes and methods of control*. Chicago : University of Chicago Press, 1924, 287 p.
- Murphy G., Murphy L.B. *Experimental social psychology*. New York : Harper and Brothers, 1931, 709 p.
- Neprash J.A. *The Brookhart campaigns in Iowa, 1920–1926*. New York : Columbia University Press, 1932, 129 p.
- Ogburn W.F., Peterson D. Political thought of social classes. *Political Science Quarterly*. 1916, Vol. 31, N 2, P. 300–317.
- Ogburn W.F., Goltra I. How women vote. *Political Science Quarterly*. 1919, Vol. 34, N 3, P. 413–433.
- Ogburn W.F., Talbot N.S. A measurement of the factors in the presidential election of 1928. *Social Forces*. 1929, Vol. 8, N 2, P. 175–183.
- Paullin C.O. *Atlas of the historical geography of the United States* / Ed. by J.K. Wright. Washington – New York : Carnegie Institution of Washington / American Geographical Society of New York, 1932, 166 p.
- Rice S.A. *Farmers and workers in American politics*. New York: Columbia University Press, 1924, 231 p.
- Rice S.A. *Quantitative methods in politics*. New York : Alfred A. Knopf, 1928, 331 p.
- Robinson C.E. *Straw votes; a study of political prediction*. New York : Columbia University Press, 1932, 203 p.
- Siegfried A. *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisième République*. Paris : Armand Colin, 1913, xxviii, 536 p.
- Tibbitts C. Majority votes and business cycle. *American Journal of Sociology*. 1931, Vol. 36, N 4, P. 596–606.
- Titus C.H. Voting in California cities, 1900–1925. *Southwestern Political and Social Science Quarterly*. 1928, Vol. 8, N 4, P. 383–399.
- Titus C.H. Voting in California. *Southwestern Political and Social Science Quarterly*. 1929, Vol. 10, N 1, P. 76–94.

- Thurstone L.L., Chave E.J. *The measurement of attitude: A psychophysical method and some experiments with scale for measuring attitude toward the Church*. Chicago : University of Chicago Press, 1929, 21 p.
- Thurstone L.L. Multiple factor analysis. *Psychological review*. 1931 a, Vol. 38, N 5, P. 406–427.
- Thurstone L.L. Influence of motion pictures on children's attitudes. *Journal of Social Psychology*. 1931 b, Vol. 2, N 3, P. 291–305.
- Young D. Statistical studies in race relations. In: Rice S.A. (ed.) *Statistics in social studies*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1930, p. 122–146.
- Vetter G.B. The study of social and political opinions. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1930, Vol. 25, N 1, P. 26–39
- Wallas G. *Human nature in politics*. London: A. Constable & Co., 1908, 142 p.
- Woodward J.L. *Foreign news in American morning newspapers: A study of public opinion*. New York : Columbia University Press, 1930, 122 p.
- Woody C.H., Stouffer S.A. Local option and public opinion. *American Journal of Sociology*. 1930, Vol. 36, N 2, P. 175–205.
- Woody C.H. *The case of Frank L. Smith: A study in representative government*. Chicago : University of Chicago Press, 1931, x, 393 p.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.В. ГАВРИЛОВА¹

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Аннотация. Словарь языка политики как важный источник, фиксирующий характерные для определенной исторической эпохи словарные значения, имеет научное и общественное значение. Цель статьи – определение состава, систематизация и краткая характеристика лексикографической продукции, описывающей язык политики. Материалом исследования являются одноязычные частные лингвистические / комплексные бумажные словари, изданные в СССР и России с 1978 по 2022 г. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью познавательного и исследовательского потенциала словарей языка политики. В ходе исследования нами было отобрано 54 словаря языка политики, которые затем были распределены на 18 типов: авторские и терминологические словари, словари неологизмов, словари устаревшей лексики, словари прозвищ, лингвострановедческие словари, словари цитат, тематические, идеографические, исторические, ассоциативные словари, словари профессиональной лексики, словари метафор, фразеологические словари, словари ярлыков, словари лозунгов, словари сокращений, словари жаргонной лексики. Наиболее представлены в количественном отношении терминологические и авторские словари, а также словари неологизмов и устаревшей лексики.

В российской политической лексикографии наблюдаются процессы дифференциации (по адресату, по единице описания и др.) и специализации (сужение границ предмета словарной фиксации) словарей. Появляются новые типы слова-

¹ Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедр драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: politlinguistics@yandex.ru

рей, в которых находят отражение тенденции развития языкознания (когнитивные исследования, антропоцентризм, функционализм и др.). Обращает на себя внимание увеличение объема словарных статей и применение в них визуальных иллюстраций, энциклопедическое толкование слова, повышение объема приводимых экстралингвистических данных, встречается политически пристрастная позиция по отношению к описываемой лексике.

Словари языка политики способны выступать вспомогательным материалом для проведения понятийных, семантических, когнитивных исследований политической коммуникации.

Ключевые слова: язык политики; словарь; русский язык; лексикография; политическая лингвистика; политика.

Для цитирования: Гаврилова М.В. Лексикографическое описание языка политики в конце XX – начале XXI в. // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 282–306. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.15>

Лингвистический поворот в социальных науках проявляется в изучении взаимодействия языка и общества, языка и идеологии, языка и политики. Одним из примеров, иллюстрирующих подобное взаимовлияние, является словарь, рассматриваемый как форма систематизации и хранения разнообразных знаний и сведений не только о языке, но и о мире, а также рассматриваемый как отражение значимых элементов опыта коллективного познания мира.

Язык и общество могут быть связаны лексикографией, которая «представляет основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнарудует результаты своей деятельности. В этом смысле лексикография может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция – как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [Морковкин, 1987, с. 33].

Связь языка и идеологии обнаруживается в том, что «словари, как и язык в целом, не избавлены от предубежденности. Они содержат определенную точку зрения и представляют определенное понимание» [Блакар, 1987, с. 100]. Так, толковые словари русского языка отражают идеологические установки той эпохи, во время которой были созданы.

В российских гуманитарных и социальных науках конец XX – начало XXI в. характеризуется «лексикографическим бумом» в описании и фиксации новых реалий политического пространства,

в научный оборот вводится понятие «политическая лексикография» (Н.Б. Руженцева).

Цель статьи – определение состава, систематизация и краткая характеристика лексикографической продукции, описывающей язык политики. Под языком политики мы понимаем «всю сферу вербальной коммуникации, относящейся к области протекания политических процессов во всем ее жанровом многообразии» [Юдина, 2001, с. 7].

Материалом исследования являются одноязычные частные лингвистические / комплексные бумажные словари, изданные в России с конца XX в. Выбор материала производился методом сплошной выборки из книги «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» [Козырев, Черняк, 2015] и электронного каталога Российской национальной библиотеки¹. Всего отобрано 54 словаря языка политики. При всем стремлении к полноте описания словарей мы осознаем, что список не является исчерпывающим и в дальнейшем может быть дополнен.

Подчеркнем, что в статье представлены словари различного лексикографического качества. Лексикографические издания различаются по объему и характеру сведений о слове, по масштабности задач, по (не) соблюдению принципов лексикографического описания; они также могут быть адресованы различным аудиториям. Но в своей совокупности словари показывают направления деятельности лексикографов и тенденции развития словарного дела в России.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью познавательного и исследовательского потенциала словарей языка политики. Внимание отечественных лингвистов преимущественно направлено на анализ иноязычной лексикографической продукции [Маник, 2019; Перцева, 2016].

Для изучения структуры и содержания словарей использовались описательный метод и методика лексикографического анализа. Описывается конкретный тип словаря, дается краткий обзор одного из словарей и приводится полный список лексикографических изданий данного типа. Отметим, что в связи с естественным пересечением типов словарей ряд публикаций приводится в нескольких разделах. Словари расположены от наиболее представ-

¹ Каталог Российской национальной библиотеки. – Режим доступа: https://primo.nlr.ru/primo-explore/search?vid=07NLR_VU1 (дата посещения: 10.01.2023).

ленных в количественном отношении типов словарей к единично представленным типам.

Типы словарей языка политики

Вопрос о типологии словарей разрабатывался в работах отечественных лингвистов Л.В. Щербы, Н.З. Котеловой, В.С. Елистратова, Р.М. Фрумкиной, П.Н. Денисова, Ю.А. Бельчикова, Г.Я. Солганика, В.Г. Гака, В.В. Дубичинского и др. При всем многообразии существующих типологий единой схемы в лингвистической литературе не существует. В основе применяемой нами типологии словарей лежит тематика, адресат и объем словника. В результате анализа словаря языка политики были распределены на 18 следующих типов.

Терминологические словари

Цель данного типа словарей – объяснить значение и употребление политических терминов и понятий общественно-политического характера¹. В отечественной лексикографии XX в.

¹ Абаренков В.П., Абова Т.Е., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др. Краткий политический словарь / общ. ред. Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с. ; Бакеркина В.В., Шестакова Л.Л. Краткий словарь политического языка: [более 2 000 терминов и терминологических сочетаний]. – М.: АСТ, 2002. – 281 с. ; Беляева Е.С., Воробьева М.Е., Голев Н.Д., Закирова и др. Словарь обыденных толкований политических терминов. Лексикографический опыт: 50 слов-стимулов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2019. – 142 с. ; Иноятова Ф.Б. Ленинская терминология: (толкование В.И. Лениным политических терминов). – Ташкент: Узбекистан, 1989. – 164 с. ; Проханов А., Стариков Н., Папаяни Ф. Словарь патриота Отечества. – СПб.: Питер, 2019. – 251 с. ; Словарь интерпретаций правовых и политических терминов (на материале опросов жителей Кемеровской области-Кузбасса): справочное издание / ред. Н.Д. Голев, отв. ред. А.В. Иркова. – Кемерово: «Фирма ПОЛИГРАФ», 2022. – 163 с. ; Современная идеологическая борьба: Словарь / под общ. ред. Н.В. Шишлина; Сост. С.И. Беглов. – М.: Политиздат, 1988. – 431 с. ; Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. – М.: Луч, 1996. – 271 с. ; Халипов В.Ф., Халипова Е.В., Исаев И.А., Михайлов В.А. Власть. Политика. Государство и государственная служба. – М.: Академический проект, 2007. – 384 с. ; Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. – М.: Международные отношения, 2002. – 158 с.

накоплен большой опыт издания (кратких) политических словарей². «Краткий политический словарь», издававшийся с 1978 по 1989 г., отражал идеологические положения марксизма-ленинизма. Словарь содержал термины, понятия общественно-политического характера, характеризующие экономическую и социальную политику КПСС, актуальные проблемы международного коммунистического и рабочего движения, современных международных отношений. Советские политические словари были адресованы широкому кругу читателей и выходили большими тиражами. С каждым новым изданием количество терминов увеличивалось, понятия уточнялись в свете решений партийных съездов и пленумов.

Отметим тенденцию в развитии современных терминологических словарей, при которой авторами словаря являются не лингвисты, не специалисты в области социальных наук, а рядовые носители русского языка. В рамках обыденной лингвополитологии создаются словари обыденных толкований политических терминов. Так, «Словарь интерпретаций правовых и политических терминов (на материале опросов жителей Кемеровской области, Кузбасса)» обнаруживает на примере языкового обыденного сознания жителей одного региона ментальные предпосылки политической и правовой конфликтности в обществе.

Авторские словари

Объектом лексикографического описания в авторском словаре являются результаты речевой деятельности конкретного носителя языка. Словарь представляет в алфавитном порядке индивидуальный лексикон языковой личности на фоне развития литературного языка определенной эпохи¹. В российской лексико-

¹ Байрамова Л.К., Денисов П.Н. Фразеологический словарь языка В.И. Ленина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1991. – 348 с.; Жигулёв А.М. Крылатые слова и образы художественной литературы в произведениях В.И. Ленина. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 256 с.; Иноятова Ф.Б. Ленинская терминология: (толкование В.И. Лениным политических терминов). – Ташкент: Узбекистан, 1989. – 164 с.; План Путина: словарь политических терминов / сост. А. Чадаев, К. Логинов. – М.: Европа, 2007. – 141 с.; Самотик Л.Г. Словарь выразительных средств языка политика: (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И. Лебеда). – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т им. В.П. Астафьева,

графии фрагментарно описаны идиолекты трех политиков: В.И. Ленина, А.И. Лебеда и В.В. Путина.

Первый авторский словарь лексикона политического деятеля был предназначен толковать язык В.И. Ленина. Идея создания словаря выдвигалась неоднократно, начиная с 1920-х годов. Однако работа по составлению словаря началась после XXIV съезда КПСС по решению Отделения языка и литературы АН СССР. С этой целью была организована исследовательская группа «Словарь языка В.И. Ленина», которая работала с 1972 по 1994 г. Для создания словаря была собрана картотека, включающая более 2 млн карточек-цитат, иллюстрирующих употребление около 38 тыс. различных слов. Источником словаря являлись тексты произведений В.И. Ленина, включенные в Полное собрание сочинений. Задача лексикографов заключалась в том, чтобы отразить все лексико-семантическое богатство языка Ленина.

Лексикографы полагали, что словарь «будет важным пособием для специалистов гуманитарных и естественных наук, для работников идеологического фронта, лекторов и пропагандистов, для всех, кто интересуется ленинским пониманием значений слов. Словарь языка В.И. Ленина будет большим вкладом в культуру русского народа и всех народов нашей страны, в мировую культуру. Он станет необходимым пособием для переводов сочинений В.И. Ленина на все другие языки» [Филин, 1974, с. 3].

Перед лексикографами встал важный вопрос о способах толкования значения слов, терминологических сочетаний и фразеологизмов политика. «Язык отдельно взятой личности является творчески переработанным вариантом национального языка, а в острые моменты истории как бы криком души. <...> Субъективизм вождей и партий может стать объективной реальностью жизни многомиллионного народа. Потому-то к составлению словарей политиков масштаба Ленина и подходят осторожно, как саперы к неизвестному взрывному устройству террориста» [Денисов, 1996, с. 84–92].

2000. – 185 с. ; Самотик Л.Г. Словарь языка Александра Лебеда. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева: Амальгама, 2004. – 328 с. ; Словарь текущей политики: Навигатор по Посланиям Президента РФ, 2004–2005 гг. – М.: Европа, 2005. – 135 с. ; Словарь языка В.И. Ленина: алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений / отв. ред. П.Н. Денисов. – В 2 томах. – М.: Наука, 1987.

Важно отметить, что группа разработала и успешно применила принципы описания языка политика, отличные от обычных толковых словарей. Составители словаря разделили слова языка В.И. Ленина на две основные категории: 1) слова, при которых не будет приводиться никаких толкований или эти толкования будут минимальными ввиду самоочевидности для читателя их значений; и 2) слова с полными определениями их значений. К первым относятся все слова, значения которых совпадают со значениями тех же слов в современном литературном языке (*вечер, дрова, небо, хороший, важный, смотреть, идти, близко* и мн. др.). Вторая категория лексики – слова, обозначающие систему понятий марксизма-ленинизма (*абсолют, абстракция, агностицизм, бытие, воспроизводство, государство, действительность, диалектика, диктатура, дуализм, закономерность, идеализм, идеология, империализм, категория, класс, коммунизм, марксизм, материализм, материя, мышление, нация* и многие другие). Филологическое определение этих слов формулируется с элементами энциклопедизма при помощи философских, экономических, политических словарей, энциклопедий и консультаций обществоведов. В тех случаях, когда В.И. Ленин сам дает определение тому или иному понятию, оно приводится в Словаре в интерпретации политика (*теоретик, политик, идеолог, класс* и др.). Ленинские определения в Словаре выделяются особым лексикографическим приемом.

Подчеркнем, что принцип дифференцированного определения слов не утратил своей актуальности и практической значимости в современной лексикографии при создании словарей языка политических деятелей.

В связи с резким изменением общественно-политической ситуации в стране проект словаря закрыт, но были опубликованы два тома алфавитно-частотного словаря, и подготовлен к изданию первый том словаря языка В.И. Ленина.

Словари неологизмов

В словарях неологизмов (новых слов), отражающих динамические процессы в лексике, представлены слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период времени в ре-

чевом употреблении¹. По верному наблюдению Г.Н. Складневской, «исследовательский интерес к процессам, происходящим в русском языке постсоветского времени, вполне понятен – редко лингвисты могут наблюдать столь стремительный виток языковой эволюции. Все бурные языковые изменения вызваны социальными, экономическими и политическими переменами, стремительность которых обуславливает впечатление языковых катаклизмов» [Складневская, 2001, с. 177].

Основная цель «Словаря перестройки» – познакомить читателя с состоянием общественной мысли, с наиболее значимыми идеями, отражающими разнообразие мнений в период перестройки. В состав словаря вошли те слова и выражения, которые называют реалии (предметы, явления, действия), возникшие или получившие широкое распространение в советском обществе за годы перестройки, начиная с апреля 1985 г. Выборка слов проводилась из периодических изданий с 1985–1992 гг.

В словарь входят слова и выражения, которые охватывают следующие тематические группы: 1) идеология перестройки; 2) международные и межнациональные отношения; 3) социальная политика; 4) экономика и хозяйствование; 5) научно-технический прогресс; 6) образование и культура; 7) правопорядок.

В основном корпусе словаря толкуются слова и словосочетания, расположенные в алфавитном порядке, а также дается их грамматическая, а в необходимых случаях – стилистическая и иная характеристика.

В словаре предлагается нейтральное толкование слов и выражений, без какой-либо оценки толкуемого явления или процесса.

¹ Новые сокращения в русском языке, 1996–1999: Дополнение к «Новому слов. сокращений рус. яз.»: Правила написания, сокращения и полные названия федеральных органов исполнительной власти при Правительстве РФ на 01.04.1999 / Е.Г. Коваленко и др. – М.: ЭТС, 1999. – 159 с. ; Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 253 с. ; Максимов В.И. Словарь перестройки. – СПб.: Златоуст, 1992. – 256 с. ; Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 894 с. ; Словарь перемен – 2014 / сост. М. Вишневецкая. – М.: Три квадрата, 2015. – 224 с. ; Словарь перемен – 2015–2016 / сост. М. Вишневецкая. – М.: Три квадрата, 2018. – 248 с. ; Словарь перемен 2017–2018 / сост. М. Вишневецкая. – М.: Три квадрата, 2022. – 288 с.

Однако в приводимых цитатах отражаются (без изменений) точки зрения авторов, которые имеют свое, особое мнение об этих явлениях и процессах и нередко выражают не только личное, но и групповое к ним отношение.

Словари неологизмов могут служить источником информации о том: 1) какие новые предметы, явления, понятия пришли в общественно-политическую жизнь страны; 2) были ли это заимствованные или вновь образованные слова; 3) какие известные слова (и обозначаемые ими предметы) приобрели новые значения, были переосмыслены обществом.

Словари устаревшей лексики

Изменения в лексическом составе политической речи – это не только появление новых, но и исчезновение устаревших слов, т.е. обозначающих такие предметы, понятия и явления, которые полностью исчезли или перестали существовать в результате дальнейшего развития общества. Анализируемые нами словари¹ описывают советизмы, под которыми понимаются слова или обороты речи, отражающие реалии советского периода в истории России (1917–1991).

Историко-культурная содержательность устаревших слов позволит расширить знания о советской эпохе и произведениях советской культуры, может служить иллюстративным материалом на лекциях о советском политическом строе.

¹ Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: материалы к Русскому словарю общественно-политического языка конца XX в. – М.: Три квадрата, 2003. – 1024 с. ; Козинец С.Б., Санджи-Гаряева З.С. Словарь советизмов: наименования лиц: пробный выпуск. – Саратов: Наука, 2009. – 70 с. ; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч.: [исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом] / текст проверен Н. Горбаневской. – 2-е изд., доп. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 1–2. – (Преступление и наказание в мировой практике). – [1-е изд. в 1987 г. в Лондоне] ; Тираспольский Г.И. Словарь политической борьбы. – Сыктывкар: ИУМС, 2006. – 374 с. ; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-пресс, 1998. – 700 с. ; Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. – М.: Междунардные отношения, 2002. – 158 с.

В «Толковый словарь языка Совдепии» включены такие слова, как *агитатор*, *болтун*, *блатник*, *вожатый*, *выбросить*, *генсек*, *декрет*, *женсовет*, *коллектив* и многие другие. Словарная статья включает грамматическую и стилистическую характеристику слова, толкование значения, которое в ряде случаев сопровождается этимологической справкой. Иллюстрации из художественной, общественно-политической и научной литературы 1920–1990-х годов раскрывают культурно-исторический фон советизмов, позволяют проследить их судьбу в постсоветский период (различные переосмысления, трансформации). Добавим, что словарь отражает типичную сочетаемость слов-символов советской эпохи.

Словари прозвищ

Одним из языковых средств выражения агональности политической речи являются прозвища, т.е. названия, данные человеку помимо его имени, обычно указывающее на заметную черту его характера, наружности и деятельности. Словари прозвищ демонстрируют состязательный характер коммуникативного взаимодействия политиков, связанный с борьбой за власть¹.

Относительно полное лексикографическое описание прозвищ российских политиков дано в «Большом словаре русских прозвищ», где наименования включены в одну из категорий «Прозвища известных деятелей и знаменитостей». Прозвища расположены по алфавиту, а также указаны грамматические характеристики слова, его стилистическая принадлежность, значение (фамилия, имя и отчество лица), оттенки значения, справка о происхождении (образовании) слова, источник данных.

По мнению авторов словаря, прозвище политика как единица жаргонной лексики отражает определенную политическую си-

¹ Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 2007. – 704 с. ; Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 253 с. ; Щуплов А.Н. Кто есть Ху: Мини-энциклопедия политических кличек. – М.: Политбюро, 1999. – 239 с. ; Щуплов А.Н. Энциклопедия «Тусовка»: [клички и прозвища известных российских политиков и работников культуры, анекдоты об этих персонах]. – М.: Эльф ИПР, 2005. – 388 с.

туацию, содержит определенную оценку (от нейтральной до крайне негативной) общественно-политической деятельности, является результатом ассоциативно-языковой, народно-этимологической игры слов.

Лингвострановедческие словари

Первые лингвострановедческие словари появились в СССР в конце 1970-х – начале 1980-х годов XX в. как учебные словари для иностранцев, изучающих русский язык. Словарь демонстрировал преимущества советского образа жизни и социалистического общественного строя.

Цель данного типа словаря – способствовать изучению советской / русской культуры и истории страны через описание этнокультурного компонента значений лексических и фразеологических единиц¹. В состав словника словаря «Россия» входят 1) слова и словосочетания, называющие факты и явления природы, национальной истории и культуры, например: *Куликовская битва, липа, рожь, перестройка* и др.; 2) имена собственные: топонимы, антропонимы, например: *Нева, Сибирь, А.С. Пушкин, баба-Яга, Чебурашка* и др.; 3) названия общеизвестных литературных произведений, произведений изобразительного искусства, музыки, театра и кино, например: *Лебединое озеро, Три сестры, Богатыри* и др. Всего словарь содержит 2 000 лексических единиц.

Словари цитат

Цитата, служащая иллюстративным материалом к значению слова, в данном типе словаря становится самостоятельной едини-

¹ Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР. – М.: Рус. яз., 1978. – 278 с. ; Еськов Г.С., Кузнецов В.Г. Советское общество: лингвострановедческий словарь для говорящих на французском языке / под ред. Г.С. Еськова. – М.: Русский язык, 1988. – 533 с. ; Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-Пресс КНИГА, 2009. – 736 с. ; Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: лингвострановедческий словарь: [220 словарных статей] / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1984. – 335 с.

цей лексикографического описания. Словари цитат политиков, являющиеся особым лексикографическим произведением для широкого круга читателей, призваны отобразить особенности лингвокультурного пространства и политическую культуру страны в определенные исторические периоды¹.

Словари цитат выполняют дидактическую, справочную, культурологическую, мнемоническую и коммуникативную функции [Перцева, 2016]. Справочник «Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева: Что, кем и когда было сказано» содержит авторские и анонимные цитаты. В описании цитаты указываются: основная форма цитаты, ее источник и датировка, более точный или полный вид, сведения о ее происхождении, о цитатах-предшественницах, о ее дальнейшем бытовании в политическом языке, цитатные переключки и т.д. Среди авторских цитат выделены особые рубрики «Горбачев», «Ельцин», «Ленин», «Сталин», «Столыпин», «Троцкий» и «Хрущев». Справочник может быть полезен в ходе изучения истории политических идей в России на протяжении XX столетия.

Тематические словари

В тематических словарях слова группируются по темам на основе общности обозначаемых предметов, процессов и явлений действительности. В российской политической лингвистике тематические словари описывают избирательные кампании, феномен власти и сферу государственного управления². «Словарь избирательной кампании» включает терминологию избирательного права и избирательного процесса (*выборы альтернативные, закон о*

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Афоризмы, изречения. – М.: Политиздат, 1987. – 541 с. ; Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 253 с. ; Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева: Что, кем и когда было сказано. – М.: Юристъ, 1996. – 240 с. ; Душенко К.В. Зернистые мысли наших политиков. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.

² Гронская Н.Э. Русова Н.Ю. Лексикон власти: словарь-тезаурус политических ассоциаций. – Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008. – 278 с. ; Заварзина Г.А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – 236 с. ; Тарасенко Т.П. Словарь избирательной кампании. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2017. – 587 с.

выборах и др.), общественно-политическую лексику (*законодательная инициатива, неолиберал* и др.), фразеологические единицы (*оставаться в белых перчатках; подкладывать кнопки под свое сиденье* и др.), жаргонную (*технарь, нелтер* и др.), просторечную лексику (*подсадная утка, неустойка* и др.). Всего в словаре представлено более 3200 словарных статей.

Идеографические словари

В идеографическом (понятийном) словаре лексика языка представлена в виде систематизированных групп слов, близких в смысловом отношении¹. Слова располагаются не в алфавитном порядке, а по тематическим группам. Основное назначение словаря – описать совокупность лексических единиц, объединенных общим понятием.

В российской лексикографии наличествует словарь, представляющий понятия «государство», «власть» и «внутренняя политика». В «Идеографическом словаре русской социальной лексики» слова сгруппированы в шести тематических разделах: 1) государственность как основа организованного общества (общественно-экономические формации, формы правления, государство); 2) основы властных отношений в государстве (власть, виды власти, носители верховной власти, обладание властью, управление); 3) политика как государственно-властная сфера (политические течения, политические деятели, политическая практика); 4) сила как источник власти: наказание и поощрение (осуществление контроля за гражданами, наказание за отклоняющееся от правовых норм поведение, поощрение граждан); 5) коррупция как институциональное явление (политический режим, при котором процветает коррупция, люди, участвующие в коррупционных отношениях, феномен взяточничества); 6) конфликт граждан и

¹ 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – Москва: Прогресс; [Париж]: Пайо, 1989. – 557 с.; Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 767 с.; Черникова Н.В. Словарь актуалем: словарь-справочник [88 актуальных концептов (актуалем) и более 500 соотносимых с ними слов перестроечного и постсоветского периодов (1985–2008 гг.)]. – М.: МГОУ; Мичуринск: МГПИ, 2008. – 169 с.

государства (выступления граждан против официальной власти, идеологии, государственного устройства; участники протеста, подстрекательство к протесту).

Идеографические словари могут быть использованы в ходе проведения контент-анализа для определения состава концептуальной переменной.

Исторические словари

В исторических словарях отражена история слов русского языка на протяжении определенного исторического периода¹. Например, в «Идеологически-оценочном словаре русского языка XIX – начала XX века» А.Л. Голованевского описана общественно-политическая лексика, представленная в различных словарно-энциклопедических изданиях, выходивших в России с конца XVIII в. по первые десятилетия XX в. (например: *верноподданный, византизм, военищина, вольнодумство, вольтерьянец, восстание, восьмидесятник, временичник* и мн. др.). Читая словарь, можно познакомиться с особенностями политической жизни предшествующих поколений.

Ассоциативные словари

Ассоциативные словари, фиксирующие результаты проведения психолингвистических экспериментов, призваны выявить общее и специфичное, что присутствует в сознании носителей данной культуры и неосознанно определяет его поведение, оценки и отношение к миру². Отличительной особенностью ассоциативных

¹ Голованевский А.Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX в.: [более 600 словарных статей, сплошная выборка из 75 словарей]. – Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1995. – 170 с. ; Ливенцев Д.В. Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской Империи в XV – начале XX в. – Воронеж: ВФ РАГС, 2005. – 36 с.

² Гронская Н.Э. Русова Н.Ю. Лексикон власти: словарь-тезаурус политических ассоциаций. – Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2008. – 278 с. ; Словарь событийных концептов Кузбасса (2012–2022 гг.) : Справочное издание / Н.Д. Голев,

словарей является то, что в них содержится научная информация первичного характера, т.е. словесные реакции испытуемых в отсутствие толкований лексического значения слов составителями словаря.

Например, в словаре «*Лексикон власти. Словарь-тезаурус политических ассоциаций*» на основе психолингвистического ассоциативного эксперимента построена ассоциативная картина семантического поля «Власть», основные семантические узлы которого представлены рубриками: «Вертикаль власти», «Процедура выборов», «Полномочия власти», «Образы власти». Между терминами-стимулами (*государство, президент, дума, выборы, закон, свобода слова, цензура, бюрократия, коррупция* и т.д.) и полученными от респондентов ассоциатами установлены смысловые связи, моделирующие политическое сознание социума. По мнению составителей, словарь будет полезен в ходе моделирования политического сознания конкретного общества, для обоснования практики использования технологий в сфере развития общественных связей, коррекции политического лексикона медиатекстов и диагностики электорального сознания.

Научный коллектив под руководством Н.Д. Голева, работающий в рамках нового лингвистического направления, наивной (обыденной) лингвополитологии, изучает, как в откликах рядовых носителей языка отражаются политические идеи, каково отношение к ним, а также то, как в словесных реакциях проявляется политическое расслоение общества. Группа разрабатывает принципы словаря особого типа, одним из примеров которого может служить «Словарь событийных концептов Кузбасса (2012–2022 гг.)». В ходе массового эксперимента информанты записывали рядом с каждым событием-стимулом ассоциации и развернутые мнения. Словарная статья включает заголовочное событие-стимул, далее следует фрагмент из СМИ, дающий представление о его содержании, после чего следуют ответы-реакции, расположенные по мере убывания частоты употребления.

Материалы ассоциативных словарей могут быть использованы как источник информации о состоянии и динамике полити-

ческого сознания российского общества; для изучения рефлексии носителей языка по поводу политических феноменов.

Словари профессиональной лексики

Словари профессиональной лексики толкуют слова, обслуживающие в русском языке общественно-политическую сферу деятельности¹. Динамические процессы в общественно-политической лексике показывают, как злободневные значимые проблемы политической жизни страны находят свое отражение в языковой системе.

Словарь «Давайте говорить правильно! Политический язык современной России», изданный в 2003 г., содержит 694 слова и устойчивых выражения. Словник включает политическую лексику активного употребления, отражающую актуальные понятия современности: *альянс, аналитика, брифинг, ваххабизм, вето, вотум, геостратегия, глобализм, двоевластие, департизация, депортация, изоляционизм, импичмент, инаугурация, квота, консолидация, конформизм, коррупция, либерализация, лига, лобби, многопартийность, негражданин, нонконформизм, однопартийность, олигархия, омбудсмен, плебисцит, посттоталитарный, прозападный, протекционизм, референдум, сепаратизм, спичрайтер, суверенитет, Шенген, электорат* и др.

В качестве иллюстрации приведем словарную статью: «*Деполитизация* [дэполитизация] и [деполитизация], и, ж. 1. Устранение влияния и представительства политических партий (первоначально КПСС) внутри государственных учреждений. *Деполитизация государственных средств массовой информации. Деполитизация армии, школы.* 2. Ослабление политической активности; утрата интереса к политике. *Деполитизация общества, населения, молодежи.* 3. Процесс преодоления основополагающих политико-идеологических противоречий между конкурирующими партиями внутри структур власти. *Деполитизация Думы, парламента, Совета Федерации*».

¹ Заварзина Г.А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – 236 с. ; Скляревская Г.Н., Ткачёва И.О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник: [717 слов и устойчивых выражений]. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. – 219 с.

Словари метафор

Особенностью описываемого типа словарей является то, что в них метафора рассматривается не как стилистический прием, а как инструмент познания действительности, т.е. как основная ментальная операция и сложный языковой феномен, образуемый в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания / фокуса / источника и оболочки / фрейма / цели¹.

Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов в словаре «Русская политическая метафора» проанализировали корпус политических текстов (выступления депутатов на Первом съезде Верховного Совета, политические дискуссии, отраженные в современной публицистике и передачах СМИ до 1991 г.). Объектом лексикографического описания являются политические метафоры, используемые в русском политическом дискурсе эпохи перестройки. Тематически область политических метафор ограничена областью внутренней политики.

Словарь разделен на две части. В первой части словаря «Метафорические модели политической реальности» собраны наиболее частотные метафорические модели следующих типов: война, игра, механизм, организм, растение / дерево, родственные отношения, спорт, театр, цирк. Вторая часть словаря «Мир политики в зеркале метафор» содержит политические метафоры, организованные по другому принципу: от политической реалии к продуктивным и непродуктивным метафорическим моделям. Здесь содержатся следующие словарные статьи: демократия, законодательство, КГБ, КПСС, перестройка, политические лидеры, Россия, СССР, финансы, экономика и др.

Словари лозунгов

Книга «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии»² представляет собой первый опыт описания политического жанра малой формы.

¹ Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР, 1991. – 192 с. ; Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.

² Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова и др.; немецкая часть:

В словаре представлено около 250 устойчивых словесных комплексов, ставших лозунгами, из которых 200 единиц – русские (Свобода, равенство, братство!; Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Великому Октябрю – слава!; Владыкой мира будет / станет труд!; Готов к труду и обороне!; Благополучный человек – благополучная страна!; Верим в Россию, верим в себя!; Вперед, в СССР! и др.) и 50 – немецкие (Keine Freiheit ohne Sicherheit ♦ букв. Без безопасности нет свободы; Keine Spekulation mit Nahrungsmitteln [Nahrung]! ♦ букв. Нет спекуляции продуктами питания!; Kindergarten / KITAS kostenfrei / kostenlos / gebührenfrei! ♦ букв. Бесплатный детский сад!; Mitmachen – Mitentscheiden – Mitverantworten ♦ букв. Делать вместе – решать вместе – нести ответственность вместе и др.).

Словарные статьи расположены по алфавиту первого компонента лозунга. Каждый лозунг охарактеризован по пяти параметрам: 1. В инициальной зоне лозунг представляется в его нормативной исходной форме. 2. В источниковедческой зоне содержится информация о времени возникновения лозунга, его авторе (-ах); здесь же указывается (при необходимости) название произведения, из которого взята фраза; описываются обстоятельства его популяризации, сфера его распространения и принадлежность определенным партиям или общественным движениям. 3. В семантической зоне дается указание на принадлежность к определенной разновидности лозунга (призыв, девиз, лозунг-констатация, лозунг-предостережение, здравица и др.) и характеристика его значения с учетом интенции адресата и ожидаемой реакции коллективного адресата. 4. В иллюстративной зоне приводятся примеры употребления лозунга. 5. В библиографической зоне представлены в хронологическом порядке сведения о фиксации лозунга в справочниках.

Фразеологические словари

Напомним, что в широком значении под фразеологизмами понимаются лексически неделимые целостные по значению устойчивые сочетания слов. В качестве примера рассмотрим «Фра-

зеологический словарь языка В.И. Ленина»¹, который содержит около 2400 единиц: идиомы, фразеологизмы, крылатые слова, литературные цитаты, пословицы и поговорки, авторские выражения и афоризмы. Словарь построен по алфавитно-гнездовому типу. Каждая фразеологическая единица сопровождается толкованием, указанием на частоту употребления и источник возникновения и иллюстрируется цитатой из Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Словарь раскрывает лингвокреативную способность политика использовать экспрессивно-выразительные языковые средства в целях политической борьбы.

Словари ярлыков

Ярлык как языковое средство дискредитации социально и политически значимых объектов, как инструмент речевой агрессии используется в политической борьбе за власть. Цель «Словаря современных политических ярлыков»² – дать характеристику основных словесных ярлыков, используемых в современном политическом дискурсе в качестве орудия информационно-психологического противоборства. Словарь является толково-иллюстративным, содержит словообразовательные дериваты и (факультативно) филологические комментарии. Словарь включает 188 лексических единиц, например *биомасса*, *ватник*, *креакл*, *партия жуликов и воров*, *пиндос*, *политический клоун*, *политический пигмей* и др. Словарь имеет практическое значение при проведении лингвистической экспертизы в делах о защите чести и достоинства граждан.

Словари сокращений

Появление в языке большого количества сложносокращенных слов различного типа делает необходимым создание словарей

¹ Байрамова Л.К., Денисов П.Н. Фразеологический словарь языка В.И. Ленина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1991. – 348 с.

² Сковородников А.П., Копнина Г.А. Словарь современных политических ярлыков. – Красноярск: СФУ, 2022. – 176 с.

сокращений, которые призваны их расшифровать и объяснить¹. Так, словарь «Новые сокращения в русском языке, 1996–1999...» содержит около 10 000 новых сокращений и состоит из двух частей. Первая часть включает сокращения, не вошедшие в наиболее полный словарь «Новый словарь сокращений русского языка», а также появившиеся в русском языке в период 1996–1999 гг. Во второй части приводятся сокращенные и полные названия федеральных органов исполнительной власти и органов при Правительстве Российской Федерации по состоянию на 01.04.1999 г. и правила их написания. Словарь имеет практическую направленность, поэтому система помет и пояснений сведена к минимуму: сокращения приводятся без ударения, грамматических помет и без указания произношения.

Словари жаргонной лексики

В издании «Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов»² систематизирован российский политический сленг, который активно использовали работники СМИ, политики, бизнесмены, военные, аналитики-политологи с 1990-х по начало 2000-х годов.

Словарь состоит из трех частей. Первая часть «Современный журналистский политсленг» представлена неологизмами и жаргонными выражениями (*административный ресурс, азиатские тигры, безальтернативщик, вертикаль власти, гусь-березовщина, диктатура закона* и мн. др.). Слова приводятся в алфавитном порядке. Словарная статья состоит из толкования слова (выражения); ссылки на источник, первым употребивший слово (выражение) в данном значении; иллюстративных цитат.

¹ Новый словарь сокращений русского языка: около 32 000 сокращений / под общ. ред. Е.Г. Коваленко. – М., 1995. – 668 с. ; Новые сокращения в русском языке, 1996–1999: Дополнение к «Новому словарю сокращений русского языка»: Правила написания, сокращения и полные названия федеральных органов исполнительной власти при Правительстве РФ на 01.04.1999 / под общ. ред. И.В. Фаградянца. – М.: ЭТС, 2001. – 159 с.

² Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 253 с.

Во второй части представлены циркулирующие в СМИ прозвища, клички и эпитеты известных политиков, бизнесменов, общественных деятелей, расположенные в персональных гнездах в соответствии с алфавитным порядком фамилий (*Абрамович Роман Аркадьевич, Гайдар Егор Тимурович, Жириновский Владимир Вольфович* и мн. др.).

В третьей части словаря «Афоризмы и лозунги, запущенные в оборот известными российскими ньюсмейкерами» высказывания приводятся в алфавитном порядке, в соответствии с фамилиями авторов. Словарь снабжен именованным указателем.

Как отмечают составители словаря, его можно использовать, во-первых, как пособие для журналистов в целях правильного употребления значений слов. Во-вторых, словарь дает возможность проследить историю появления в публичной речи тех или иных слов. В-третьих, словарь будет интересен исследователям российской политической жизни конца XX в. В-четвертых, словарь будет полезен писателям и сценаристам для воссоздания речевого облика современного публичного человека.

Заключение

Словарь языка политики как важный документ, фиксирующий характерные для определенной исторической эпохи словарные значения, имеет научное и общественное значение.

Словари языка политики представляют собой разветвленную систему разнообразных изданий различных типов. Мы распределили анализируемые словари на 18 типов. Наиболее представлены в количественном отношении авторские и терминологические словари, словари неологизмов и устаревшей лексики. Преимущественно словари языка политики являются дескриптивными (описательными).

Следует отметить познавательный потенциал словарей языка политики для исследования политической жизни общества. Так, ассоциативные словари могут быть полезны политическим психологам в изучении политического сознания российского общества. Идеографические словари необходимы для проведения контент-анализа политических текстов при составлении концептуальной переменной. Словари профессиональной лексики, терминологические словари помогут в постижении истории политической

мысли. Авторские словари могут быть востребованы в изучении природы политического лидерства. Словари цитат, словари метафор и фразеологические словари можно использовать в рамках политической риторики для анализа речевых средств убеждения аудитории и для описания риторического портрета политика. Словари прозвищ, словари ярлыков, словари жаргонной лексики могут служить материалом исследования деструктивных речевых способов ведения политической борьбы. Кроме того, толковые словари русского языка могут являться материалом анализа идеологических воззрений общества на определенном историческом этапе развития.

В российской политической лексикографии наблюдаются процессы дифференциации (по адресату, по единице описания и др.) и специализации (сужение границ предмета словарной фиксации) словарей. Появляются новые типы словарей, в которых находят отражение тенденции развития языкознания (когнитивные исследования, антропоцентризм, функционализм и др.). Обращает на себя внимание увеличение объема словарных статей и применение в них визуальных иллюстраций, энциклопедическое толкование слова, повышение объема приводимых экстралингвистических данных; встречается политически пристрастная позиция по отношению к описываемой лексике.

Агональность политической речи нашла свое отражение в создании словарей прозвищ и словарей ярлыков, а также в иллюстративном материале словарей иных типов.

Обобщенным адресатом современных словарей языка политики являются филологи, журналисты, специалисты по теории массовой коммуникации, политические лингвисты, политики, политтехнологи, политологи, социологи, российские и иностранные студенты, а также широкий круг читателей, интересующихся политикой.

Говоря об областях взаимодействия политической лингвистики и политической науки, представим возможные перспективные направления развития политической лексикографии.

Учитывая тенденцию к компьютеризации лексикографической деятельности, нужно создавать и широко применять обновляемые корпуса политических текстов и терминологические базы данных о политике на русском языке. Необходимо уточнить «профиль пользователя» словаря языка политики, принимая во внимание потребности современных читателей.

Для полного и всестороннего описания языка отечественной политики в его истории и современном состоянии важно создавать словари языка глав государства, видных политических деятелей, политических партий, политических концептов, частотные словари и др. Кроме того, следует расширять состав двуязычных словарей (например, русско-китайский / испанский / арабский / хинди и проч. словарь общественно-политической лексики).

Важно рассматривать создание политического (терминологического) словаря как междисциплинарный научно-практический проект, объединяющий знания лингвистов, политологов и политиков.

В политической науке как обучающей дисциплине чтение словаря языка политики в качестве формы коммуникативной и познавательной деятельности может способствовать совершенствованию коммуникативной компетенции будущих представителей профессиональных сообществ, изучающих политические процессы в России. Добавим, что толковые, исторические словари, словари неологизмов, словари устаревших слов могут служить иллюстративным материалом в учебных курсах, посвященных изучению особенностей политических систем, отношений и процессов.

В политической науке как исследовательской дисциплине словари языка политики способны выступать вспомогательным материалом для проведения качественных (понятийное, семантическое, когнитивное направление анализа политической коммуникации) и количественных (контент-анализ) исследований политической жизни общества.

Словари языка политики выступают показателем уровня политической культуры общества, поскольку в словаре через описание лексических единиц отражаются политическая история страны и система политических ценностей общества.

M.V. Gavrilova*

**Lexicographic description of the language
of politics in the late XX – early XXI centuries**

Abstract. Dictionary of language of politics as an important document, fixing the dictionary meanings characteristic for a certain historical epoch, has a scientific and

* **Gavrilova Marina**, Saint-Petersburg state university of film and television (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: politlinguistics@yandex.ru

public importance. The purpose of the article is to determine the composition, systematization and brief characteristics of lexicographic products describing the language of politics. The research material is monolingual linguistic/complex paper dictionaries published in Russia since the end of the 20th century. Insufficient knowledge of the cognitive and research potential of dictionaries of the language of politics determines the relevance of the research.

During the research we selected 54 dictionaries of the language of politics, which were divided into 18 types: author's dictionaries, terminological dictionaries, dictionaries of neologisms, dictionaries of obsolete vocabulary, dictionaries of nicknames, linguistic and cultural dictionaries, dictionaries of quotations, thematic, ideographic, historical, associative dictionaries, dictionaries of professional vocabulary, dictionaries of metaphors, phraseological dictionaries, dictionaries of labels, dictionaries of slogans, dictionaries of abbreviations, slang dictionaries. The author's and terminological dictionaries, dictionaries of neologisms and obsolete vocabulary are the most quantitatively represented.

In Russian political lexicography, we can witness the differentiation (by addressee, by unit of description, etc.) and specialization (narrowing of the boundaries of the subject of dictionary fixation) of dictionaries. New types of dictionaries that reflect the trends in the development of linguistics (cognitive research, anthropocentrism, functionalism, etc.) are emerging. Attention is also drawn to an increase in volume of dictionary entries and the use of visual illustrations in them, an encyclopedic interpretation of a word, an increase in a volume of extralinguistic data, there is a politically biased position in relation to the described vocabulary.

Dictionaries of the language of politics can act as auxiliary material for conceptual, semantic, and cognitive studies of political communication.

Keywords: language of politics; dictionary; Russian language; lexicography; political linguistics; politics.

For citation: Gavrilova M.V. Lexicographic description of the language of politics in the late XX – early XXI centuries. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 282–306. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.15>

References

- Blakar R. Language as a means of social power. *Language and modeling of social interaction*. Moscow: Progress, 1987, P. 88–125. (In Russ.)
- Denisov P.N. *The language of Russian social thought in the late 19th–first quarter of the 20th centuries*. Moscow: MALP, 1998, 184 p. (In Russ.)
- Filin F.P. About V.I. Lenin's language Dictionary. *Voprosy iazykoznanii*. 1974, N 6, P. 3–10. (In Russ.)
- Kozyrev V.A., Cherniak V.D. *Lexicography of the Russian language: the current century and the past century*. Saint-Petersburg: RGPU Press, 2015, 633 p. (In Russ.)
- Manik S.A. *English-language political lexicography: formation, development, current state*. Doctor's degree dissertation. Nizhnii Novgorod: 2019, 572 p. (In Russ.)

- Morkovkin V.V. On the scope and content of the concept of «theoretical lexicography». *Voprosy iazykoznaniiia*. 1987, N 6, P. 33–42. (In Russ.)
- Pertseva V.G. Dictionaries of the language of politicians in the context of English lexicography. *Vestnik KGU*. 2016, N 2, P. 211–215. (In Russ.)
- Skliarevskaia G.N. The word in a changing world: the Russian language of the beginning of the XXI century: state, problems, prospects. *Issledovaniia po slavianskim iazykam*. 2001, N 6, P. 177–202. (In Russ.)
- Yudina T.V. *Theory of socio-political speech*. Moscow: Moscow University Press, 2001, 158 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Блаклар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
- Денисов П.Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. – М.: МАЛП, 1998. – 184 с.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 633 с.
- Маник С.А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук. – Нижний Новгород, 2019. – 572 с.
- Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33–42.
- Перцева В.Г. Словари языка политиков в контексте английской лексикографии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. – № 2. – С. 211–215.
- Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – № 6. – 2001. – С. 177–202.
- Филин Ф.П. О словаре языка В.И. Ленина // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 3–10.
- Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 158 с.

Г.И. ОСТАПЕНКО*
ЯЗЫК ИЗМЕНЕНИЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ¹

Рец. на кн.: Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – 344 с.

Для цитирования: Остапенко Г.И. Язык изменений этнокультурных пространств (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 307–314. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.16>

Язык, которым оперируют географы, не менее привычен для них, как для любого лингвиста привычны речевые акты. Язык географии – картоиды, картограммы и карты (по степени строгости правил к отображению рассматриваемого материала) – имеет все основания рассматриваться в перспективе его семантических, синтактических и прагматических свойств по Чарльзу Моррису. На этом языке географы прослеживают пространствен-

* **Остапенко Герман Игоревич**, магистрант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: ostig@bk.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00383.

ную «эволюцию» различных явлений, используя достаточно универсальные и конвенциональные способы передачи их сути.

В свою очередь, одной из современных точек притяжения внимания географов становится интерес к пространственности этнокультурных проявлений. Свойственное этнополитологии изучение политических особенностей этих проявлений обычно носит качественный характер и не переводится без адаптации на язык географии.

В поиске инструментария, который позволил бы количественно оценить этнокультурные ниши на постсоветском пространстве, всем нам следует обратиться к эволюции «вопроса». Такого рода совокупность естественной цепи социальных метаморфоз может выражаться в разных гранях этнокультурных проявлений: этнополитике, языковой политике, ономастике или этнической семиотике, – но подход авторов рецензируемой монографии сфокусирован на собственно географической «стороне медали».

На стыке политической, культурной и исторической географии находится область исследований этнокультурных пространств [Этнокультурная трансформация ... , 2022].

Рассматривая во временной перспективе режимы этнокультурных изменений, потоков населения и отражая их на картограммах и картосхемах, современные географы стараются оценить наблюдавшиеся тенденции, понять, как происходят трансформации этнокультурных пространств в условиях разделения «старого» полиэтнического территориального сообщества и формирования «новых», уже разделенных.

Эволюция пространственной этнической структуры связана с миграцией населения при политических потрясениях, модификацией государственных границ, возникновением новых государственных образований. Степень этнического видоизменения отличается не только на макроуровне – уровне государств, но и микроуровне – региональном.

Суть авторского видения заключается в оценке этнической компоненты в поле пространственной этнической структуры – в том числе, как динамики доли населения и как степени концентрации титульных народов в разрезе национально-государственных образований.

Сторонники количественного подхода оперируют набором коэффициентов и индексов: этнической однородности, этнической концентрации, этнической мозаичности, этнической контактности, а также удельным весом этнических групп.

При всей «мозаике» способов измерения, каким поддается этничность, в данном поле существует лакуна «динамизма»: индексы и коэффициенты фиксируют статичную картину этнического полотна государства, в то время как его изменчивость и адаптивность остается «за кадром». Их проекция в пространственно-временном политическом континууме и есть своеобразное выражение эволюции этнокультурного пространства.

Важнейшей концептуальной характеристикой этого континуума является его многослойность. Элементами его структуры можно назвать этнический, лингвистический и конфессиональный пласты пространства. В этой связи эволюция наших представлений об этнокультурном пространстве редко выражается сквозь единственную призму и является, по сути, мультимодальной.

Новацией в оценке трансформации компонентов территориальной структуры этнокультурного пространства является предложенная авторами монографии методика делимитации этнокультурного пространства постсоветских государств, учитывающая и удельный вес русского населения, и вес титульных народов. Предложенная методика применима для выделения основных элементов этнокультурного пространства в странах ближнего зарубежья. Принцип делимитации также позволяет оценивать влияние на территорию ближнего зарубежья русской геоэтнокультурной системы. С учетом структурных элементов – ядра, этноконтактных зон, социокультурных полей – возможно оценивать показатели компактности и степени развитости геоэтнокультурной системы. Степень выраженности этнических ядер национальных геоэтнокультурных систем позволяет оценивать их уровень развитости и эволюционный потенциал.

«Эволюционный» потенциал постсоветских этнокультурных пространств в авторской оптике состоит в обнаружении триггера, влияющего на демографические, политико-культурные процессы и этноассимиляционные процессы конфессионального свойства. По мнению авторов, в такой роли выступает закономерность, связанная с давностью вхождения и длительностью пребывания территорий в составе единого Российского государства, позднее СССР.

В монографии также использован нетривиальный подход к оценкам степеней трансформации постсоветского пространства под воздействием русской геотнoкультурной системы. Авторы рассматривают этнокультурное пространство как категорию, обладающую по сути не линейными характеристиками. В постсоветское время происходит «сжатие» русского геопространства. Распад СССР зафиксировал точку остановки развития советской геокультуры и запустил процесс, обратный тому, когда вслед за расширением границ Российского государства происходило горизонтальное пространственное эволюционное развитие.

При рассмотрении эволюционных процессов языковой проекции этнокультурного пространства учитывается явление многослойности сложной вертикальной структуры геокультурного пространства. Часть слоев: этнический, языковой, этнографический, топонимический, конфессиональный – авторы объединяют под общим названием «этнокультурное пространство». Ключевым из них является этнический слой; при этом все слои имеют тесные нестатичные переплетения между собой.

Среди структурных элементов социокультурной системы особо выделяется «хоумленд» как наиболее глубоко переработанная и видоизмененная в социокультурном отношении территория. Ее окружают внутренняя и внешняя буферные зоны, служащие для защиты «хоумленда» от экспансии соседних социокультурных систем.

Для изучения современных проявлений многовековой динамики и трансформации русского геопространства в рамках концепции геокультурного пространства и геотнoкультурных систем авторы вводят показатель «Степень трансформированности языкового пространства под воздействием Русской геотнoкультурной системы».

Русский язык рассматривается как фактор / средство интеграции, организующий русское культурное пространство в постсоветских странах. В этой связи показатель степени видоизменения / трансформированности языкового пространства можно эффективно использовать в целях оценки степени языковой трансформированности под воздействием Русской геотнoкультурной системы в контексте особенностей этнокультурной обстановки территории. Так, авторами приводятся характерные примеры, демонстрирующие, что множество регионов ныне независимых государств под-

верглось минимальной языковой трансформации под воздействием Русской геотноткультурной системы. Исключение составили все области и столица Республики Беларусь, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, регион Латгале в Латвии, области в северной и восточной частях Казахстана (включая г. Алматы), север Кыргызстана (со столицей) и столица Узбекистана. Авторы заключают, что основной ареал проживания русскоязычного населения, за исключением названных выше регионов, укладывается фактически в современные границы страны.

В монографии также уделяется пристальное внимание особенностям трансформации этнической структуры населения в постсоветский период. Гибкость разработанной авторами методики позволяет выделить особенности типов этнической трансформации, характерные для конкретного исторического периода. В постсоветский период наблюдалось два доминирующих типа трансформаций этнической структуры: рост доли русского населения при уменьшении удельного веса титульных народов и зеркальный тип – рост доли титульных народов при уменьшении удельного веса русского населения.

Авторская методика позволяет произвести оценку трансформации этнической структуры населения на региональном уровне. Использование этой методики позволило выявить тенденцию, заданную еще в период с 1939 по 1989 г., в полной мере проявившую себя в постсоветский период. В структуре населения во всех столицах республик Закавказья и Средней Азии стала происходить замена русского населения титульными народами. В качестве наиболее значимого фактора сокращения доли русских в целом ряде регионов европейской части России авторы приводят фактор сокращения населения и демографическую компенсацию в виде приема мигрантов из других регионов и союзных республик.

Основной тренд трансформации этнической структуры населения регионов Советского Союза определялся также миграциями русского населения в районы нового освоения (например, на север Казахстана – для освоения целины). Но восточный вектор миграции стал уступать западному – миграции в республики Прибалтики, Молдову, Беларусь и Украину. Титульное население республик из сельской местности стало перетекать в крупные города, где изначально преобладало русскоязычное население. Это создало

предпосылки для полной замены этнокультурной доминанты в столицах, что и произошло в постсоветский период.

В монографии для анализа данных и интерпретации результатов эффективно применяются некоторые методики, предложенные Б.М. Эккелем, например в качестве инструмента, определяющего «этническую пестроту» при расчетах индекса этнической мозаичности.

В результате отдельного исследования авторы выделяют следующие взаимосвязанные, но неодинаковые по интенсивности тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве: 1) увеличение доли титульных народов на уровне государств и регионов; 2) рост концентрации титульных народов в пределах своих национально-территориальных образований; 3) сокращение удельного веса нетитульных народов (наиболее многочисленных национальных меньшинств). В качестве магистральной тенденции обозначено видоизменение национальной структуры в направлении моноэтнизации населения постсоветских стран.

Интерес представляет также анализ постсоветского пространства в разрезе групп этнической трансформации. Авторами выделяются группы со значительной, небольшой и минимальной этнической трансформацией. К влияющим факторам отнесены миграционный отток русского населения, демографическая и естественная убыль, ассимиляция представителей русско-титульных групп и размывание их этнической идентичности. В группах регионов с радикальной этнической трансформацией оказались столицы многих государств ближнего зарубежья. Авторы считают объяснением этому приверженность русского населения к проживанию на наиболее урбанизированных территориях.

Заслуживает отдельного внимания также анализ динамики основных этнических и лингвистических групп в Республике Беларусь, учитывающий уникальные для постсоветских государств особенности этнолингвистических процессов и разнонаправленность трансформаций в этнической структуре населения в политическом контексте. Подчеркивается влияние изменения направления геополитического вектора на процессы трансформации идентичности. Этнический и демографический факторы играют все более значимую роль в современном геополитическом пространстве.

Таким образом, в монографии были рассмотрены историко-географические предпосылки, демографические, языковые, геополитические и социально-экономические аспекты трансформации этнокультурного пространства постсоветских государств.

Посредством подобных проявлений становится отчетливой и заметной эволюция этнокультурных пространств: новые политические обстоятельства проливают свет на изменчивость этнокультурной составляющей. А ряд актуальных и очень своевременных исследований на основе двух оригинальных разработанных методик позволил авторам всесторонне проанализировать масштабное перераспределение населения между своими основными макрорегионами, выделить основные тренды этнической трансформации постсоветского пространства, определить процессы, приводящие к моноэтнизации населения новообразованных государств, «сжатие» русского языкового пространства.

Языковой поворот (*linguistic turn*) и последовавший за ним пространственный поворот (*spatial turn*) тесно связаны по своей сути с обращением к новому «языку» политических процессов. И, хотя по своей природе эти повороты в политической науке представляют собой гораздо более масштабное явление, чем в представленной метафоре, овладение «географическим языком» является не менее важным маркером преобразований в современной политической науке и географии.

G.I. Ostapenko*

The language of evolution of ethno-cultural spaces (review)¹

For citation: Ostapenko G.I. The Language of evolution of ethno-cultural spaces (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 307–314. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.16>

* **Ostapenko German**, HSE University; MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: ostig@bk.ru

¹ This research is supported by the grant from the Russian Science Foundation, project N 22-18-00383.

References

Manakov A.G. (ed.). *Ethno-cultural transformation of post-Soviet space: factors, trends, prospects*. Pskov: Pskov state university, 2022, 344 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – 344 с.

К сведению авторов

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; затем references. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

Information for the authors

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in ppt, pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
2023 № 3

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректоры Д.Г. Валикова, М.П. Крыжановская

Подписано к печати 30 / VIII – 2023 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,4 Уч.-изд. л. 17,4
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 168

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У